

ISSN 2219-6838

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ

Основано в 2010 году

2/2020

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; к. ю. н., доц. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Barabash** (doctor of legal sciences, prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Kokotov** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **R. Rusinov** (candidate of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Savitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru,
electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Малинова А. Г. (Москва) Только ли личность является носителем интереса?5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Толстых В. Л. (Новосибирск) Право как мифология: 32 комментария18

Муратшина К. Г., Вербицкая Т. В. (Екатеринбург) Договорно-правовая база гуманитарного сотрудничества России со странами Центральной Азии: сравнительный анализ26

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Орлов В. Г. (Хельсинки, Финляндия) Процедуры разрешения административных дел в Финляндии33

Веде Ю. В. (Екатеринбург) Преклюзия в гражданском процессе Германии: значение, перспективы, риски43

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Смушкин А. Б. (Саратов) Криминалистическое исследование мобильных устройств 48

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Ергашев Е. Р., Панкова А. А. (Екатеринбург) Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами53

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Штыков В. П. (Владивосток) Управляющая организация юридического лица и условия ее имущественной ответственности61

Бабич А. А. (Санкт-Петербург) О понятии и перспективных направлениях государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды67

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мурзин Д. В. (Екатеринбург) Правовые вопросы организации научной деятельности в современной России76

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Нехорошков А. Д. (Екатеринбург) Защита прокурором экологических прав неопределенного круга лиц в случае несанкционированного размещения отходов: процессуальные аспекты87

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Malinova A. (Moscow)* Is a person the only holder of interests?5

INTERNATIONAL LAW

- Tolstykh V. (Novosibirsk)* Law as a mythology: 32 comments18
- Muratshina K., Verbitskaya T. (Yekaterinburg)* The legal basis
of humanitarian cooperation between Russia and Central Asia: a comparative analysis26

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Orlov V. (Helsinki, Finland)* Procedures for the resolution of administrative matters
in Finland33
- Vede Yu. (Yekaterinburg)* Preclusion in the German civil process:
a meaning, prospects, and risks43

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Smushkin A. (Saratov)* A criminal study of mobile devices 48

PROCURACY SUPERVISION

- Ergashev E., Pankova A. (Yekaterinburg)* Problems of the prosecutor's participation
in the consideration of cases by arbitration courts53

ECONOMICS AND LAW

- Shtykov V. (Vladivostok)* The managing organization of a legal entity
and the terms of its property liability61
- Babich A. (St. Petersburg)* To the concept and promising areas
of public-private partnership in the field of environmental protection67

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION

- Murzin D. (Yekaterinburg)* Legal issues of research organization in modern Russia76

STUDENTS' BULLETIN

- Nekhoroshkov A. (Yekaterinburg)* Protection by the prosecutor
of ecological rights of an indefinite number of persons
in cases of unauthorized waste disposal: procedural aspects87

ТОЛЬКО ЛИ ЛИЧНОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ ИНТЕРЕСА?**Малинова Анна Григорьевна**

Доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва),
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: malinova@inbox.ru

Существующие в современной отечественной теории права многочисленные точки зрения на сущность интереса при всем своем разнообразии не имеют расхождений по одному вопросу – о субъекте интереса. Субъект интереса в правоведении – это субъект права, т. е. лицо, физическое или юридическое. Не отрицают правоведы наличия интересов и у других социальных субъектов, например у субъектов гражданского общества, которые в большинстве своем выступают одновременно и субъектами права. И хотя некоторые субъекты гражданского общества не являются субъектами права, в частности семья, социальные группы, слои населения, их способность быть субъектами интересов не оспаривается. Из преобладающего в правоведении определения, согласно которому интерес – это осознанная потребность, неизбежно следует вывод о том, что субъектом интереса может быть только тот, кто обладает сознанием. Сознание есть у единственного объекта природы – человека. В связи с этим анализируются взгляды представителей различных областей знания, подтверждающие либо отрицающие возможность животных и иных объектов природы иметь интересы. Обосновывается вывод о том, что широко применяемое в правоведении понятие «интерес» нуждается в освобождении от излишней психологизированности, что позволит в свою очередь освободиться от понимания осознанной потребности в качестве единственного основания возникновения интереса. А последнее устраняет препятствия для признания объектов природы носителями интересов.

Ключевые слова: интересы, потребности, права, человек, животные, носитель интересов

IS A PERSON THE ONLY HOLDER OF INTERESTS?**Malinova Anna**

Associate professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow), candidate of legal sciences,
e-mail: malinova@inbox.ru

Numerous points of view on the essence of interests in modern domestic theory, despite their diversity, agree on who is the subject of interests. The latter is a subject of rights, i. e. a person – an individual or a legal entity. Legal scholars think that other social actors, such as civil society actors much of whom are subjects of rights, have interests too. While some civil society actors, i. e. a family, social groups, population groups, are not subjects of rights, their ability to be subjects of interests is not challenged. In jurisprudence, the interest is increasingly defined as a conscious need, and it inevitably follows that the subject of interests is the only one who has consciousness. Consciousness is peculiar to the only one object of nature – a human. In this regard, the author analyses the views of representatives of different sciences confirming or denying the possibility of animals and other objects of nature to have interests. The conclusion is that the concept of «interest» widely used in jurisprudence needs to step back from its psychological understanding, and this will allow not to consider the conscious need as the only reason for the emergence of interests. As a result, there will be no impediments to recognise any object of nature as a holder of interests.

Key words: interests, needs, rights, people, animals, holder of interests

На вопрос, обозначенный в названии настоящей публикации, существуют диаметрально противоположные точки зрения. «То, что отличает здесь животных от человека, – полагал австрийский философ Э. Мах (1838–1916), – есть прежде всего величина круга интересов... Большие размеры круга интересов – вот... главная причина, обуславливающая превосходство интеллекта 3–4-летнего ребенка над интеллектом умнейшего животного»¹. Простейшие биологические потребности животных удовлетворяются инстинктивно, «но с появлением сложных условий существования... этим потребностям может удовлетворить только богато развитая психическая жизнь. Отдельные шаги этого окольного пути с сопровождающими их обстоятельствами, как таковыми, получают тогда посредственный интерес»².

Иного мнения придерживаются многие специалисты. Например, отечественный философ А. А. Зиновьев (1922–2006), говоря о природе и технических устройствах, подчеркивал: «У этих устройств нет никаких интересов, интересы имеют только люди»³. В другом месте он утверждал, что и природа, и общество не имеют интересов, «интересы имеют лишь отдельные люди и их объединения на основе общих интересов»⁴. Но у него же читаем, что, оказывается, какой-то «ослик действовал в интересах лягушки...»⁵.

По словам Т. А. Буачидзе, «отношение животного к окружающему его миру чисто „утилитарное“: для него существует лишь то, что каким-либо образом связано с его *витальными интересами* (курсив мой. – А. М.). Животного интересует пригодность предмета, а не суть, существо его»⁶. Н. Н. Моисеев (1917–2000) говорил о «жизненных интересах отдельных особей» и «интересах стада как единого целого»⁷. Поэт Белла Ахмадулина (1937–2010) в «Доме и лесе» рифмовала: «...и о лесе печется природа, соблюдая ее интерес»⁸. Б. Ф. Сергеев фиксировал «интерес обезьяны к игрушке»⁹. Философ Э. В. Ильенков (1924–1979) задумывался над тем, есть ли «интересы машины»¹⁰.

Такие примеры бесконечны. Американский писатель Теодор Драйзер (1871–1945) говорил об «интересах права, истины, справедливости, милосердия»¹¹, А. А. Зиновьев упоминал об «интересах красивой улыбки»¹². Специалист по поведению животных Р. Шовен (1913–2009) считал, что животные могут проявлять интерес «страстный»¹³ и «живой»¹⁴. Для демонстрации отсутствия интереса животные могут принимать положения, которые характеризуются как «поза отсутствия интереса»¹⁵. «Средоточием интересов паука, – говорил французский биолог, – служит паутина»¹⁶, но в то же время замечал, что «слово „интерес“ неудачно и отдает антропоморфизмом, поскольку в этом случае не может быть и речи о сознательности, характерной для деятельности человека»¹⁷.

Отечественный зоолог Н. П. Вагнер (1829–1907) о повадках толстокожего представителя семейства непарнокопытных писал так: «Носорог ничем не интересуется, ни к чему не стремится и вообще ведет себя крайне апатично»¹⁸. Можно ли на этом основании сказать, что носорог не имеет интересов?

¹ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003. С. 194.

² Там же. С. 427.

³ Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2003. С. 150.

⁴ Там же. С. 413.

⁵ Там же. С. 302.

⁶ Буачидзе Т. А. О назначении человека // Философия, культура, человек. Тбилиси, 1988. С. 42.

⁷ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 98.

⁸ Ахмадулина Б. Избранное: стихи. М., 1988. С. 161.

⁹ Сергеев Б. Ф. Ступени эволюции интеллекта. Л., 1986. С. 128.

¹⁰ Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М., 1984. С. 292.

¹¹ Драйзер Т. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1986. Т. 12. С. 282.

¹² Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 366.

¹³ Шовен Р. Поведение животных. М., 1972. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Цит. по: Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 336.

В правоведении положение о том, что единственным субъектом интереса является человек – единственный объект природы, имеющий сознание, устоялось настолько, что даже не обсуждается. Более того, по этой логике сама принадлежность к человеческому роду автоматически делает субъектами интереса таких его представителей, которых в силу разных причин (малолетства, необратимых расстройств сознания и т. п.) трудно назвать разумными. Подобный представитель рода человеческого выделен из мира природы скорее не потому, что он обладает сознанием, а потому, что он способен иметь сознание. Не сам такой представитель определяет и защищает свои интересы, за него это делают другие люди, обязанные к этому своими убеждениями или законом.

Право, права человека – это изобретение человека, они рождены обществом. «Права человека с давних времен, – отмечал член-корреспондент РАН С. С. Алексеев (1924–2013), – традиционно понимаются в сугубо „личностном значении“ – как статус, прирожденные, неотъемлемые права и свободы личности, индивида... Раскрывая свою естественно-правовую природу в определениях „неотъемлемые“, „прирожденные“, права человека при таких определениях зазвучали в общепринятом для личности юридическом значении – в виде права на жизнь, права на творчество, права на свободу получения и использования информации, права на частную жизнь и т. д., словом, в виде *субъективных прав* – возможностей индивида, неотделимых от конкретной личности»¹. Действительно, человек с момента рождения наделяется основными правами и свободами личности – именно их принято считать неотъемлемыми и прирожденными.

Интересы же с психологической точки зрения – это отнюдь не изобретение человека. Как неотъемлемое свойство человека, его психики они действительно рождаются вместе с человеком. Их происхождение имеет не естественно-правовую природу (как у субъективных прав), а естественную. «Изучение интересов людей, групп, классов, стран и планеты в целом представляется, конечно, весьма сложным. Основная трудность, с которой мы здесь сталкиваемся, состоит в том, что структура интересов содержит большой элемент субъективизма. Одна и та же ситуация разными людьми может оцениваться совсем по-разному. Отсюда и проистекает основная неопределенность»². Надо заметить, что, по существу, это очень «мягкое» изложение мнения Л. Фейербаха: «Но нет ничего более глупого и жестокого, чем... пытаться представлять интересы человека там, где лучше всего каждый представляет свои интересы сам...»³.

Историки и антропологи, как правило, избегают наделять «интересами» человека доисторического, и не только так называемых *предлюдей*, но и людей из того огромного промежутка времени (по разным оценкам, более полутора миллионов лет), который потребовался для становления человеческого общества. Питекантропы, австралопитеки, неандертальцы, кроманьонцы и другие первые люди, по их мнению, – это носители не интересов, а различного рода инстинктов. «Если здесь и можно говорить о чьих-либо интересах, – подчеркивал Ю. И. Семенов, – то только об интересах вида, причем слово „интерес“ в данном контексте требует серьезных оговорок»⁴. «Прирожденные интересы человека, – писал американский палеонтолог и социолог Л. Уорд (1841–1913), – действуют в противоположных направлениях, часто без одной какой-либо цели. Они борются друг с другом, сталкиваются между собой, бросаются друг на друга, но столь неорганизованным, предоставленным случаю, хаотическим порядком, что приносят с собой не равновесие, но взаимное разрушение»⁵.

Современный человек сформировался в основном в эпоху неолита. Но и здесь исследователи древних цивилизаций предпочитают говорить не об интересах человека, а о его потребностях. Поэтому если и вести сегодня речь об интересах первобытных людей, необходимо подчеркивать, что это все же интересы весьма специфические – тотемические, табуированные, фетишизированные, основиденные, ожести-

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 642–643.

² Мойсеев Н. Н. Указ. соч. С. 303–304.

³ Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 263–264.

⁴ Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989. С. 34.

⁵ Уорд Л. Ф. Социальная статика // Зомбарт В. Социология. 2-е изд., стер. М., 2003. С. 94.

кулируемые и т. п. Причины применения именно таких характеристик – в том, что мышление первобытных людей серьезно отличается от современного. Для его обозначения введен даже специальный термин – «пралогическое мышление». Как считает Ю. В. Яковец, «личный интерес по-настоящему пробудился на следующем этапе, вместе с появлением частной собственности»¹.

Почему же люди могут понимать и удовлетворять *потребности* животных и растений, но не могут определять и защищать *интересы* животных, растений и других объектов природы? Неужели только потому, что эти объекты не обладают и не могут обладать разумом?

У некоторых народов особое отношение к животным. «В Тибете, – говорил Т. Л. Рампа, – к животным относятся очень правильно. С ними не сюсюкают, но и не рассматривают как крепостных. Животное – это прежде всего живое существо, выполняющее свою полезную миссию и имеющее все права наравне с человеком»². В связи с этим уместен вопрос, поставленный русским физиологом И. П. Павловым (1847–1936): «Должны ли мы для понимания новых явлений входить во внутреннее состояние животного, по-своему представлять его ощущения, чувства и желания?»³. На это есть «только один ответ – решительное „нет“... Не постоянное ли горе жизни состоит в том, что люди большей частью не понимают друг друга, не могут войти один в состояние другого! Затем, где же знание, где власть знания в том, что мы могли бы, хотя и верно, воспроизвести состояние другого?»⁴. По словам Л. Уорда, «силы, двигающие животных, это – их инстинкты, аппетиты, потребности, словом, желания»⁵.

Допускали наличие интересов у объектов природы и классики марксизма. К. Маркс отмечал, что «в мире людей, как и в мире животных и растений, интересы рода всегда пробивают себе путь за счет интересов индивидов, и это происходит потому, что интерес рода совпадает с *интересом особых индивидов*, в чем и состоит сила этих последних, их преимущество»⁶.

По мнению нобелевского лауреата Дж. Кутзее, «сочувственное отношение к животным стало восприниматься как норма совсем недавно, всего каких-нибудь сто пятьдесят – двести лет назад, и то лишь в некоторых странах. Вы правы, усматривая связь между движениями в защиту животных и историей борьбы за права человека, поскольку первое в историческом плане всего лишь ответвление более обширного филантропического процесса, включающего защиту рабов и несовершеннолетних»⁷. Между тем «вся дискуссия о сознании и о том, есть оно у животного или нет, не более как дымовая завеса. На самом деле мы просто выступаем в защиту себе подобных. Вот и получается: младенца не тронь, а теленок пускай идет под нож!»⁸.

Интересы животных возможны лишь в том смысле, который вкладывается в них человеком, и именно поэтому с их существованием трудно не согласиться и правоведам. Собственно, новизны в этом взгляде нет, если вспомнить мысль Л. Фейербаха: «Животные и звезды славят господа лишь по *смыслу, вкладываемому в это чело-веком*»⁹.

Но, не отказав животным в праве иметь интересы, трудно устоять перед следующим шагом – признанием их права иметь права. Мысль, откровенно говоря, тоже не новая. Основные аргументы в ее защиту сформулированы еще немецким философом И. Кантом (1724–1804): «Так как животный мир – аналог человечеству, то мы выполняем обязанности по отношению к человечеству, осуществляя их по отношению к его аналогу»¹⁰. Это высказывание классика заставляет также вспомнить об аксиоме: без обязанностей нет прав.

¹ Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995. С. 121.

² Рампа Т. Л. Третий глаз // Восток и Запад о жизни после смерти / сост. Н. Г. Шкляева. СПб., 1993. С. 23.

³ Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб., 2001. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Уорд Л. Психические факторы цивилизации. СПб., 1897. С. 228.

⁶ Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве: в 2 т. 4-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 151.

⁷ Кутзее Дж. М. Элизабет Костелло. СПб., 2004. С. 154.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Фейербах Л. Указ. соч. Т. 1. С. 94.

¹⁰ Кант И. Лекции по этике. М., 2005. С. 211.

Однако снова сошлемся на мнение Дж. Кутзее о том, что традиционная точка зрения, согласно которой у животного не может быть узаконенных прав, поскольку оно не является личностью, не лишена здравого смысла. Вместе с тем «когда мы разрабатываем определенные установки, касающиеся общения с животными, то не кажется ли вам, что более разумно эти правила и установки адресовывать, как это пока и делается, самим себе, нежели ссылаться на права животных, которые сами они не в состоянии ни востребовать, ни нарушить, ни осознать?»¹.

«Интерес – это осознанная потребность» – таков наиболее живучий (и не только в правоведении) стереотип о соотношении интереса и потребности. С начала XXI в. в отечественной юридической теории все более популярной становилась формулировка «Интерес – осознанное выражение потребности»². В десятках юридических монографий и сотнях статей это положение употребляется как аксиоматический тезис. Живучесть данного тезиса удивительна еще и потому, что против него чуть ли не изначально существовали и продолжают существовать серьезные возражения³.

Между тем не только в правоведении, но и в других общественных науках «интерес» был и остается одним из самых спорных понятий. Этой ситуации уже несколько веков. В конце XVI в. слова, производные от латинского глагола «*interesse*», получили широкое распространение в европейских языках. Этими словами стали обозначаться, как считает американский экономист А. Хиршман (1915–2012), «фундаментальные силы... которые мотивируют или должны мотивировать действия правителя или государства, индивида, а позже групп людей, занимающих сходное общественное или экономическое положение...»⁴. Широкому распространению понятия «интерес» в европейских языках способствовало также то, что оно «было первоначально введено в оборот как эвфемизм уже в конце Средних веков, чтобы сделать респектабельным получение „интереса“ (процента) по займам...»⁵. Вспомним, что под эвфемизмом обычно понимается завуалированное обозначение того, что в конкретной ситуации неуместно обозначить прямым наименованием. Именно поэтому *благозвучный* термин «интерес» стал приемлемой заменой «проценту» – понятию, ставшему к тому времени нереспектабельным (главным образом по религиозно-этическим причинам).

Идея интереса, впервые сформулированная итальянским мыслителем Макиавелли (1469–1527) как идея усиления собственной власти, влияния и увеличения богатства, уже в начале XVII в. распространилась по всей Европе. «Очень быстро ее взяли на вооружение великие моралисты и прочие литераторы той эпохи в своем тщательном препарировании индивидуальной природы человека»⁶. Заметим, что это нельзя отнести к России. В русском языке в то время не было даже слова «интерес». Оно появилось только веком позже.

Дальнейшее развитие понятия интереса как *собственного интереса* «связано с открытием в конце XIX в. инстинктивно-интуитивного, привычного, подсознательного, движимого идеологическими и невротическими факторами поведения – короче говоря, чрезвычайной популярностью всего нерационального, которая была характерна практически для всех влиятельных философских, психологических и социологических течений того времени»⁷. В отличие от указанных течений, экономическая наука, полностью базировавшаяся на рациональном стремлении к реализации собственного интереса, не стала включать в свой арсенал эти новые открытия и максимально отошла от психологии, лишив свои основные понятия психологического начала⁸.

¹ Кутзее Дж. М. Указ. соч. С. 156.

² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 209.

³ Обзор этих возражений см., например: Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; Ее же. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1. С. 62–65.

⁴ Хиршман А. О. Интересы // «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэллы, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2008. С. 210.

⁵ Там же.

⁶ Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 71.

⁷ Хиршман А. О. Интересы. С. 221.

⁸ Там же. С. 221–222.

По другому руслу протекало развитие понятия «интерес» в отечественном правоведении, которому не удалось окончательно «отойти от психологии» даже в начале XXI в. Многие современные правоведческие определения понятий «интересы» и «законные интересы» исходят из того, что это или *желания*, или *стремления*, или *дозволения*, выражающиеся в *стремлениях* субъекта, либо *юридическая дозволенность*, имеющая характер *правового стремления*. Стремления, желания, мечтания могут быть сильными, слабыми, настойчивыми и пр., но они не могут быть подвержены правовому воздействию. Ведь стремление даже как продукт правовой мысли не становится от этого правовым. Что такое правовое стремление? Какое отношение правовое регулирование имеет к стремлениям? Поведение же, действительно, может иметь характер, например быть законопослушным, пассивным, агрессивным и др. Собственно, поведение может иметь любой характер, но только не характер стремления.

«Стремления» и «желания» – понятия близкие. Правда, мы не стали бы их отождествлять, как это делают некоторые авторы. Но раз они это делают, то сошлемся на авторитетное мнение по проблеме определения именно желания, во многом, оказывается, еще загадочного для человеческой мысли. Французский мыслитель М. Фуко (1926–1984) считал, что «взаимодействие *желания*, *власти* и *интереса* пока еще мало понятно... Что же касается *желания*, то нам только еще предстоит узнать, что же оно собою представляет»¹ (курсив мой. – А. М.).

В отличие от многозначного слова «интерес» слово «стремление» имеет более конкретные значения: *настойчивое желание*², *настойчивое влечение*, *тяготение*, *решительная устремленность*³. Заметим, что все эти значения – из области чувств. Не только личные чувства, но и «чувства социальные: семейные, общественные, правовые, политические»⁴ – различают и изучают давно, но позволять или запрещать их еще никто не пытался. Право регулирует поведение людей, а отнюдь не их стремления (желания, чаяния, замыслы и умыслы). Стремление – это цель в мысли, а поведение – это цель в действии. Дозволение – это поведение в рамках дозволенного. Юридическая дозволенность – это поведение, регулируемое юридическими нормами, которые устанавливают определенные, прежде всего количественные, критерии такого поведения. Еще со времен Г. Гроция (1583–1645) считается, что «дозволение, предоставляемое законом (ибо сюда не относится чисто фактическая возможность, означающая отсутствие препятствия), может быть или полное, то есть дающее право на какое-нибудь дозволенное действие, или же неполное, то есть сообщающее действию лишь безнаказанность среди людей и право требовать от других не чинить препятствия дозволенному действию»⁵. Но характер дозволения все же имеют, и это отнюдь не «характер правового стремления». По мнению С. С. Алексеева, «дозволения имеют характер меры социальной свободы, самостоятельности и собственной активности субъектов»⁶.

В правоведении принято подчеркивать, особенно с учетом разработок в психологии и социологии, следующее: 1) интерес всегда субъективный, подразумевая под этим, что интерес не существует сам по себе (т. е. у него всегда есть субъект) и что он всегда осознаваем; 2) интерес всегда объективный; 3) интерес всегда социальный. На этом основании делается правильный с точки зрения психологии вывод, что носителем интереса является только личность и что интересы существуют только в человеческом мире.

Тем не менее почему философы, психологи и юристы отрицают существование интересов в других мирах, например в животном или растительном? Для признания

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 78.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд. М., 1987. С. 631.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 4. С. 287.

⁴ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология мысли и чувства. Художественное творчество // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 44.

⁵ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. М., 1999. С. 29–30.

⁶ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 161.

животных носителями интереса существует одно серьезное препятствие, а именно неспособность животных осознавать свои интересы. Но и в праве, во-первых, способны их осознавать не все субъекты (например, дети или недееспособные), а во-вторых, не все способны осознавать их правильно. Однако никто по этим основаниям не отрицает возможность этих лиц быть носителями интереса. Действительно, осознание интереса – важнейшая и необходимая его характеристика. Но совсем не обязательно, чтобы осознавал интересы именно их носитель. Это может быть и другой человек.

Доктринальные определения интереса нельзя сводить только к психологическим, социологическим или юридическим значениям. Видимо, не следует рассматривать как курьез и иногда упоминаемых, в том числе в современной литературе, иных, кроме социальных субъектов, носителей интереса, например собак¹ или птиц. В обывденной и научной лексике интерес может означать условие существования животных, элемент их благополучия, а отнюдь не их поведение или повадки. То обстоятельство, что в социальной и правовой сферах существует только один носитель интереса – субъект, не дает оснований, на наш взгляд, отрицать существование других носителей интереса в иных сферах. Благополучие жизни – это характеристика жизни не только человека, но и животных и растений, период существования которых определяется физиологическим состоянием.

С этой точки зрения не так уж парадоксально высказанное в юридической литературе мнение об объектах прав, в частности материальных предметах, как носителях интереса. Так, В. С. Белых и И. В. Кривошеев (1973–2006) полагают, что «имущество, имущественные права и нематериальные блага, такие как жизнь и здоровье, являющиеся предметом страховой охраны, не подвергаются правовому движению в рамках страхового правоотношения, а выступают лишь *носителями страхового интереса*»² (курсив мой. – А. М.). Правда, кроме концептуального вопроса о возможности материальных предметов иметь интересы, возникает и вопрос о возможности быть именно их «носителями». Слово «носитель» производно от глагола «нести». Практически все вещи «несут» либо какой-то груз, либо какие-то качества, признаки и т. д., но способны ли они «нести» именно интересы?³ Чтобы материальные предметы могли обладать интересами (видимо, как условиями прежде всего своей сохранности), эти интересы должны в свою очередь иметь материальные параметры, физические размеры. Но интерес нельзя ограничить физически.

Между тем анализ современного российского законодательства показывает, что к носителям интересов стали относиться не только субъекты права, но и некоторые состояния и действия этих субъектов и даже материальные предметы. Приведем некоторые достаточно неожиданные формулировки:

«интересы защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации» (подп. 10 п. 4 ст. 27 Земельного кодекса РФ);

«интересы обеспечения безопасности Российской Федерации» (ст. 12 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»);

«в интересах обеспечения физической защиты ядерной установки, радиационного источника, пункта хранения, организации по обращению с ядерными материалами или радиоактивными веществами...» (ст. 51 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»);

«судовладелец возмещает стоимость проданного груза его владельцу, за исключением случаев, если вызванные продажей груза убытки подпадают под признаки общей аварии или продажа груза проведена только *в интересах груза*» (курсив мой. – А. М.) (п. 2 ст. 72 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ).

¹ Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. С. 45.

² Белых В. С., Кривошеев И. В. Страховое право. М., 2001. С. 83–84.

³ Интересы, как оказалось, можно не только «носить», но и «возить». «Каждый караван, состоящий нередко более чем из десятка кораблей, – пишет историк Средних веков М. А. Гуковский (1898–1971), – „везет“ материальные интересы шестисот, а то и большего количества венецианцев или генуэзцев...» (Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990. С. 93).

Интересы защиты и охраны, интересы обеспечения безопасности, интересы обеспечения физической безопасности и наконец интересы груза – кто или что выступает носителями этих интересов? Не вызывает сомнений, что в последнем из приведенных положений носитель интереса – груз. Если же руководствоваться популярной доктринальной формулировкой, которая определяет интерес как осознанную необходимость в удовлетворении потребности, то приходится признать, что осознавать эту необходимость предназначено именно грузу. Но ведь действует в интересах груза капитан судна, и правоприменителя в данном случае интересуют именно действия капитана, а не мыслительные процессы в его сознании.

Немецкий философ К. Глой подчеркивает, что проблема коллизий прав и интересов прослеживалась уже в этике немецкого гуманиста А. Швейцера (1875–1965), но его понятие табу и святости ограничивалось живой природой и на неживую не распространялось¹. «Если механистическая картина мира и ее этика базируются на превосходстве и особом положении человека по отношению к остальной природе, то экологическая этика исходит из равноценности и равного положения всех существ – как органических, так и неорганических... Природа принимает на себя роль *правового субъекта*. „Правовое сообщество“ (курсив мой. – А. М.) природы стало общепринятым понятием и даже лозунгом в лексиконе экологической этики»².

Общественное движение за признание прав животных, необходимости защиты их прав и интересов уже принесло первые плоды. В 2008 г. произошло событие, о котором тут же сообщили все информационные агентства: испанский парламент признал право крупных человекообразных обезьян на жизнь и свободу. Это первый в мировой практике случай официального признания таких прав за животными³.

Вынесен на обсуждение общественности и вопрос о признании прав растений, поскольку в мире укрепилось понимание важности сохранения многообразия видов. А также потому, что, как утверждает К. Глой, «растения имеют „ощущения“ и „интересы“, что выражается в стремлении к целостности индивидуума, к сохранению вида, к здоровью... Еще реже идет речь о признании прав по отношению к камням и неорганическим веществам. Хотя все больше побеждает сознание, что классические элементы – земля, вода, воздух и огонь – образуют наш жизненный эликсир и поэтому должны сохраняться чистыми...»⁴.

Кратко говоря, если традиционная этика рассчитывала на безудержное присвоение и эксплуатацию, то новая этика «создает *взвешенное соотношение интересов* (курсив мой. – А. М.), ориентирует на бережное, щадящее, доброе обращение с окружающим миром. Ее девиз – „умеренное вместо чрезмерного“»⁵.

Категория интереса и сегодня является базисом системы социальных наук и политики. Но есть одна особенность: эта категория при использовании в экономическом, политическом и теоретическом языке может означать любое случайное содержание⁶. В основе всех теорий социального развития лежат нормативные основания. «Однако ни интересы, ни идеи, ни их конstellляции не являются движущими силами социального развития. Доктрины гармонии интересов и равновесия сил есть разновидности идеологической аберрации»⁷.

В одной из своих работ А. Хиршман пришел, как он сам выразился, к *поразительному* выводу: «Хваленый идеал предсказуемости, воображаемая идиллия общества, состоящего из частных лиц, уделяющих исключительное внимание своим экономическим интересам и тем самым косвенно (но никогда – прямо) служащих общественному интересу, становятся действительностью только при абсолютно кошмарных политических условиях!»⁸. На самом деле, разъясняет А. Хиршман, результаты

¹ Глой К. Холистически-экологическая или механистическая картина мира // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 458.

² Там же. С. 457.

³ Парламент предоставил обезьянам права человека // Уральский рабочий. 2008. 3 июля.

⁴ Глой К. Указ. соч. С. 457–458.

⁵ Там же. С. 459–460.

⁶ Макаренко В. П. Теория неожиданных последствий Альберта Хиршмана // Terra Economicus. Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 4. С. 152–153.

⁷ Там же.

⁸ Хиршман А. О. Интересы. С. 223.

новейших исследований видов деятельности, не мотивированных традиционными индивидуальными интересами, позволяют сделать оптимистичный вывод о том, что «единственной определенной и предсказуемой характеристикой человеческих дел является их непредсказуемость, и бесполезно пытаться свести человеческое действие к единственному мотиву – такому, как, например, интерес»¹.

Несколькими десятилетиями ранее, еще в середине прошлого века, классик отечественной психологии С. Л. Рубинштейн пришел к более категоричному выводу, заявив, что «пока содержание этих психических явлений, в которых проявляется потребность, не раскрыто, *потребность* – и точно так же *интерес* – будут неизбежно выступать в качестве пустой, бессодержательной абстракции или в качестве биологических либо социологических категорий, *неправомерно психологизируемых*»² (курсив мой. – А. М.). За прошедшие 80 лет этот вывод не утратил своей актуальности.

В связи с этим интересны два парадоксальных замечания знаменитого физика Нильса Бора (1885–1962). Первое сформулировано в 1929 г.: «Строго говоря, глубокий анализ любого понятия и его непосредственное применение взаимно исключают друг друга»³. Через 20 лет Бор уточнил: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строго определения»⁴. Фактически ученый утверждал, что в ходе использования слова его невозможно точно определить, а дав точное определение, его невозможно использовать⁵. Несмотря на кажущийся парадокс, замечания Н. Бора, по мнению специалистов, выглядят достаточно обоснованными. «Действительно, практическое применение слова не нуждается в каких-либо правилах, – считает М. А. Розов, – мы просто опираемся на образцы словоупотребления, которые повсеместно нас окружают. Суть, однако, в том, что образцы поведения или деятельности... не задают никакого четкого множества возможных реализаций, они приобретают относительную определенность только в том или ином конкретном контексте... В некоторых ситуациях, например, мы можем назвать словом „стол“ даже болотную кочку, если разложили на ней карту местности или разместили еду»⁶.

Чем может помочь точка зрения Н. Бора в попытке получить юридическое определение слова «интерес»? Прежде всего она показывает безнадёжность подбора как можно большего материала из речевой практики. Существующий огромный массив слов-определений интереса⁷, видимо, бесполезен в плане научного исследования, но не позволяет выделить какие-либо инварианты. Представляется, что определение интереса следует формулировать на основе не конкретизированных видов и множеств понятия, а обобщений более высокого порядка. *Простое дозволение, потребность, необходимость, нужда, возможность, желание, стремление* – все эти понятия, использующиеся в современном правоведении для определения интересов, нуждаются в дополнительном обобщении. Такое под силу только универсалии. И подобной универсалией является понятие «благополучие». А интерес – это условие или элемент благополучия того или иного субъекта. В качестве такого элемента может рассматриваться в каждом конкретном случае и простое дозволение, и потребность, и необходимость, и нужда, и возможность, и т. п. Этот перечень ничем не ограничен.

Предложение об использовании в качестве универсалии понятия благополучия возникло не на пустом месте. И заложили основы такого понимания интересов фран-

¹ Хиршман А. О. Интересы. С. 223.

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 207.

³ Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 58.

⁴ Там же. С. 398.

⁵ Розов М. А. О границах рациональности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ За годы работы над темой интереса у автора скопилась коллекция слов-определений, употребляющихся со словом «интерес» (во всех его значениях). Таких слов набралось около 4 тыс. (в целях научной беспристрастности зафиксирован источник употребления каждого слова). Основной массив в них – прилагательные, но есть и причастия, и существительные (интерес-задача, эго-интерес и т. п.). Нечасто в русском языке можно встретить слово, значение которого можно уточнить таким огромным количеством смысловых характеристик.

цузские просветители. «Интересом называется предмет, – утверждал французский философ К. А. Гельвеций (1715–1771), – с которым каждый человек соответственно характеру связывает свое благосостояние»¹. Почти через 200 лет А. М. Деборин (1881–1963), видимо, счел упоминания предмета и характера в этом утверждении излишними и переформулировал его в более понятную всем максиму: «Интерес есть то, что каждый человек считает необходимым для своего счастья»².

Слово «благополучие» стало основой для столь содержательной формулировки: «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона»³. Удивительно, но это цитата из манифеста императора Александра II от 19 февраля 1861 г., возвещавшего освобождение крепостных крестьян. Небезынтересно, что текст Манифеста написан не профессиональным юристом, а богословом – московским митрополитом Филаретом (Дроздовым) (1783–1867)⁴. Именно такое покровительство и осуществляет современный закон, беря интересы под свою защиту и охрану.

Благополучие – вовсе не «расплывчатое» понятие. Представления о благополучии у различных субъектов существенно отличаются, но в самых общих чертах, отраженных в общепринятой для данного общества системе ценностей, они совпадают. Благополучие членов общества – в той мере, в какой оно соответствует базовой системе ценностей, – является для общества предметом обеспечения и защиты (в том числе правовой). Именно через термин «благополучие» в уставе Всемирной организации здравоохранения определяется такой жизненный интерес, как здоровье: «Здоровье является состоянием полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней или физических дефектов». В нормах международного гуманитарного права используется избранный переводчиками почти идентичный слову «благополучие» термин «благосостояние» (например, в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека; в ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах; в преамбуле и ст. 14 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин⁵). Многоаспектность понятия «благополучие» обеспечивает широкий охват жизненно важных интересов.

В литературе не раз высказывались замечания по поводу неопределенности того, «что вкладывается в столь широкое понятие, как благополучие»⁶. Такой неопределенности можно избежать, если соотнести его с понятием «жизненный уровень» в трактовке норм международного гуманитарного права. Во Всеобщей декларации прав человека провозглашено, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи» (ст. 25)⁷. Именно такой объем «жизненного уровня», установленный этим и другими международными универсальными и региональными стандартами в области прав человека, и подразумевает понятие «благополучие». Благополучие – явление не застывшее, оно развивается одновременно с расширением прав человека. Сегодняшнее развитие третьего поколения прав человека и возможное в ближайшем будущем становление четвертого поколения выносят на повестку дня и переосмысление прежних стандартов⁸. Не случайно основным показателем достижений государств становятся не показатели выплавки чугуна и стали, добычи угля и нефти, производства цемента и др., а индекс развития человеческого

¹ Гельвеций. Истинный смысл системы природы. М., 1923. С. 89.

² Деборин А. Предисловие // Гельвеций. Истинный смысл системы природы. С. 28.

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 31.

⁴ Там же; Филарет // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 113.

⁵ Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: практ. пособие. М., 1996. С. 229, 232, 295.

⁶ Кузьмин А. И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993. С. 175. См. также: Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007. С. 61.

⁷ Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. С. 229.

⁸ Российское гуманитарное право: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1998. С. 292; О факторах формирования системы социальных стандартов см., например: Ковалева Г. А., Пешина Э. В. Управление социальной сферой: нормативный подход. Екатеринбург, 2000. С. 115.

потенциала. Уровень продолжительности жизни, грамотность, душевой доход, социальные гарантии и др. – вот основные критерии развитости современного государства.

Подчеркнем важное обстоятельство: благополучие как одно из фундаментальных начал жизнедеятельности трансисторично, в отличие от таких форм духовной деятельности, как наука, право, политика, искусство, которые имеют конкретно-исторический характер¹.

В завершение отметим, что пока в современном правоведении изложенная ситуация с так называемым богатством смыслов и значений интереса не найдет своего разрешения, единственным субъектом и носителем интересов будет оставаться социальный субъект.

Список литературы

- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
- Ахмадулина Б. Избранное: стихи. М., 1988.
- Белых В. С., Кривошеев И. В. Страхование право. М., 2001.
- Бор Н. Избранные научные труды: в 2 т. М., 1971. Т. 2.
- Буачидзе Т. А. О назначении человека // Философия, культура, человек. Тбилиси, 1988.
- Гельвеций. Истинный смысл системы природы. М., 1923.
- Глой К. Холистически-экологическая или механистическая картина мира // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2.
- Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. М., 1999.
- Гуковский М. А. Итальянское Возрождение. Л., 1990.
- Деборин А. Предисловие // Гельвеций. Истинный смысл системы природы. М., 1923.
- Драйзер Т. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1986. Т. 12.
- Зиновьев А. А. Глобальный человек. М., 2003.
- Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М., 1984.
- Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007.
- Кант И. Лекции по этике. М., 2005.
- Ковалева Г. А., Пешина Э. В. Управление социальной сферой: нормативный подход. Екатеринбург, 2000.
- Кузьмин А. И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). Екатеринбург, 1993.
- Кутзее Дж. М. Элизабет Костелло. СПб., 2004.
- Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
- Макаренко В. П. Теория неожиданных последствий Альберта Хиршмана // Terra Economicus. Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 4.
- Малинова А. Г. Категория «интерес» в семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
- Малинова А. Г. Понятие «законные интересы» в семейном праве // Российский юридический журнал. 2001. № 1.
- Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
- Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Карл Маркс и Фридрих Энгельс об искусстве: в 2 т. 4-е изд. М., 1983. Т. 1.
- Маршак С. Я. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 4.
- Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 2003.
- Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: практ. пособие / под общ. ред. В. М. Жуйкова. М., 1996.
- Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990.
- Никитин Е. П. Спецрациональность // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1.
- Овсянко-Куликовский Д. Н. Психология мысли и чувства. Художественное творчество // Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд. М., 1987.
- Павлов И. П. Рефлекс свободы. СПб., 2001.
- Парламент предоставил обезьянам права человека // Уральский рабочий. 2008. 3 июля.
- Рампа Т. Л. Третий глаз // Восток и Запад о жизни после смерти / сост. Н. Г. Шкляева. СПб., 1993.

¹ Никитин Е. П. Спецрациональность // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 68.

- Розов М. А. О границах рациональности // Рациональность на перепутье: в 2 кн. М., 1999. Кн. 1. Российское гуманитарное право: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1998.
- Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1989. Т. 7.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
- Семенов Ю. И. На заре человеческой истории. М., 1989.
- Сергеев Б. Ф. Ступени эволюции интеллекта. Л., 1986.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 4.
- Уорд Л. Психические факторы цивилизации. СПб., 1897.
- Уорд Л. Ф. Социальная статика // Зомбарт В. Социология. 2-е изд., стер. М., 2003.
- Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. М., 1995. Т. 1.
- Филарет // Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995. Т. 3.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. М., 2006. Ч. 1.
- Хиршман А. О. Интересы // «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2008.
- Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012.
- Шовен Р. Поведение животных. М., 1972.
- Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995.

References

- Akhmadulina B. Izbrannoe: stikhi. M., 1988.
- Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. M., 2001.
- Belykh V. S., Krivosheev I. V. Strakhovoe pravo. M., 2001.
- Bor N. Izbrannye nauchnye trudy: v 2 t. M., 1971. Т. 2.
- Buachidze T. A. O naznachenii cheloveka // Filosofiya, kul'tura, chelovek. Tbilisi, 1988.
- Deborin A. Predislovie // Gel'vetsii. Istinni smysl sistemy prirody. M., 1923.
- Draizer T. Sobranie sochinenii: v 12 t. M., 1986. Т. 12.
- Feierbakh L. Sochineniya: v 2 t. M., 1995. Т. 1.
- Filaret // Khristianstvo. Entsiklopedicheskii slovar': v 3 t. M., 1995. Т. 3.
- Fuko M. Intellectualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu: v 3 ch. M., 2006. Ch. 1.
- Gel'vetsii. Istinni smysl sistemy prirody. M., 1923.
- Gloi K. Kholisticheski-ekologicheskaya ili mekhanisticheskaya kartina mira // Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn. M., 1999. Kn. 2.
- Grotsii G. O prave voyny i mira: Tri knigi, v kotorykh ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsiipy publichnogo prava // Antologiya mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. Т. 3: Evropa. Amerika: XVII–XX vv. M., 1999.
- Gukovskii M. A. Ital'yanskoe Vozrozhdenie. L., 1990.
- Il'enkov E. V. Iskusstvo i kommunisticheskii ideal: izbrannye stat'i po filosofii i estetike. M., 1984.
- Il'ina O. Yu. Problemy interesa v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii. M., 2007.
- Kant I. Lektsii po etike. M., 2005.
- Khirschman A. O. Interesy // «Nevidimaya ruka» rynka / pod red. Dzh. Ituella, M. Milgeita, P. N'yumena. M., 2008.
- Khirschman A. O. Strasti i interesy: politicheskie argumenty v pol'zu kapitalizma do ego triumfa. M., 2012.
- Kovaleva G. A., Peshina E. V. Upravlenie sotsial'noi sferoi: normativnyi podkhod. Ekaterinburg, 2000.
- Kutsee Dzh. M. Elizabet Kostello. SPb., 2004.
- Kuz'min A. I. Sem'ya na Urale (demograficheskie aspekty vybora zhiznennogo puti). Ekaterinburg, 1993.
- Lobok A. M. Antropologiya mifa. Ekaterinburg, 1997.
- Makarenko V. P. Teoriya neozhidannykh posledstviy Al'berta Khirshmana // Terra Economicus. Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. Т. 7. № 4.
- Makh E. Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya. M., 2003.
- Malinova A. G. Kategoriya «interes» v semeinom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2003.
- Malinova A. G. Ponyatie «zakonnnye interesy» v semeinom prave // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2001. № 1.
- Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2012.
- Marks K. Teorii pribavochnoi stoimosti // Karl Marks i Fridrikh Engel's ob iskusstve: v 2 t. 4-e izd. M., 1983. Т. 1.

- Marshak S. Ya.* Sobranie sochinenii: v 4 t. M., 1990. T. 4.
Mezhdunarodnye normy o pravakh cheloveka i primenenie ikh sudami Rossiiskoi Federatsii: prakt. posobie / pod obshch. red. V. M. Zhuikova. M., 1996.
Moiseev N. N. Chelovek i noosfera. M., 1990.
Nikitin E. P. Spetsratsional'nost' // Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn. M., 1999. Kn. 1.
Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. Psikhologiya mysli i chuvstva. Khudozhestvennoe tvorchestvo // *Ovsyaniko-Kulikovskii D. N.* Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. M., 1989. T. 1.
Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoi. 19-e izd. M., 1987.
 Parlament predostavil obez'yanam prava cheloveka // *Ural'skii rabochii*. 2008. 3 iyulya.
Pavlov I. P. Refleks svobody. SPb., 2001.
Rampa T. L. Tretii glaz // *Vostok i Zapad o zhizni posle smerti* / sost. N. G. Shklyueva. SPb., 1993.
 Rossiiskoe gumanitarnoe pravo: ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. Yu. A. Tikhomirova. M., 1998.
 Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. M., 1989. T. 7.
Rozov M. A. O granitsakh ratsional'nosti // Ratsional'nost' na pereput'e: v 2 kn. M., 1999. Kn. 1.
Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii: v 2 t. M., 1989. T. 1.
Semenov Yu. I. Na zare chelovecheskoi istorii. M., 1989.
Sergeev B. F. Stupeni evolyutsii intellekta. L., 1986.
Shoven R. Povedenie zhivotnykh. M., 1972.
 Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoi. M., 1981. T. 4.
Uord L. F. Sotsial'naya statika // *Zombart V.* Sotsiologiya. 2-e izd., ster. M., 2003.
Uord L. Psikhicheskie faktory tsivilizatsii. SPb., 1897.
Yakovets Yu. V. Istoriya tsivilizatsii. M., 1995.
Zinov'ev A. A. Global'nyi cheloveinik. M., 2003.

ПРАВО КАК МИФОЛОГИЯ: 32 КОММЕНТАРИЯ**Толстых Владислав Леонидович**

Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета (Новосибирск), доктор юридических наук, e-mail: vlt73@mail.ru

Статья продолжает и развивает идеи, высказанные в двух предыдущих статьях, посвященных правовой мифологии. Она представляет собой четыре группы комментариев, объединенных по предметному принципу (религия, искусство, политика, миф per se). Большинство комментариев касаются не собственно права, а базовых или смежных вопросов; они, тем не менее, раскрывают общую логику мифа – ту, которая действует и в сфере права. Общая идея первой части комментариев состоит в том, что матрицу мифологической структуры отражает христианство, открывающее перспективу снисхождения от духа к материи. Вторая часть демонстрирует, как развитие мифологической структуры отражается в искусстве. В третьей части рассматриваются связи между религиозными мифами и политическими формами, мимикрия политического мифа и проблема его преодоления. В четвертой части затрагиваются проблемы мифологического мышления, жизнедеятельности в пространстве мифа, языка и некоторые другие.

Ключевые слова: правовая мифология, религия, политика, искусство, демократия, государство, юриспруденция, политическая эмансипация, язык

LAW AS A MYTHOLOGY: 32 COMMENTS**Tolstykh Vladislav**

Leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences, e-mail: vlt73@mail.ru

The article continues and develops the ideas expressed in two previous articles on legal mythology. It consists of four groups of comments combined according to the topic (religion, art, politics, myth per se). Most of the comments are focused not on the law itself but on the basic or related issues; nevertheless, they reveal the general logic of the myth which operates in the field of law as well. The general idea of the first part of comments is that Christianity forms the matrix of the mythological structure, which offers the prospect of the condescension from spirit to matter. The second part demonstrates how the development of the mythological structure is reflected in art. The third part examines the relations between religious myths and political forms, mimicry of political myths and problem of overcoming it. The fourth part deals with the problems of mythological thinking, vital activity in the mythological space, language and some other problems.

Key words: legal mythology, religion, politics, art, democracy, state, jurisprudence, political emancipation, language

Введение

Настоящая статья продолжает и развивает идеи, высказанные в двух предыдущих статьях, посвященных правовой мифологии¹. Она представляет собой четыре группы

¹ Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 32–47; Его же. Пять уровней международно-правовой мифологии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3–4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1472>; <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1506>.

комментариев, объединенных по предметному принципу (религия, искусство, политика, миф *per se*). Данные комментарии не образуют строгих последовательностей, за исключением комментариев, посвященных искусству. Большинство касаются не собственно права, а базовых или смежных вопросов; они, тем не менее, раскрывают общую логику мифа – ту, которая действует, в том числе, в сфере права.

Религия

1. С момента рождения человек обладает запасом энергии, постепенно расходуемым на протяжении жизни. Мифы образуют каналы, по которым эта энергия уходит (снисходит), и, таким образом, определяют все аспекты жизнедеятельности: политику, культуру, экономику и др. Язычество и буддизм постулируют, что человек и даже бог есть материя; открываемая ими экзистенциальная перспектива в связи с этим состоит в очищении от материи (*восхождении и преображении*). В язычестве это путь *героя*, который совершает богоравные деяния, но в итоге все равно становится тенью¹ и лишь в исключительных случаях – богом, как это случилось с Гераклом. В буддизме это достижение Нирваны, т. е. полное разъединение с материей и последующий выход из сансары.

2. Христианство (в его ренессансной интерпретации) подчеркивает богоподобие человека; открываемая им перспектива в связи с этим обратная и состоит в *снисхождении* от духа к материи (человек неявно ассоциируется с Христом). Это предполагает интенсивное и разнообразное взаимодействие с материей, ее переустройство и в пределе создание новой природы и нового разума (технологий); таким образом человек реализует свое богоподобие, становится вечным (присносушим), вездесущим, творцом, хозяином мира, источником любви и т. д. Вопрос о посмертной доле отодвинут на задний план – не только потому, что он вызывает дискомфорт, но и потому, что он логически несовместим с претензией на богоподобие (отсюда – отсутствие старости в культурологическом смысле).

3. Альтернативой являются древние гностические прочтения, в рамках которых, снисходя от духа к материи, человек повторяет не путь Христа, а путь гностической Софии, т. е. отпадает от Бога и забывает его². Его задачей, следовательно, является не реализация богоподобия, а преодоление искушения материей путем приобщения к божественной энергии. За это ему обещан посмертный рай, где он воссоединится с Богом и более не будет подвергнут испытанию свободой. Эти интерпретации, с одной стороны, исключают друг друга, а с другой – наслаиваются друг на друга, сосуществуют и в равной степени используются богословием³. Дихотомия христианства задает дихотомию других элементов дискурса (например, права, колеблющегося между апологией и утопией).

4. Эта дихотомия вооружает христианство сложной и изощренной риторикой, но при этом ставит его в уязвимое положение, так как иные религии (например, ислам) часто предлагают более убедительные и последовательные ответы на важные онтологические и экзистенциальные вопросы (в то время как христианство вынуждено оставаться экзотеричным). Христианство, однако, имеет ресурс второго порядка – деньги, государственность, технологии и другие созданные в результате ренессансной интерпретации культурные продукты, которые являются тем более эффективными его проводниками (точнее, его *структуры*), чем менее это явно. Ислам и иные альтернативы оказываются перед почти неразрешимой проблемой: как победить христианство, не используя его производные.

¹ Умерший Ахиллес говорит Одиссею: «Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле, // Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, // Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый!» (*Гомер. Одиссея* / пер. В. Жуковского. М., 1981. С. 182).

² «Заблудшая Божественная Мудрость, София, пала жертвой собственной глупости, блуждая в пустоте и темноте собственного становления, бесконечно познавая, стая, страдая, раскаиваясь, претворяя свою страсть в материю, свою тоску – в духовность» (*Йонас Г. Гностицизм*. СПб., 1998. С. 6).

³ По мнению ряда исследователей, Евангелие от Иоанна несет отпечаток гнозиса, в то время как синоптические Евангелия происходят из одного источника (*Алексеев Д. Античное христианство и гностицизм // Евангелие истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний*. Ростов н/Д, 2008. С. 15–62; *Rudolph K. Gnosis: the Nature and History of Gnosticism*. San-Francisco, 1987).

5. Переход от язычества к христианству является закономерным этапом глобального нарратива: христианство едва ли возникло, если бы язычество не создало для этого необходимое условие, *возвысив* человека над материей и предопределив этим его дальнейшее *снисхождение*¹. Христианство, таким образом, не только отрицает, но и продолжает язычество; его семена присутствуют в отдельных элементах язычества (например, в культе Диониса). Автоматизм и неизбежность данного перехода обесценивают *содержание* христианства, которое предстает уже не как откровение, а как механистическая функция истории; сама история при этом предстает не как постепенное освобождение человека, а как циклический и детерминированный процесс – как некая *работа*.

6. Миф о технологиях знаменует обратный переход: богоподобие переходит в богоравенство, а богоравенство выражается в создании творения (технологий), отрицающего и подчиняющего своего создателя, благодаря чему появляется новая точка отчета и открывается новый экзистенциальный горизонт, предполагающий очищение от материи (борьбу с технологиями) и новое восхождение. Речь, таким образом, идет о создании необходимой предпосылки для нового оригинального язычества. С другой стороны, данный миф может знаменовать гибель человечества (во всяком случае *этого*) и завершение уже не исторического, а *онтологического* цикла (разъединение духа и материи и исчезновение времени). Это ставит иной вопрос – о *спасении* (а не о социальной реформе).

7. Колебания нарратива (схождение – восхождение) обусловлены не только изменением (сопротивлением) реальности, на которую воздействует миф, но и предрасположенностью к колебанию самого мифа. Это связано с тем, что миф, по сути, является *восприятием реальности*: каждый раз, когда реальность полностью раскрывается, восприятие меняет направление и объект (как правило, *противоположно*) и создает новую перспективу. Активность реальности и активность мифа синхронизируются: конфликт между ними становится неизбежным. Особенность переходных периодов (например, постмодерна) состоит в размывании восприятия (мифа) за счет совмещения двух картин (старой и новой); отсюда – отсутствие твердых установок и принятие этого как ценности.

8. Матрицу мифологической структуры, таким образом, образует христианство (и вообще любая религия), формирующее представление о природе человека и мира. Это представление определяет все элементы дискурса, делая мнимыми (искусственными и второстепенными) конфликты внутри него (между консерватизмом и либерализмом, религией и атеизмом и т. п.). Отсюда – большое значение фрагментов, связанных с данной матрицей: древних территорий, городов, наций, учений, символов, вызовов, конфликтов и т. п. История – многослойна: ее забытые и ушедшие вглубь слои сохраняют идеологическую (мифологическую) потенцию, продолжают реализовывать свою функцию и живут даже в своем отрицании.

Искусство

9. Развитие мифологической структуры отражается не только в политических процессах, но и в искусстве, локализирующем смысл мифа в ограниченном пространстве и, как результат, передающем его более четко и наглядно. Искусство может предвосхищать политические изменения, поскольку художник может быть более чувствителен к трансформации мифа, чем политик; оно также может отставать от этих изменений; чаще всего, однако, имеют место синхронность и взаимоподдержка. Художник при этом не является фотографом; на этапе трансформации он может увидеть или угадать движение глобального нарратива, в результате чего возникает особое искусство, ко-

¹ Р. Генон пишет: «Если принять во внимание то печальное состояние, в котором в эпоху распространения христианства пребывали страны Запада, входившие в состав Римской империи, то без „снисхождения“ Христианства на экзотерический уровень все эти страны вместе взятые в скором времени лишились бы всякой традиции, поскольку их собственные традиции, и особенно доминирующая греко-романская традиция, достигли точки предельного вырождения, что свидетельствовало о неминуемом и скором конце цикла их существования. Это „снисхождение“ не было ни случайностью, ни извращением, напротив оно носило „провиденциальный“ характер». (Генон Р. Христианство и инициация // Конец Света. Эсхатология и традиция / сост. А. Дугин. М., 1997. URL: <http://my.arcto.ru/public/guenon/guen-4.htm>).

торое отличается трансцендентностью и глубоким пессимизмом, достигающим уровня отрицания нарратива.

10. Главными качествами античной модели являются красота и бесстрастность (Венера Милосская). Красота представляет собой концентрированную природность, беспристрастность – отказ от воли (а значит, достоинства и индивидуальности), подчинение року, безличность. Отказ от индивидуальности предполагает акцент на отношении к роду (отсюда – нагота греческих статуй) и модели поведения. Эмоции в связи с этим отражают состояние тела, а не духа. Красивыми и бесстрастными являются и люди, и боги; боги просто в большей степени, чем люди, что подчеркивается их большим размером (высота статуи Зевса в Олимпии составляла 12–17 м). Все эти качества вытекают из мифа о происхождении мира и человека из материи.

11. Базовый уровень современной мифологии отражен в искусстве Ренессанса: средством выражения богоподобия человека выступает человекоподобие Бога («Сотворение мира» Рафаэля, образы Мадонны и Христа) и природы (аллегии, например «Весна» Боттичелли), а также принципиальное религиозно-интимное содержание искусства; средством выражения заложенной в достоинстве потенции – образы детей, прежде всего Христа; средством выражения вездесущности – индивидуальные, разнообразные и отделяющие от природы эмоции (улыбка Джоконды); средством выражения интереса к материи – контекст изображаемых событий, предполагающий многомерность, наполненность вещами и второстепенными персонажами, игру теней и т. п.

12. Миф о воле был трансформирован в XVI–XVII вв.: воля человека вытеснила волю Бога. Эта трансформация передается в работах голландской школы (Рембрандт, Вермеер, Рубенс), героями которых выступают не боги, а обычные бюргеры и солдаты. Своего рода политическим манифестом эпохи является картина «Ночной дозор» Рембрандта, символизирующая победу государства Нового времени, опирающегося на *граждан*, над феодальным порядком; монохромность этого произведения отражает политическую дихотомию (сосуществование двух полюсов – государства и гражданского общества). Другой школой, обслуживающей те же задачи, является французский классицизм, содержащий множественные отсылки к античности (Н. Пуссен, Ж.-Л. Давид).

13. Агентом второго уровня мифологической структуры выступает романтизм с его подчеркиванием сильных страстей и характеров (отсюда – расцвет маринизма), склонностью к экзотическому географическому контексту, в котором действуют *общие* законы жизни, подчеркнутой политической нейтральностью; по сути, речь идет о художественном оформлении и обосновании либеральной реформаторской программы. Более поздний импрессионизм является двойственным, причем не только содержательно, но и технически. С одной стороны, его можно определить как радость от *присвоения* мира; с другой – он выражает тоску по утраченному покою, попытку создания искусственного, автономного и защищенного внутреннего мира (отсюда – *буколизм*).

14. Третий уровень структуры образует идея злой воли, стигматизирующая человека в целом. Его художественным выражением являются абстракционизм (В. Кандинский), сюрреализм (Ж. Миро, С. Дали), концептуализм (И. Кабаков), которые либо в принципе отказываются изображать человека (отказывая, таким образом, ему в онтологическом статусе), либо изображают его в деформированном (искаженном, расчлененном) виде. Более поздние поп-арт (Э. Уорхол) и гиперреализм (Г. Рихтер) представляют собой робкое и постепенное преодоление шока: художник символически отказывается от собственной воли и лишь соприкасается с реальностью и фиксирует ее (но ни в коем случае не осмысливает ее и не пытается на нее воздействовать).

15. Агентом четвертого уровня (неолиберализма) является не живопись, а кино. Речь идет не только о необходимом следствии технического прогресса. Во-первых, использование нового средства символизирует разрыв (мнимый) с мифами первого и второго уровней. Во-вторых, благодаря своей способности изображать *движение* и *транслироваться* кино более мифологично, чем живопись, и, как результат, сильнее воздействует на реальность (искажает ее). В-третьих, выступая в качестве *лич-*

ного пространства, оно насыщает реальность, обедненную в результате капиталистической унификации, и таким образом примиряет с ней. В-четвертых, артикулируя любой протест, оно дискредитирует, завершает и исключает его из политической жизни.

16. Агентом пятого уровня является Интернет и иные формы виртуальной реальности (например, компьютерные игры). Они меняются с человеком местами, т. е. становятся субъектом, воздействующим на внимание, интеллект, волю и поведение человека, который в результате становится *произведением*, т. е. вещью, лишенной самости. Виртуальная реальность развивает качества кино, но добавляет к ним сигнальную функцию (формулирует конкретные и прямые требования). Содержание виртуальных продуктов при этом не имеет большого значения, поскольку их главная функция состоит в том, чтобы запустить моторику и рефлексy и таким образом подавить волю человека и *изъять* его из социума (а не перестроить социальные процессы).

Политика

17. Последовательности, связующие политические формы и религиозные мифы, как правило, длинные и неявные, но от этого не менее прочные. Так, хотя в историческом плане современное государство является продуктом буржуазных революций XVII в., в идеологическом плане оно является результатом эволюции христианских идей – прежде всего синтеза богоподобия и вездесущности (отсюда – его тоталитарность) и представления о дихотомии души и тела¹ (отсюда – его отделенность от гражданского общества). Эта *укорененность* обуславливает высокую устойчивость политических форм, неуязвимых даже для прямых атак, таких как Октябрьская революция 1917 г., и в конечном счете перестраивающих любые альтернативы по своему образу и подобию².

18. Чтобы сохранить свое влияние, миф должен мимикрировать, т. е. время от времени менять вторичные элементы. Миф о суверенитете не исключение. В XVII в. он опирался на идею преодоления угрозы частной войны (Гоббс); в XVIII в. – на идею защиты гражданских свобод (Локк); в XIX и начале XX в. – на идею социального и научного прогресса (либерализм); после Второй мировой войны – на идею борьбы с тоталитаризмом, идею социальной защиты и обновленную идею прогресса; в конце XX в. – на идею борьбы с терроризмом и идею защиты национального достояния; в настоящее время все в большей степени – на идею борьбы с естественными угрозами (природными катастрофами и эпидемиями).

19. Мимикрия мифа предполагает не только акцент на новой угрозе, но и генерирование этой угрозы, которое осуществляется самим мифом на предыдущем этапе: редуцируя отдельный аспект реальности, миф вызывает его возмущение, после чего мимикрирует и приступает к исправлению реальности за счет других аспектов. Так, борьба с угрозой частной войны потребовала ограничения свобод, которое стимулировало борьбу за гражданские права, которая запустила либеральную реформу, которая спровоцировала мировые войны, которые проложили дорогу неолиберализму, который вызвал новую волну агрессивного национализма и т. д. Технологии позволяют генерировать угрозы исключительно информационными средствами.

20. Перезапуск мифа обычно предполагает *демократический выбор*, призванный обеспечить его легитимность. Данный выбор представляет собой манипуляцию: отказ от старой формы мифа всегда *предрешен*, поскольку большинство людей способны осознать негативное воздействие мифа и *всегда* хотят перемен; призыв к изменениям лишь активизирует этот инстинкт. Момент и направление изменений, однако, каждый раз определяются сувереном (политическими элитами), который использует общее неоформленное неудовольствие в своих интересах и под предлогом спасения вводит новые формы угнетения и отчуждения либо, будучи неспособным на это, имитирует реформу; социальный протест таким образом сублимируется и преодолевается.

¹ «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2.7).

² Л. Д. Троцкий определял СССР как «буржуазное государство, хотя и без буржуазии» (Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017).

21. Меньшинство, как правило, может *озвучивать* свое недовольство, но на этом его возможности противодействия заканчиваются: арифметический расчет выступает как *ultima ratio*, а участие в процессе снимает вопрос о нереализованном субстанциональном интересе. Демократия, таким образом, работает за счет меньшинства и часто *обращена против него*. Иные принципы власти защищают меньшинство в большей степени: так, монархический принцип предполагает ответственность монарха перед *всеми и каждым* и, соответственно, защищает меньшинство даже от угрозы со стороны большинства. Альтернативы либерализму – консерватизм и марксизм – также не опираются на принцип большинства.

22. Юриспруденция является особой формой фиксации мифа, так же как религия, наука, искусство и т. д. В отличие от последних она апеллирует к ценности порядка, страху перед насилием и окружает себя аурой математической рациональности и открытости. Благодаря этим особенностям она исключает дискуссию об основаниях (например, о состоятельности идеи суверенитета или прав человека) и, наоборот, генерирует большое количество второстепенных споров и аргументов. Как результат, правовой дискурс становится интенсивным и насыщенным, но при этом поверхностным, а профессия юриста оборачивается своей противоположностью: вместо того, чтобы искать истину и справедливость, юрист отстаивает ложь.

23. Политическая эмансипация (как и любая иная) предполагает преодоление мифа; главными качествами правителя в связи с этим должны быть стремление к истине (нередуцированной реальности), ориентация на общее благо и отказ от любых *программ и конституций* (поскольку они мифологизируют политику). Данный идеал был описан Платоном в диалоге «Государство»¹ и позднее воспринят Руссо; его практическая возможность, однако, остается открытой, поскольку предполагает идеологические альтернативы, социальные ниши, доступ к ресурсам, народную поддержку и отсутствие серьезного сопротивления – факторы, которые, как правило, отсутствуют или подавлены. Кроме того, данная возможность почти не подтверждается историей.

24. Возможно, главная проблема состоит в том, что политика (если под ней понимать управление) не только подвержена влиянию мифа, но и сама является мифом, поскольку в ее основе лежит признание права руководить за одним человеком и обязанности подчиняться за другим, в то время как каждый склонен и к руководству, и к подчинению (а в пределе *не склонен ни к тому, ни к другому*). Это качество политики не затрагивается изменением задач правителя или предъявлением к нему новых этических требований. Единственным выходом, таким образом, является изменение самой сути политической коммуникации; политика должна стать *общением*, в котором содержательно участвует каждый гражданин².

Миф *per se*

25. Вопрос о том, как возник миф и почему мышление человека мифологично, не менее важен, чем вопрос о происхождении человека, – точнее, эти вопросы сходятся и предполагают один ответ, возможно, в одинаковой степени религиозный и естественно-научный. Если мы попытаемся получить этот ответ, оставаясь в действующей (мифологической) системе координат, едва ли эта попытка увенчается успехом, а даже если и так, едва ли понимание *устройства* тюрьмы обеспечит освобождение

¹ По Платону, править государством должны философы, т. е. «люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы», те, кому «свойственны возвышенные помыслы и охват мысленным взором целокупного времени и бытия»; «ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока властью государства не станет племя философов...» (Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013. С. 866, 867, 880).

² «Всякое государство представляет собой своего рода общение» (Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376). «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым существом; лишь тогда, когда человек познает и организует свои „собственные силы“ как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, – лишь тогда свершится человеческая эмансипация» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 406).

(возможно, оно вызовет отчаяние или стимулирует заключить союз с тюремщиком). Таким образом, более важным выглядит вопрос об освобождении, после ответа на который устройство тюрьмы станет безынтересным.

26. Мифологическая структура эффективно организует порядок, предлагает каналы для расходования жизненной энергии, необходимые для этого стимулы и т. д. В связи с этим ее преодоление может показаться бессмысленным. Проблема, однако, состоит в том, что реальность, обустроиваемая мифом, отличается от подлинной реальности, доступ к которой закрывается. Как бы ни был отчужден и подавлен человек, он осознает присутствие этой другой реальности, искусственность роли, навязанной мифом, и собственное бессилие; стремится освободиться из-под власти мифа и, не будучи способным сделать это, страдает; миф при этом искажает даже само страдание. Таков психологический уровень проблемы, помимо которого существуют иные, более глубокие уровни.

27. Обоснование мифа культурологически детерминировано: миф может апеллировать к вере, порядку, самореализации, науке и др. Все эти обоснования, однако, также являются мифами, поскольку в их основе каждый раз лежит чистое желание жить (взаимодействовать с реальностью). Данное желание предполагает идентификацию с собственным телом и интерес к материи, что, *возможно*, также является мифом, поскольку и тело, и материя склонны к разрушению. Отсюда – дихотомическое и противоречивое восприятие человеком самого себя: он не считает себя ни материей, ни чистым духом, ни вечным, ни смертным и мыслит сразу на нескольких уровнях; происходящая в нем внутренняя борьба является еще одним препятствием для освобождения.

28. Отвергать миф – значит отвергать свое тело и свой интерес к реальности. В связи с этим редуцирующий механизм мифа ослабевает с возрастом или во время болезни; человек, однако, редко способен сделать твердые выводы; как только болезнь отступает, миф вновь захватывает сознание, апеллируя к привычке. Этот механизм также ослаблен у тех, кто не идентифицирует себя с телом: монахов, аскетов, сумасшедших и просто отчаявшихся людей. Утрата интереса к реальности предполагает отказ от воздействия на нее; поэтому праведники едва ли могут стать правителями; платоновский идеал правителя, таким образом, оказывается уязвимым; более того, управление, предполагающее интенсивное взаимодействие с реальностью, препятствует праведности.

29. Матрица мифа действует во всех сферах, зачищая, насыщая и постепенно заполняя своими производными все социальное пространство. В сфере политики и права такими производными являются суверенитет и права человека; в сфере экономики – деньги и юридические лица; в сфере культуры – антропоцентрическая живопись и роман; в сфере философии – рационализм и эмпиризм и т. д. Стабильность производных обеспечивается не только действием первичного мифа (движением из глубины), но и взаимоподдержкой. Любая социальная альтернатива бессмысленна, если она не бьет в центр паутины – по первичному мифу. Источником альтернативы в связи с этим должна быть не менее сильная (глубокая) идея, возможность которой неочевидна.

30. Для внутреннего наблюдателя (т. е. для обычного человека) глобальный нарратив выглядит как горный хребет, окутанный туманом: резкими являются только мифологическая структура и формируемое ею пространство; все, что вокруг, наоборот, размыто. Как результат, интеллектуальная и политическая деятельность ограничена пределами нарратива. Это правило распространяется и на протест: хотя мифологическая структура может быть определена как зло, альтернатива почти всегда неразборчива и может быть определена только от противного. Отсюда – неясность позитивной части критических учений: философских (например, ницшеанства); политических (например, марксизма); правовых (например, критической теории) и т. д.

31. Отношению к реальности предшествует ее название. Эти процессы связаны: название определяет отношение, и наоборот. Именуя фрагменты реальности, мы организуем ее из хаоса, создаем ее контурную карту, которую в дальнейшем нам предстоит раскрасить. Гностическая проблема, связанная с названием, состоит в том, что, именуя хаос, мы *вовлекаемся* в него, отрываемся от Плеромы (божественной

полноты) и утверждаем самость (точнее, ее иллюзию). Язык, таким образом, выступает инструментом и матрицей *отчуждения*. Истинная поэзия (например, скальдическая) разрушает имена, смешивает фрагменты реальности, воссоздает изначальный хаос и тем самым преодолевает отчуждение.

32. Язык распределяет фрагменты реальности по локациям, но поскольку реальность и восприятие являются нестабильными, обозначенный фрагмент со временем может покинуть определенную для него локацию, а его место может занять другой объект. Язык пытается решать эту проблему при помощи общих понятий, эволюционного толкования, исключений из правил и т. п., но любое такое решение уязвимо. Бесконечное движение реальности и восприятия влечет за собой все большее усложнение и обесценивание языка и в пределе порождает симулякры, т. е. слова, не настроенные на какую-либо локацию (постмодерн). Умножение симулякров является симптомом скорой трансформации мифологической структуры.

Список литературы

Алексеев Д. Античное христианство и гностицизм // Евангелие истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний. Ростов н/Д, 2008.

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4.

Генон Р. Христианство и инициация // Конец Света. Эсхатология и традиция / сост. А. Дугин. М., 1997. URL: <http://my.arcto.ru/public/guenon/guen-4.htm>.

Гомер. Одиссея / пер. В. Жуковского. М., 1981.

Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1.

Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013.

Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2.

Толстых В. Л. Пять уровней международно-правовой мифологии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3–4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1472>; <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1506>.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017.

Rudolph K. Gnosis: the Nature and History of Gnosticism. San-Francisco, 1987.

References

Alekseev D. Antichnoe khristianstvo i gnostitsizm // Evangelie istiny: dvenadtsat' perevodov khristianskikh gnosticheskikh pisanii. Rostov n/D, 2008.

Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. M., 1983. T. 4.

Genon R. Khristianstvo i initsiatsiya // Konets Sveta. Eskhatologiya i traditsiya / sost. A. Dugin. M., 1997. URL: <http://my.arcto.ru/public/guenon/guen-4.htm>.

Gomer. Odiseya / per. V. Zhukovskogo. M., 1981.

Jonas G. Gnostitsizm. SPb., 1998.

Marks K., Engel's F. Sochineniya. M., 1955. T. 1.

Platon. Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome. M., 2013.

Rudolph K. Gnosis: the Nature and History of Gnosticism. San-Francisco, 1987.

Tolstykh V. L. Mezhdunarodnoe pravo kak mifologiya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 2.

Tolstykh V. L. Pyat' urovnei mezhdunarodno-pravovoi mifologii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2019. № 3–4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1472>; <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1506>.

Trotskii L. D. Predannaya revolyutsiya. Chto takoe SSSR i kuda on idet? M., 2017.

ДОГОВОРНО-ПРАВОВАЯ БАЗА ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Муратшина Ксения Геннадьевна

Доцент кафедры теории и истории международных отношений
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург), кандидат исторических наук, доцент,
e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Вербицкая Татьяна Владимировна

Ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального
университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: aquitania-17@yandex.com

В статье анализируется договорно-правовая база гуманитарного сотрудничества Российской Федерации с ее ближайшими партнерами – пятью бывшими советскими республиками Центральной Азии. Проводится сравнение соответствующих документов с точки зрения широты охвата сфер гуманитарного сотрудничества, а также характера документа (обязательный либо рекомендательный, декларативный). Гуманитарное сотрудничество включает в себя следующие области взаимодействия: культура, образование, наука, информация и массовые коммуникации, спорт, туризм и работа с молодежью.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, гуманитарное сотрудничество

THE LEGAL BASIS OF HUMANITARIAN COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CENTRAL ASIA: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Muratshina Ksenia

Associate professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
candidate of historical sciences,
e-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Verbitskaya Tatiana

Assistant lecturer,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: aquitania-17@yandex.com

The article analyses the legal basis of humanitarian cooperation between Russia and its closest partners – the five post-Soviet Central Asian states. The contents of the existing bilateral documents are compared. In addition, the article checks whether they are comprehensive, and either obligatory or declaratory. Humanitarian cooperation includes such areas of interaction as culture, education, science, information and media, sport, tourism and youth policy.

Key words: Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan, humanitarian cooperation

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060.

** This research was supported by the Russian Science Foundation, grant № 19-78-10060.

В современном мире гуманитарная сфера занимает важное место в сотрудничестве государств, связанных партнерскими или союзническими отношениями. Изучение договорно-правовой базы этой области дает представление о том, насколько интенсивны связи между государствами. В данной статье будет проанализирована договорно-правовая база сотрудничества в гуманитарной сфере на двустороннем уровне (межгосударственные, межправительственные и межведомственные акты) между Российской Федерацией и каждой из стран постсоветской Центральной Азии: Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан, Республикой Узбекистан и Туркменистаном.

По Соглашению о гуманитарном сотрудничестве стран – участников Содружества Независимых Государств в гуманитарную сферу входят следующие области взаимодействия: культура, образование, наука, архивное дело, информация и массовые коммуникации, спорт, туризм и работа с молодежью¹.

Проследим, как представлена гуманитарная сфера в основополагающих двусторонних договорах между Россией и пятью странами Центральной Азии.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и Казахстаном 1992 г.² содержит положения о необходимости расширять связи в области культуры, образования и науки, спорта, туризма, изучения национальных языков, обеспечивать доступность «культурно-исторического наследия, архивов, информационных и научно-технических банков данных», способствовать обмену между творческими коллективами на государственном и региональном уровнях. В том числе предусмотрен равный статус документов об образовании, ученых степенях и званиях. Эти положения закрепляет и Договор между РФ и Казахстаном о добрососедстве и союзничестве в XXI веке 2013 г.³

Похожие нормы содержит заключенный РФ и Киргизией Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1992 г.⁴: предусмотрено сотрудничество в области культуры, образования, туризма, спорта, информационных обменов, изучения национальных языков «между правительственными и неправительственными организациями и учреждениями, частными организациями и лицами», т. е. на разных уровнях взаимодействия. Статьей 21 Договора анонсировано создание Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ).

Согласно Договору между РФ и Таджикистаном о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1993 г.⁵ стороны будут способствовать обмену в области культуры, образования, науки, информации, спорта, туризма, изучения национальных языков. Предусмотрены прямые связи между учебными и научными учреждениями, осуществление совместных программ и разработок, взаимное признание документов об образовании; анонсировано учреждение Российско-Таджикского Славянского университета (РТСУ). Договор между РФ и Таджикистаном о союзническом взаимодействии, ориентированном в XXI век 1999 г.⁶ закрепляет аналогичные положения и предписывает сторонам «способствовать сохранению духовной и культурной близости народов» и «поощрять сближение национальных систем образования путем сохранения общего образовательного и интеллектуального пространства».

Договор о стратегическом партнерстве между РФ и Узбекистаном 2004 г.⁷ содержит меньше норм, касающихся гуманитарной сферы, но упоминает о необходимости связей между образовательными, научными, культурными организациями, «сближении национальных систем образования и науки», регулярном обмене исследователями, специалистами, преподавателями, аспирантами, стажерами и студентами.

Договор между РФ и Туркменистаном о дружбе и сотрудничестве 2002 г.⁸ также подчеркивает важность совместных программ и разработок, научных и образова-

¹ URL: http://mfgs-sng.org/sgs/gum_sotr (дата обращения: 08.12.2019).

² URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/B920005500> (дата обращения: 08.12.2019).

³ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1560> (дата обращения: 08.12.2019).

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901728231> (дата обращения: 12.07.2019).

⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902068> (дата обращения: 11.08.2019).

⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901742096> (дата обращения: 11.08.2019).

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1945> (дата обращения: 08.12.2019).

⁸ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901834834> (дата обращения: 08.12.2019).

тельных обменов, сотрудничества в области культуры, туризма, спорта, информации, изучения национальных языков. Схожие положения присутствуют в Договоре о стратегическом партнерстве 2017 г.¹

На основе изучения норм о гуманитарном сотрудничестве в рассмотренных договорах можно выделить некоторые общие принципы взаимодействия между Россией и ее партнерами в Центральной Азии. Это равенство; взаимное уважение и изучение национальных культур, ценностей, традиций, языков; обмен опытом и пропаганда достижений культуры государств – партнеров и союзников; сотрудничество в ключевых для развития сферах: науки, образования, профессиональной подготовки; поддержание исторически сложившихся связей.

Рассмотрим отраслевые соглашения между сторонами в области гуманитарного сотрудничества.

Между Россией и Казахстаном в 1994 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования². Документ выходит за рамки областей, вынесенных в название, и покрывает все сферы гуманитарного взаимодействия. Помимо разнообразных культурных и научно-образовательных обменов упомянуты связи в области информации («опубликование материалов о политической, экономической, культурной жизни, издание газет и журналов на языке народов другого государства»), сотрудничество в области телевидения и радиовещания) и области спорта («прямое сотрудничество между спортивными обществами, проведение соревнований и встреч, обменов спортсменами и тренерами, научно-методической информацией и специальной литературой»), а также развитие туризма и обмена между молодежными организациями.

Между Россией и Казахстаном заключен также ряд актов по конкретным вопросам гуманитарного сотрудничества: Соглашение о сотрудничестве в области подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации 1994 г.³, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве 1996 г.⁴, Соглашение об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров 1998 г.⁵, Соглашение о сотрудничестве в области информации 1998 г.⁶, Соглашение о статусе корреспондентов СМИ 1999 г.⁷, Соглашение о сотрудничестве в области туризма 2001 г.⁸, Соглашение о функционировании казахстанского филиала МГУ им. М. В. Ломоносова 2017 г.⁹, Программа сотрудничества между Министерством культуры РФ и Министерством культуры и спорта Республики Казахстан на 2020–2022 годы¹⁰, Меморандум о взаимопонимании между Федеральным агентством по делам молодежи РФ и Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан 2019 г.¹¹

Главным документом, регламентирующим сферу гуманитарного сотрудничества России и Киргизии, является Соглашение о сотрудничестве в гуманитарной сфере 2012 г.¹² (заменившее собой Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования 1995 г.). Этот документ включает подробный перечень разнообразных обязательств в следующих областях: обмены в сфере искусства, сохранение историко-культурного наследия, связи научных учреждений, сотрудничество в области

¹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/456098103> (дата обращения: 08.12.2019).

² URL: <http://docs.cntd.ru/document/901730135> (дата обращения: 11.08.2019).

³ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900285> (дата обращения: 08.12.2019).

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902132> (дата обращения: 08.12.2019).

⁵ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=8424 (дата обращения: 11.08.2019).

⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901750941> (дата обращения: 08.12.2019).

⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901785634> (дата обращения: 08.12.2019).

⁸ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023244#pos=0;0 (дата обращения: 08.12.2019).

⁹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/555742715> (дата обращения: 11.08.2019).

¹⁰ Россия и Казахстан подписали программу сотрудничества в области культуры на 2020–2022 годы // Министерство культуры РФ. 2019. 7 нояб. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/rossiya_i_kazakhstan_podpisali_programmu_sotrudnichestva_v_oblasti_kultury_na_2020_2022_gody/ (дата обращения: 11.11.2019).

¹¹ Документы, подписанные в рамках XVI Форума межрегионального сотрудничества России и Казахстана // Официальный сайт Президента РФ. 2019. 7 нояб. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5456> (дата обращения: 11.11.2019).

¹² URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203005240&page=1&rdk=0&link_id=3#10 (дата обращения: 11.11.2019).

образования (от студенческих обменов до создания филиалов вузов), взаимное изучение национальных языков и культур, доступ к библиотечным и музейным фондам для граждан обоих государств на равных условиях, сотрудничество СМИ, связи между молодежными организациями, сотрудничество в области спорта и наконец «сотрудничество между национальными комиссиями Сторон по делам ЮНЕСКО».

Между Россией и Киргизией заключены следующие специализированные двусторонние акты: Соглашение об условиях учреждения и деятельности КРСУ 1993 г.¹, Соглашение о статусе корреспондентов СМИ 1995 г.², Соглашение о порядке и условиях распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Киргизской Республики 1996 г.³, Соглашение о сотрудничестве в области высшего образования 1996 г.⁴, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве 1997 г.⁵, Соглашение о сотрудничестве в области информации 2000 г.⁶, Соглашение о сотрудничестве в сфере туризма 2006 г.⁷, Соглашение об условиях деятельности КРСУ 2008 г.⁸, Соглашение об учреждении и условиях деятельности Российского центра науки и культуры в Бишкеке и Киргизского Дома науки и культуры в Москве 2011 г.⁹, Программа сотрудничества между Министерством культуры РФ и Министерством культуры, информации и туризма Киргизской Республики на 2018–2020 годы¹⁰, Меморандум о сотрудничестве между Министерством просвещения РФ и Министерством образования и науки Киргизской Республики 2019 г.¹¹, Меморандум о сотрудничестве между Министерством спорта РФ и Государственным агентством по делам молодежи, физической культуры и спорта при Правительстве Киргизской Республики 2019 г.¹²

Основным специализированным документом по гуманитарному сотрудничеству между Россией и Таджикистаном является Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма 1995 г.¹³ По объему обязательств и комплексности оно практически аналогично российско-казахстанскому и российско-киргизскому. Связи в области искусства, библиотечного и музейного дела, народных промыслов и сохранения объектов культурного наследия дополнительно закреплены двусторонним Соглашением о сотрудничестве в области культуры 2008 г.¹⁴

Другие специализированные акты включают Соглашение о научно-техническом сотрудничестве 1993 г.¹⁵, Соглашение об условиях учреждения и деятельности в Душанбе РТСУ 1997 г.¹⁶, Соглашение о порядке и условиях приема и распространения программ российских телерадиовещательных организаций на территории Респу-

¹ URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102121003&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 08.12.2019).

² URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102036277&page=1&rdk=0&link_id=3#10 (дата обращения: 08.12.2019).

³ URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203004318&page=1&rdk=0&link_id=7#10 (дата обращения: 08.12.2019).

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901345> (дата обращения: 08.12.2019).

⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/8307500> (дата обращения: 08.12.2019).

⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901878296> (дата обращения: 08.12.2019).

⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901985666> (дата обращения: 08.12.2019).

⁸ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902121024> (дата обращения: 12.11.2019).

⁹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902279922> (дата обращения: 11.08.2019).

¹⁰ Минкультуры России и Киргизии подписали Программу сотрудничества на 2018–2020 гг. // Министерство культуры РФ. 2018. 31 марта. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/minкультуры_rossii_i_kirgizii_podpisali_programmu_sotrudnichestva_na_2018_2020_gody/ (дата обращения: 19.09.2019).

¹¹ Россия и Киргизия подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере образования // Минпросвещения России. 2019. 28 марта. URL: <https://edu.gov.ru/press/1289/rossiya-i-kirgiziya-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve-v-sfere-obrazovaniya/> (дата обращения: 19.09.2019).

¹² Российская Федерация и Киргизская Республика заключили Меморандум о сотрудничестве в области физической культуры и спорта // Министерство спорта РФ. 2019. 28 марта. URL: <https://www.minsport.gov.ru/activities/strana-geroev/strana-geroev-news/33487/> (дата обращения: 19.09.2019).

¹³ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901169> (дата обращения: 27.10.2019).

¹⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902121039> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901855485> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁶ URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreem_coop_Tadzh_Slav_Univ_1997 (дата обращения: 28.10.2019).

блики Таджикистан 1999 г.¹, Соглашение о статусе корреспондентов СМИ 2001 г.², Соглашение о сотрудничестве в области информации 2004 г.³, Соглашение об условиях деятельности российско-таджикской средней общеобразовательной школы РТСУ 2007 г.⁴, Соглашение о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений 2009 г.⁵, Соглашение об учреждении и условиях деятельности культурно-информационных центров 2011 г.⁶, Меморандум между Министерством спорта РФ и Комитетом по делам молодежи, спорта и туризма при Правительстве Республики Таджикистан о сотрудничестве в области физической культуры и спорта 2017 г.⁷, Соглашение об условиях деятельности средней общеобразовательной школы № 7 в городе Кулябе 2018 г.⁸, Соглашение о развитии сотрудничества в области туризма 2019 г.⁹, Соглашение о строительстве и материально-техническом оснащении общеобразовательных учреждений в городах Душанбе, Куляб, Худжанд, Бохтар и Турсунзаде, осуществляющих обучение на русском языке 2019 г.¹⁰, План совместных мероприятий между министерствами культуры двух стран на 2019 г.¹¹

В сотрудничестве России с Узбекистаном основным документом, посвященным гуманитарной сфере, является Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма 1993 г.¹² Большинство пунктов этого документа повторяют российско-таджикское Соглашение 1995 г. Есть два отличия: признается эквивалентность документов об образовании только до 1 января 1992 г. и более подробно прописаны связи в области спорта: «обмен спортивными делегациями, проведение совместных соревнований и встреч, учебно-тренировочных сборов национальных команд России и Узбекистана для подготовки к международным соревнованиям различного уровня и Олимпийским играм, обмен спортсменами и тренерами на контрактной основе, создание совместных предприятий по производству изделий спортивного назначения и строительству спортивных сооружений», «сотрудничество в вопросах материально-технического, физкультурно-и научно-методического обеспечения спортивного движения, эффективного использования во взаимных интересах учебно-тренировочных баз, центров олимпийской подготовки».

Специализированные акты в области гуманитарного сотрудничества между РФ и Узбекистаном включают Соглашение о сотрудничестве в области высшего образования 1995 г.¹³, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве 1995 г.¹⁴, Соглашение об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров 1998 г.¹⁵, Соглашение о сотрудничестве в области культуры 1998 г.¹⁶, Соглашение о порядке установления эквивалентности документов об ученых степенях и сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации 1998 г.¹⁷ (заменено Соглашением о взаимном признании образования и квалифика-

¹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1000001147> (дата обращения: 08.10.2019).

² URL: <http://docs.cntd.ru/document/901830357> (дата обращения: 08.12.2019).

³ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901915132> (дата обращения: 08.12.2019).

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902041685> (дата обращения: 08.12.2019).

⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902243417> (дата обращения: 08.12.2019).

⁶ URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1133 (дата обращения: 28.10.2019).

⁷ Подписан Меморандум между Министерством спорта Российской Федерации и Комитетом по делам молодежи, спорта и туризма при Правительстве Республики Таджикистан о сотрудничестве в области физической культуры и спорта // Министерство спорта РФ. 2017. 28 февр. URL: <https://www.minsport.gov.ru/press-centre/news/30155/> (дата обращения: 08.12.2019).

⁸ URL: <http://docs.cntd.ru/document/551382385> (дата обращения: 08.12.2019).

⁹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/563664667> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁰ URL: <http://docs.cntd.ru/document/554566326> (дата обращения: 08.12.2019).

¹¹ Министерства культуры России и Таджикистана подписали план совместных мероприятий на 2019 год // Министерство культуры РФ. 2019. 17 апр. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/ministerstva_kultury_rossii_i_tadzhikistana_podpisali_plan_sovmestnykh_meropriyatij_na_2019_god/ (дата обращения: 08.12.2019).

¹² URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902102> (дата обращения: 29.10.2019).

¹³ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901013> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901012> (дата обращения: 08.12.2019).

¹⁵ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=22332 (дата обращения: 01.12.2019).

¹⁶ URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=14279 (дата обращения: 01.12.2019).

¹⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/8317346> (дата обращения: 08.12.2019).

ции, ученых степеней 2019 г.¹), Соглашение о статусе корреспондентов СМИ 1998 г.², Соглашение о сотрудничестве в области информации 1999 г.³, Меморандум о взаимопонимании между Министерством спорта РФ и Министерством по делам культуры и спорта Республики Узбекистан о сотрудничестве в области физической культуры и спорта 2016 г.⁴, Соглашение о развитии сотрудничества в области туризма 2017 г.⁵, Соглашение о создании и функционировании филиалов образовательных организаций высшего образования РФ в Республике Узбекистан 2018 г.⁶, Программу сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере на 2019–2021 годы⁷.

Перечисленные документы носят равноценный характер, подробно определяют основные направления работы в области гуманитарного сотрудничества, права и обязанности сторон по развитию каждой из этих областей и имеют возможность периодического автоматического продления. Как видим, между сторонами присутствуют одни и те же формы взаимодействия, зарекомендовавшие себя в двусторонних отношениях. Есть техническое отличие: документы, заключенные РФ с Узбекистаном и Таджикистаном, относят к гуманитарной сфере здравоохранения и защиты окружающей среды, однако наличие отдельных документов между Россией и этими странами по сотрудничеству в данных областях и отсутствие обеих областей в перечне составляющих гуманитарного сотрудничества в Соглашении стран – участников СНГ делают это отличие не столь принципиальным. В течение некоторого времени имело место расплывчатое определение границ гуманитарной сферы, но сейчас эти границы устоялись. Например, сфера здравоохранения не совсем оправданно упоминается в российско-казахстанском Соглашении о сотрудничестве в области культуры, науки и образования 1994 г., но отсутствует (как и защита окружающей среды) в российско-киргизском Соглашении о гуманитарном сотрудничестве 2012 г. (первый двусторонний документ в гуманитарной сфере после многостороннего Соглашения стран – участников СНГ, получивший точное наименование).

Заметим также, что с Узбекистаном у России пока нет соглашений о совместных высших учебных заведениях. Однако уже подписано соглашение о создании филиалов российских вузов в Узбекистане, а значит, работа в этой области гуманитарного сотрудничества ведется.

Рассмотрим договорно-правовую базу гуманитарного сотрудничества РФ с Туркменистаном – страной, ведущей особую политическую линию в Центральной Азии и отличающейся закрытостью, обособленностью и нейтралитетом. Основным документом между РФ и Туркменистаном, регулирующим вопросы взаимодействия в гуманитарной сфере, является Соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и науки 1995 г.⁸ Этот документ заметно отличается от аналогичных актов, заключенных с четырьмя другими странами Центральной Азии. В нем преобладают лаконичные формулировки, не все области сотрудничества конкретизируются. Все это уменьшает объем обязательств сторон. Также присутствует ограничение по признанию эквивалентности документов об образовании – до 1 января 1993 г.

Тем не менее базовые договоренности присутствуют: соглашение обязывает стороны «способствовать развитию сотрудничества в области культуры, искусства, науки, образования, информации, спорта и туризма», обеспечивать своим гражданам «широкий доступ к культурному достоянию народов», проводить разнообразные культурные обмены, сотрудничать в области образования, науки, сохранения культурного наследия, осуществлять связи между СМИ, спортивными организациями, развивать туризм.

¹ URL: <https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/Uzbekistan2019> (дата обращения: 12.08.2019).

² URL: <http://docs.cntd.ru/document/8318287> (дата обращения: 08.12.2019).

³ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753166> (дата обращения: 08.12.2019).

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/420362958> (дата обращения: 08.12.2019).

⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/420395639> (дата обращения: 10.08.2019).

⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/553806907> (дата обращения: 12.11.2019).

⁷ Министры культуры России и Узбекистана подписали Программу сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере // Министерство культуры РФ. 2018. 19 окт. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/ministry_kultury_rossii_i_uzbekistana_podpisali_programmu_sotrudnichestva_v_kulturno-gumanitarnoy_sf/ (дата обращения: 12.11.2019).

⁸ URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreem_coop_Turkmen_1995 (дата обращения: 07.11.2019).

Соглашение о взаимном признании документов об образовании было подписано лишь в 2009 г.¹ Другие акты в области гуманитарного сотрудничества включают Соглашение о статусе корреспондентов СМИ 1995 г.², Декларацию о сотрудничестве в области науки, культуры и образования 2000 г. (большая часть ее положений носит общий характер, но есть конкретные нормы об учреждении на взаимной основе культурных центров и создании в перспективе российско-туркменской школы)³, Соглашение об открытии в Ашхабаде российско-туркменской средней общеобразовательной школы имени А. С. Пушкина 2002 г.⁴, Соглашение о сотрудничестве в области образования 2008 г.⁵, Соглашение о научно-техническом и инновационном сотрудничестве между Министерством образования и науки РФ и Высшим советом по науке и технике при Президенте Туркменистана 2008 г.⁶, Соглашение о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических работников 2009 г.⁷, Соглашение о сотрудничестве в области туризма 2017 г.⁸ (взамен Соглашения 1995 г.), Программу сотрудничества между министерствами культуры двух стран на 2018–2020 годы⁹, Соглашение о сотрудничестве в области спорта 2017 г.¹⁰

Как видим, в этом перечне нет договоренностей об открытии совместных высших учебных заведений или филиалов вузов, нет соглашений о взаимодействии молодежных объединений. Соглашение по туризму, поскольку оно связано с миграционной сферой и таким образом затрагивает область национальной безопасности Туркменистана, отличается от документов, подписанных Россией с другими странами Центральной Азии, лаконичностью формулировок и содержит только базовые договоренности без конкретизации многих пунктов.

Сравнивая договорно-правовую базу гуманитарного сотрудничества России с каждой из пяти стран Центральной Азии, можно сделать следующие выводы.

Положения, касающиеся гуманитарной сферы и содержащиеся в основополагающих двусторонних договорах, схожи и покрывают все области гуманитарного сотрудничества. Исключение составляют российско-туркменские договоры. Они содержат значительно меньше обязательств по более узкому кругу областей сотрудничества, которые к тому же менее конкретизированы.

Что касается отраслевых актов, то они в основном представлены межправительственными и межведомственными соглашениями, программами и планами сотрудничества. Наиболее полно регламентировано взаимодействие России с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, в меньшей степени – с Узбекистаном. Число документов декларативного характера (меморандумов) незначительно. Договорно-правовая база диверсифицирована и затрагивает все области гуманитарного сотрудничества, развернуто определяя права и обязанности сторон. Нельзя не подчеркнуть значимость не только межгосударственного, но и межведомственного сотрудничества для укрепления диалога сторон.

Гуманитарное сотрудничество стало одним из важных направлений взаимодействия постсоветских государств. Заложены правовые основы для развития этой сферы, которые необходимо углублять, диверсифицировать. Также целесообразно приносить успешно опробованные форматы в отношения с теми государствами, с которыми гуманитарное сотрудничество осуществляется не столь интенсивно, в частности с Туркменистаном.

¹ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902151009> (дата обращения: 04.11.2019).

² URL: <http://base.garant.ru/1119574/#friends> (дата обращения: 03.11.2019).

³ URL: https://www.mid.ru/ru/maps/tm/-/asset_publisher/32J0LjSL2Nmm/content/id/604048 (дата обращения: 08.12.2019).

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901815025> (дата обращения: 03.11.2019).

⁵ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902168889> (дата обращения: 08.12.2019).

⁶ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902125308> (дата обращения: 08.12.2019).

⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/902151011> (дата обращения: 08.12.2019).

⁸ URL: <http://docs.cntd.ru/document/542608248> (дата обращения: 03.11.2019).

⁹ Министерства культуры России и Туркменистана подписали Программу сотрудничества на ближайшие три года // Министерство культуры РФ. 2017. 6 окт. URL: <https://www.mkrf.ru/press/news/ministerstva-kulturny-rossii-i-turkmenistana-podpisali-programmu-sotrudnichestva-20171006173741/> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁰ URL: <http://docs.cntd.ru/document/542608247> (дата обращения: 08.12.2019).

ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ В ФИНЛЯНДИИ

Орлов Владимир Георгиевич

Профессор кафедры гражданского права
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
приват-доцент международного контрактного права
Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия),
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: vladimir.orlov@saunalahti.fi

Административные дела разрешаются в Финляндии в первую очередь в соответствии с положениями Административного закона 2003 г., регулирующими административные процедуры. Эти нормы касаются рассмотрения и разрешения административно-правовых вопросов и принятия решения по административному делу, а также ходатайства об административном пересмотре, исправления ошибки в административном решении и подачи административной жалобы. Обновленное административно-правовое законодательство призвано обеспечить соблюдение принципов надлежащего управления и правовую защиту в административных делах.

Ключевые слова: надлежащее управление, обжалование, административный пересмотр, административная юрисдикция

PROCEDURES FOR THE RESOLUTION OF ADMINISTRATIVE MATTERS IN FINLAND

Orlov Vladimir

Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia,
privatdozent of international contract law, University of Helsinki (Helsinki, Finland),
doctor of legal sciences,
e-mail: vladimir.orlov@saunalahti.fi

In Finland, administrative matters are resolved primarily in accordance with the provisions of the Administrative Procedure Act of 2003 regulating administrative procedures. These rules concern pendency of administrative matters and their consideration; deciding a matter; a procedure for requesting an administrative review; correcting an error in a decision; and an administrative complaint. The renewed administrative legislation aims at ensuring compliance with the principles of good administration and legal protection in administrative matters.

Key words: good administration, appeal, administrative review, administrative jurisdiction

Административные дела разрешаются в Финляндии в соответствии с положениями Административного закона от 6 июня 2003 г. № 434 (далее – Административный закон), регулирующими административные процедуры. Административные решения в свою очередь обжалуются в судебном порядке согласно Закону о судебной процедуре в административных делах от 5 июля 2019 г. № 808 (далее – Закон о судебной процедуре в административных делах). Закон содержит положения, которые касаются общей процедуры пересмотра, а также положения, которые регулируют апелляционный пересмотр и чрезвычайные процедуры пересмотра решений. Административно-процессуальные нормы призваны обеспечить соблюдение принципов надлежащего управления и правовую защиту.

Административная юрисдикция и ее правовые источники

Характерной особенностью права Финляндии является присутствие наряду с общей юрисдикцией административной юрисдикции¹. В компетенцию административных судебных органов входит рассмотрение административно-правовых споров, которые регулируются нормами административного права². Административные вопросы в Финляндии рассматриваются в административных процедурах и разрешаются путем принятия административного решения, которое может быть исправлено или изменено органом публичного управления (власти). Административное решение может быть также обжаловано в судебном порядке, а затем стать предметом апелляционно-пересмотра и чрезвычайных процедур пересмотра.

Основными источниками административного права, которыми регулируются административно-правовые процедуры, административное судопроизводство, обжалование административных решений, являются обновленные Административный закон и Закон о судебной процедуре в административных делах³, которые в свою очередь основываются на положениях Конституции Финляндии.

Частично обновленный в 2019 г.⁴ Административный закон состоит из четырех частей. Первая содержит общие положения о цели и сфере применения Закона (гл. 1), об основаниях хорошего управления (гл. 2), а также о положении сторон и использовании права голоса (гл. 3). Вторая часть закона включает положения об официальном направлении документов и возбуждении административного дела (гл. 4), общие требования по рассмотрению дела (гл. 5), а также положения о выяснении обстоятельств и заслушивании сторон (гл. 6), разрешении дела (гл. 7), ходатайстве об административном пересмотре (гл. 7а), исправлении ошибки в административном решении, а также подаче административной жалобы (гл. 8а). Третья часть Административного закона посвящена вручению решения и других документов (гл. 9 и 10). В четвертой части приведены прочие положения, положения о вступлении решения в силу и переходные положения (гл. 11 и 12)⁵. Административный закон направлен на осуществление надлежащего управления и правовой защиты в административных делах, а также призван повышать качество и результативность административных услуг (§ 1).

Закон о судебной процедуре в административных делах 2019 г., который заменил Административно-судебный закон 1996 г., состоит из 15 глав⁶. Он содержит общие положения (гл. 1) и положения об обжаловании административного решения (гл. 2), подготовке обжалования (гл. 3), других административно-судебных делах (гл. 4), праве вести дело и привлечении помощника или представителя (гл. 5), рассмотрении дела и выяснении обстоятельств дела (гл. 6), устном рассмотрении дела (гл. 7) и принятии решения административным судом (гл. 8), а также положения о вручении решения (гл. 9), судебных расходах (гл. 10), исправлении и дополнении решения (гл. 11), обжаловании решения (гл. 12), чрезвычайной процедуре пересмотра решения (гл. 13), исполнении решения и временных предписаниях (гл. 14); Закон завершается положениями о его вступлении в силу (гл. 15). Нормы этого Закона служат гарантиями правовой защиты и справедливого судебного разбирательства при рассмотрении административного дела и иных публично-правовых вопросов (§ 1).

Принципы надлежащего управления

Основополагающую роль в административном праве Финляндии играют принципы надлежащего управления, закрепленные как в Конституции, так и в Административном законе. К ним принято относить, помимо общих принципов управления, проце-

¹ Подробнее см.: Mäenpää O. Oikeudenkäynti hallintoasioissa: Hallintoprosessioikeuden perusteet. Helsinki, 2019. S. 27–55; Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. Helsinki, 2018. S. 109–140, 333–356.

² Вслед за германской традицией понятие административного права в Финляндии неразрывно связывают с публичным управлением.

³ Материалы к проекту Закона о судебной процедуре в административных делах см.: Hallituksen esitys eduskunnalle laiksi oikeudenkäynnistä hallintoasioissa ja eräiksi siihen liittyviksi laeiksi (Hallituksen esitys HE 29/2018 vp). URL: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180029>.

⁴ Закон от 29 марта 2019 г. № 432.

⁵ Новеллы, которые внесены в гл. 1, 7 и 10, вступили в силу с 1 января 2020 г.

⁶ Закон вступил в силу с 1 января 2020 г.

дурно-правовые и материально-правовые принципы, а также функционально-качественные требования, предъявляемые к деятельности публичных учреждений¹.

Общими принципами управления являются в первую очередь принципы законности и правовой защиты.

Подчинение закону вытекает из основ правового государства, и общий принцип законности является центральным элементом в правовых порядках стран-членов ЕС. Вместе с принципом разделения государственной власти принцип законности призван обеспечить защиту личности и ее основных прав от необоснованного вмешательства власти в их реализацию. Защита прав личности возлагается на независимые суды. Принцип законности распространяется как на национальные органы власти, так и на органы ЕС.

Принцип законности, как и другие принципы правового государства, охватывает все сферы и формы деятельности в публичном секторе, включая организационную сферу. Принципы правового государства касаются всех должностных лиц и органов власти. К общим правовым принципам относится право каждого на возмещение ущерба, причиненного должностным лицом или другим лицом, исполняющим публичные функции, если оно совершило незаконное действие (бездействие).

Принцип законности управления выражен непосредственно в требовании точного соблюдения закона. При этом во внимание принимается предусмотренная законом возможность толкования и применения права усмотрения, что может быть прямо закреплено в общей клаузуле. Применение того или иного положения закона не исключает нахождение альтернативного баланса интересов. В основу принимаемого решения также могут быть положены специальные знания. В таких случаях требование точного соблюдения закона касается в первую очередь границ осуществления полномочий и реализации права усмотрения должностными лицами, а также выполнения правовых требований, предъявляемых к административным процедурам.

Принцип законности выражается в том, что должностные лица обязаны соблюдать как материальные, так и процессуальные нормы права. Важным является требование права ЕС, согласно которому полномочия по возложению на частного субъекта обязанностей и предоставлению ему прав и льгот должны иметь законодательную основу.

Выражением принципа законности выступает возложенная на органы власти в соответствии с § 22 Конституции обязанность обеспечивать реализацию основных прав и свобод человека и гражданина, что в свою очередь является реализацией принципа правовой защиты, требования которого учитываются не только в правоприменительной, но и в законодательной деятельности.

Положения о правовой защите содержатся в § 21 Конституции, согласно которому каждый имеет право на рассмотрение своего дела надлежащим образом и без необоснованного промедления в соответствии с законом компетентным судом и иным органом власти. Кроме того, каждый имеет право представить решение, затрагивающее его права и обязанности, на рассмотрение суда или другого независимого правоприменительного органа. В § 21 Конституции также закреплено, что гласность разбирательства и право быть выслушанным в суде, получить обоснованное решение и обжаловать его, как и другие гарантии справедливого судебного разбирательства и хорошего управления, обеспечиваются законом².

К общим принципам управления, помимо принципа законности и правовой защиты, принято относить принцип публичности и открытости управления. Каждому принадлежит право получить информацию об официальных документах; официальные документы являются общедоступными за исключением ограничений, установленных законом.

К общим процедурным принципам принято относить требование отвода заинтересованных лиц и право стороны быть выслушанной, а также принцип обоснова-

¹ Подробнее см.: *Mäenpää O.* Hallintoprosessioikeus. S. 150–181; *Idem.* Hallintolaki ja hyvän hallinnon taakeet. Keuruu, 2016. S. 167 ss.; Laakso S. Julkisen hallinnon oikeudellinen sääntely // Governance – hallintaa uusin muotoiluin / I. Karppi (toim.). Tampere, 2013. S. 33–57; *Mäenpää O.* Oikeudenkäynti hallintoasioissa. S. 56. См. также: Орлов В. Г. Основы надлежащего правления // Реформы и право. 2018. № 1. С. 12–15.

² В чрезвычайных обстоятельствах могут, однако, вводиться временные ограничения основных прав.

ния решений, которые подробно регламентируются в положениях о рассмотрении административных дел, закрепленных в Административном законе. Закон в полном объеме регулирует вопросы административной процедуры рассмотрения административного дела на различных стадиях (инициация процедуры, выяснение обстоятельств и рассмотрение дела, принятие решения и его обоснование, доведение решения до сведения сторон и исправление его недостатков). Для административных решений, для которых требуется установленная в законе форма, предусмотрено соблюдение Административного закона во всей полноте, тогда как в других случаях применение положений Закона зависит от ситуации и характера решения.

К материально-правовым принципам относятся принципы равенства, целесообразности, объективности, пропорциональности и защиты доверия, которые закреплены в § 6 Административного закона. Материально-правовые принципы выступают ориентиром при толковании правовых норм и применении права усмотрения. Для должностных лиц они являются обязательными. Их несоблюдение может стать основанием отмены принятого решения, привести к постановке вопроса о превышении должностным лицом полномочий или злоупотреблении властью. Принципы подлежат применению и при предоставлении публичных услуг.

Согласно закреплённому в Конституции Финляндии принципу равенства (§ 6) все люди равны перед законом и никто не может подвергаться без законных оснований дискриминации по признаку пола, возраста, расы, языка, вероисповедания, убеждений и мнений, состояния здоровья, инвалидности или иному относящемуся к личности признаку. Принцип равенства конкретизирован в законах о равенстве и недискриминации, в которых нашли отражение требования директив ЕС. Запрет на дискриминацию закреплён также в Европейской конвенции по правам человека.

Дискриминация представляет собой форму произвола, а сам запрет на дискриминацию направлен на предотвращение произвола. Вместе с тем Конституция не препятствует позитивной дискриминации, которая направлена на обеспечение равноправия в будущем.

Для административных актов и действий принцип равенства подразумевает требование равного отношения ко всем лицам, а также требование последовательности. В соответствии с требованием равного отношения должностное лицо обязано решать сходные дела сходным образом (при отсутствии объективного основания для исключения из этого правила)¹. При исключении из принципа равенства должен учитываться общий запрет на произвол в действиях должностных лиц. Исключения должны обосновываться в принимаемом решении.

Требование последовательности в долгосрочной перспективе направлено на обеспечение возможности предвидеть будущие решения; правовая предсказуемость (правовая определенность) способствует предотвращению произвола власти. При возникновении необходимости изменить применение правовой нормы правоприменителю важно обосновать такое изменение; это касается и случаев, когда обычно такого обоснования не требуется. На центральные органы управления возлагается обязанность обеспечения последовательности правовой практики в своей сфере.

Принцип целесообразности затрагивает вопрос законности и адекватности достигаемой цели административного акта. Его основанием является общее административно-правовое правило, согласно которому должностное лицо связывают переданные ему функции, а также цели его деятельности. Должностное лицо обязано использовать свои полномочия только в целях, одобренных законом². Соответственно, при применении права усмотрения должностному лицу запрещено преследовать цели, которые не входят в круг его обязанностей и полномочий и не включены в цели применяемого правового положения.

Несмотря на очевидную ясность требований принципа целесообразности, установление правильности его применения при последующем контроле может вызывать трудности. Так, сначала требуется определить те цели, которые являются за-

¹ Такое классическое толкование принципа равенства закреплено в правовой практике ЕС.

² Принцип целесообразности выражается в требованиях не только к действиям должностных лиц, но и к судебному процессу: он должен быть надежным, быстрым и дешевым настолько, насколько это возможно.

конными при использовании полномочий (*de jure*), затем нужно доказать, что должностное лицо на самом деле преследовало другие цели (*de facto*). Примером может служить предпочтение кандидата по партийной принадлежности или упразднение должности с целью избавиться от лица, которое занимает эту должность. Бремя доказывания в таких случаях лежит на том, кто утверждает, что принцип целесообразности нарушен, причем степень доказанности должна быть высокой¹.

Принцип объективности основывается на конституционном положении о правовой защите (§ 21), согласно которому каждый имеет право на рассмотрение своего дела надлежащим образом. В соответствии с этим положением Административный закон устанавливает требование, в силу которого должностные лица обязаны действовать непредвзято. На обеспечение объективности направлены положения о процессуальных отводах в правоприменительной деятельности и другие требования².

Принцип объективности касается непосредственно решений и иных действий органов власти: они должны быть обоснованны и беспристрастны, что подразумевает запрет на произвол³.

Принцип пропорциональности обязывает должностных лиц разумно соразмерять свои действия. Согласно § 6 Административного закона действия должностных лиц должны быть пропорциональны преследуемой цели. Это требование особенно актуально в случае, когда речь идет о неблагоприятных последствиях для лица, к которому применяются меры. Закон прямо предусматривает запрет на несоразмерные действия: меры, применяемые должностным лицом, не должны причинять больше ущерба, чем это требуется для производства необходимого действия. Правовое положение индивида может быть ограничено в той степени, в какой это требуется для осуществления публичного интереса, а применение более строгих, чем обычно, мер возможно только в исключительных случаях (опасность для жизни)⁴.

Принцип пропорциональности вместе с принципом равноправия является выражением идеи юридической справедливости. Эти принципы нацелены на обеспечение предсказуемости и правовой стабильности. Их не следует, однако, смешивать с применением правил о соразмерности в случае индивидуального исключения из обычно применяемого (формально правильного) правового положения, когда последствия такого применения могут оказаться несоразмерными для адресата.

Принцип защиты доверия закреплен в § 6 Административного закона. Он в первую очередь направлен на защиту обоснованных ожиданий частного лица по отношению к непредсказуемым и негативным для него изменениям в действиях должностных лиц. Принцип защиты доверия подразумевает запрет на акты, имеющие обратную силу, или на изменение принятых решений, которым ухудшается положение лица. Причем исправление ошибки во вред лицу обычно предполагает его согласие, и даже очевидная ошибка не может быть исправлена, если это принесет несоразмерный вред.

Принцип защиты доверия подразумевает также запрет на отмену вынесенного в интересах адресата решения после его оглашения, если только иное не предусмотрено законом или если адресат не выразил на это свое согласие. Данное требование, однако, не касается отмены решения, возлагающего на лицо обязанность (например, по уплате налога)⁵.

¹ В европейском праве концепция злоупотребления правом усмотрения (*détournement de pouvoir*) строится на концепциях французского административного права. Решение может быть отменено, если с очевидностью доказано, что оно было принято полностью или в его существенной части с целью, отличающейся от изложенной цели. Злоупотребление может касаться также использования процедурной формы (*détournement de procédure*).

² Так, Закон о полиции содержит требование действовать объективно и непредвзято, способствуя примирению.

³ В европейском праве принцип объективности нашел свое выражение в требованиях надлежащей процедуры.

⁴ Принцип пропорциональности отражен в судебной практике ЕС и получил закрепление в нормативных актах ЕС, которые касаются полномочий самого Союза: он уполномочен только на те действия, которые необходимы для осуществления целей учредительных актов.

⁵ В европейской правовой традиции принцип защиты доверия известен наряду с требованиями правовой определенности. Причем требования правовой определенности выражают формальную законность, тогда как принцип защиты доверия – материальные критерии законности.

Функционально-качественные требования, являющиеся гарантиями хорошего управления, касаются организации и деятельности публичных учреждений. К таким требованиям относятся принцип адекватного оказания услуг, обязанность консультирования, требование хорошего употребления языка, обязанность сотрудничества и обязанность рассмотрения.

Согласно принципу адекватного оказания услуг обслуживание должно быть достаточным и результативным. Если установленная законом услуга не предоставляется, на организацию может быть возложена обязанность возмещения причиненного ущерба.

Обязанность консультирования подразумевает дачу советов и ответов на вопросы обратившемуся за услугой лицу¹. Вместе с тем должностное лицо не может вести дело обратившегося за услугой лица в силу запрета на заинтересованность, но может ознакомить его со сложившейся практикой применения соответствующего правового положения. К тому же сам по себе совет не имеет юридической силы, если иное не установлено законом². Однако в случае дачи ошибочного совета может возникнуть обязанность по возмещению причиненного ущерба.

Согласно требованию хорошего употребления языка, закрепленному в § 9 Административного закона, должностное лицо обязано изъясняться понятно и доступно, ему запрещено употреблять оскорбительные или унижающие выражения. Ответы должностного лица на вопросы должны быть ясными и точными.

Что касается обязанности сотрудничества, то согласно § 10 Административного закона должностным лицам следует содействовать друг другу в рамках предоставленных им полномочий и в требуемом для решения вопроса объеме. Содействие оказывается по просьбе лица, принимающего решение. Вопросы официального содействия могут регулироваться специальными правовыми нормами.

Обязанность рассмотрения означает также обязанность принятия решения. Вопрос должен быть рассмотрен надлежащим образом без необоснованной задержки; сроки рассмотрения могут быть установлены в законе. Необоснованная задержка рассмотрения вопроса может означать неисполнение служебных обязанностей, которое в свою очередь расценивается как должностное преступление; при необоснованной задержке может быть поставлен вопрос о возмещении причиненного ущерба.

Административная процедура

Административные дела рассматриваются в Финляндии в первую очередь в соответствии с положениями Административного закона, которые касаются участников административной процедуры и отвода должностного лица, инициации административной процедуры, общих требований к рассмотрению дела, изучения дела и заслушивания сторон, принятия решения по делу, ходатайства об административном пересмотре, исправления ошибок в административном решении, подачи административной жалобы и обязанности вручения решения.

В качестве участников административной процедуры в Административном законе упоминаются органы власти (их должностные лица), стороны дела, помощники или представители стороны, заинтересованные в деле лица, а также свидетели, переводчики. Административный закон в § 27 прямо предписывает, что должностное лицо не вправе участвовать в рассмотрении дела и присутствовать при его рассмотрении, если оно подлежит отводу. Положения об отводе применяются также к членам коллегиальных органов власти и другим участникам рассмотрения дела и осуществляющим проверку лицам.

Должностное лицо подлежит отводу, если:

оно или близкое ему лицо является стороной по делу;

оно или близкое ему лицо помогает по делу либо представляет сторону по делу или заинтересованное лицо;

¹ Помимо консультирования на органы власти и их должностных лиц возложена также общая обязанность раскрытия информации.

² Положение о юридической силе официального совета, например, установлено в Законе о налогообложении (§ 26.2).

оно или близкое ему лицо является заинтересованным в деле лицом;
оно находится в служебной и иной зависимости от стороны по делу или заинтересованного в деле лица;
оно или близкое ему лицо занимает руководящее место в учреждении, которое осуществляет руководство или контроль по рассматриваемому в деле вопросу;
его беспристрастность подвергается сомнению по иным причинам (§ 28 Административного закона).

В соответствии с § 29 Административного закона вопрос об отводе должностного лица (включая его замену – § 30 Административного закона) должен быть разрешен без задержки. Решение по вопросу собственного отвода принимается самим должностным лицом. Однако решение об отводе члена коллегиального органа (власти) и докладчика принимается этим органом. Коллегиальный орган разрешает также вопрос отвода других лиц, имеющих право присутствия. Член коллегиального органа (власти) или докладчик вправе участвовать в рассмотрении вопроса о своем отводе только в случае, если без него отсутствует кворум для принятия решения и нет возможности найти ему замену без значительной задержки. Решение по вопросу отвода не подлежит обжалованию¹.

В силу § 19 Административного закона административное дело инициируется письменно путем предъявления требований с их обоснованием². С согласия органа власти дело может быть инициировано также устно. Административное дело возбуждается с момента, когда предназначенный для этого документ передан компетентному органу власти или когда дело – при его устном возбуждении – представлено и необходимые для начала рассмотрения сведения запротоколированы (§ 20 Административного закона)³.

Согласно § 23 Административного закона административное дело должно быть рассмотрено своевременно. На органе власти лежит обязанность сообщить по просьбе стороны примерную дату принятия решения, а также отвечать на вопросы по поводу продвижения дела. Дело рассматривается публично, если это установлено законом или отдельно принятым решением (§ 24 Административного закона). Если принимаемое органом власти решение может значительно повлиять на решение по другому находящемуся на рассмотрении у этого же органа власти делу, эти дела рассматриваются и разрешаются одновременно за исключением случаев, когда совместное рассмотрение дел приведет к необоснованной задержке или когда в этом нет необходимости исходя из характера дела (§ 25 Административного закона).

Согласно § 31 Административного закона орган власти обязан обеспечить надлежащее установление всех обстоятельств дела путем сбора необходимых для его разрешения сведений. Сторона по делу в свою очередь должна представлять доказательства своих требований и иным образом содействовать выяснению обстоятельств инициированного ей дела⁴.

До разрешения дела стороне в соответствии с § 34 Административного закона должна быть предоставлена возможность высказаться по делу и представить свои объяснения и доказательства, которые могут повлиять на решение по делу. Дело может быть разрешено без предоставления стороне возможности быть заслушанной в одном из следующих случаев:

если требование оставлено без рассмотрения или немедленно отклонено как необоснованное;

если дело касается приема на службу или на добровольное обучение;

если дело касается предоставления льготы, которое зависит от личных качеств заявителя;

если заслушивание может препятствовать осуществлению цели решения или если задержка рассмотрения дела причинит значительный ущерб здоровью людей, общественной безопасности или окружающей среде;

¹ Подробнее см.: Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. S. 259–316.

² В представляемом органу власти документе должна быть изложена суть дела, указано имя отправителя, а также необходимые для ведения дела контактные данные (§ 16 Административного закона).

³ Подробнее см.: Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. S. 357–376.

⁴ Для выяснения обстоятельств дела орган власти может провести осмотр (§ 38 Административного закона) или проверку на месте (§ 39 Административного закона).

если признается требование, которое не касается другой стороны по делу, или если по другой причине явно отсутствует необходимость в заслушивании.

Согласно § 37 Административного закона орган власти предоставляет стороне по делу по ее просьбе возможность изложить свое требование или объяснение устно, если это необходимо для выяснения обстоятельств дела, а письменная процедура повлечет для стороны несоразмерные затруднения. На такое мероприятие должны быть приглашены другие стороны, если это необходимо для обеспечения их прав и интересов. Устной процедурой сторона по делу может воспользоваться и в других случаях¹. По особой причине в административном деле может быть заслушан под присягой свидетель, а также устно – сторона по делу. Стороне, которую непосредственно касается принимаемое по делу решение, предоставляется возможность присутствовать на допросе свидетеля или другой стороны и задавать вопросы и высказывать свое мнение по поводу показаний допрашиваемого. Содействие в получении устных доказательств оказывает административный суд, наиболее удобный для опрашиваемых сторон (§ 40 Административного закона). Вопросы отвода свидетеля и его права отказаться от дачи показаний регулируются положениями Закона о судебной процедуре в административных делах (§ 69 Административного закона).

Если решение по делу будет иметь значительное влияние на условия проживания или труда лиц, которые не являются стороной по делу, орган власти обязан предоставить этим лицам возможность получить сведения об обстоятельствах дела и высказать свое мнение. Сообщения о принятии дела к рассмотрению не требуется, если доведение до сведения сторон такой информации поставит под угрозу достижение цели принятого решения, причинит иной значительный ущерб либо будет очевидно ненужным².

Согласно § 43 Административного закона административное решение принимается в письменной форме. Решение может быть, однако, дано в устной форме, если это необходимо по причине срочности дела. Устное решение должно быть вынесено также в письменной форме с приложением разъяснений о порядке заявления ходатайства об административном пересмотре и обжалования решения.

В соответствии с § 44 Административного закона в письменном решении должны быть приведены:

- принявший решение по делу орган власти и дата принятия решения;
- стороны по делу, которых решение непосредственно касается;
- обоснование решения и детальные сведения о том, на что сторона по делу имеет право или какие на нее возлагаются обязанности;
- сведения о лице, к которому сторона по делу может обратиться за получением дополнительной информации по делу.

В случае принятия устного решения стороне по делу сообщается о результатах разрешения дела, а также объясняется обоснование решения.

Согласно § 45 Административного закона административное решение должно быть обоснованным. Следует указать обстоятельства и доказательства, положенные в основу решения, а также примененные положения закона.

Обоснование решения не требуется в случае, если:

- важный общественный или частный интерес требует немедленного принятия решения;
- решение касается выборов, проводимых муниципальным коллегиальным органом;
- решение касается приема на добровольное обучение или предоставления льготы, которое зависит от личных качеств заявителя;
- решением признается требование, которое не касается другой стороны по делу, и у других лиц отсутствует право обжалования;
- имеются другие важные причины.

Однако обоснование должно быть изложено в любом случае, если административное решение ведет к существенному изменению сложившейся практики³.

¹ Информация об устно изложенных требованиях и объяснениях подлежит протоколированию и регистрации (§ 42 Административного закона).

² Подробнее см.: Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. S. 377–504.

³ Подробнее см.: Ibid. S. 505–572.

Положения Административного закона, касающиеся ходатайства об административном пересмотре (§ 49a–49g гл. 7a), применяются как общие, если иное не установлено законом, а также если дело, разрешенное должностным лицом, должно быть перед его обжалованием в судебном порядке представлено на рассмотрение этому должностному лицу (§ 49a Административного закона).

В силу § 49b Административного закона не подлежит обжалованию (в судебном порядке) решение, которое в соответствии с законом может быть только объектом требования об административном пересмотре. Право на административный пересмотр решения, согласно § 49b Административного закона, принадлежит тому, кто является адресатом решения, или тому, чьи права, обязанности и интересы решение непосредственно затрагивает. Должностное лицо также имеет право на административный пересмотр решения в случаях, установленных законом, или если это требуется для обеспечения публичных интересов. Решение, принятое по ходатайству об административном пересмотре решения, может быть обжаловано (в судебном порядке), как это предусмотрено в Законе об административном судопроизводстве или ином акте.

Ходатайство об административном пересмотре в соответствии с § 49d Административного закона подается в письменной форме принявшему решение органу власти или другому органу публичного управления. В ходатайстве должны быть указаны требующее пересмотра решение, а также требуемые изменения и их обоснование. Ходатайство об административном пересмотре представляется в течение 30 дней с момента вручения решения и рассматривается в срочном порядке (§ 49e Административного закона).

Решение, в отношении которого возможен административный пересмотр, не подлежит исполнению до своего вступления в силу. Исключения составляют случаи, когда немедленное исполнение решения предписано законом или связано с его характером, а также когда отсрочка его исполнения невозможна исходя из требований защиты публичных интересов. После поступления ходатайства об административном пересмотре решения рассматривающий его орган власти может запретить исполнение решения или вынести решение о его приостановке; такое решение не подлежит обжалованию отдельно (§ 49f Административного закона).

Согласно § 49g Административного закона после принятия к рассмотрению ходатайства об административном пересмотре орган власти может изменить административное решение, отменить его или отклонить ходатайство. В решении по ходатайству об административном пересмотре должен быть приведен обоснованный ответ на требования, которые заявлены в ходатайстве. Должностное лицо, выносящее решение по ходатайству об административном пересмотре, может одновременно вынести решение по исправлению ошибки в соответствии с положениями § 50–53 Административного закона¹.

Орган власти, согласно § 50 Административного закона, может отменить ошибочное решение и разрешить дело снова в случае, если:

- решение основывается на явно ошибочных или недостаточных доказательствах;
- решение основывается на явно неправильном применении закона;
- при принятии решения допущена процедурная ошибка;

по делу получены новые доказательства, которые могут существенно повлиять на решение.

В случае получения новых доказательств решение может быть исправлено только в пользу стороны по делу, в остальных случаях – как в пользу, так и в ущерб стороны по делу; причем в последнем случае требуется согласие стороны на исправление решения за исключением случаев очевидной ошибки или вины этой стороны в совершении ошибки.

Орган власти обязан в соответствии с § 51 Административного закона исправить также допущенную в решении очевидную опечатку или арифметическую либо иную фактическую ошибку за исключением случаев, когда исправление приведет к результату, несоразмерному для стороны по делу, и при условии, что ошибка не вызвана действиями этой стороны.

¹ Подробнее см.: Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. S. 599–604.

Согласно § 52 Административного закона вопрос об ошибке рассматривается органом власти по его собственной инициативе или по требованию стороны по делу. Инициировать рассмотрение вопроса об ошибке можно в течение пяти лет со дня вынесения решения. При исправлении фактической ошибки дело рассматривается повторно с вынесением нового решения, тогда как исправление опечатки осуществляется путем замены экземпляра решения. При рассмотрении вопроса об ошибке орган власти может предписать запрет на исполнение решения или его приостановку (§ 53 Административного закона)¹.

Согласно § 53а Административного закона любое лицо может подать административную жалобу на противозаконные действия или бездействие органа власти, его должностного лица или другого лица, исполняющего публично-административные функции, органу власти, который контролирует его деятельность². Административная жалоба подается письменно и может быть заявлена также устно с согласия контролирующего органа власти. Заявитель должен привести основания, по которым он считает действия ошибочными, и по возможности сообщить время совершения этих действий. После рассмотрения административной жалобы контролирующий орган власти принимает меры, которые считает необходимыми³, а в случае безосновательности жалобы немедленно сообщает об этом заявителю (§ 53b Административного закона). Вынесенное по административной жалобе решение не подлежит обжалованию (§ 53d Административного закона)⁴.

Свое решение орган власти в соответствии с § 54 Административного закона должен без промедления вручить стороне по делу и другим известным ему лицам, у которых есть право обжалования. Вручению подлежит также решение, которое находится под запретом на обжалование. Обязанность вручения касается также других важных для рассмотрения дела документов⁵.

(Продолжение статьи будет опубликовано в 3-м номере журнала за 2020 год)

Список литературы

Орлов В. Г. Основы надлежащего правления // Реформы и право. 2018. № 1.

Hallituksen esitys eduskunnalle laiksi oikeudenkäynnistä hallintoasioissa ja eräksi siihen liittyviksi laeiksi (Hallituksen esitys HE 29 2018 vp). URL: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180029>.

Laakso S. Julkisen hallinnon oikeudellinen sääntely // Governance – hallintaa uusin muotoiluin / I. Karppi (toim.). Tampere, 2013.

Mäenpää O. Hallintolaki ja hyvän hallinnon takeet. Keuruu, 2016.

Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. Helsinki, 2018.

Mäenpää O. Oikeudenkäynti hallintoasioissa: Hallintoprosessioikeuden perusteet. Helsinki, 2019.

References

Hallituksen esitys eduskunnalle laiksi oikeudenkäynnistä hallintoasioissa ja eräksi siihen liittyviksi laeiksi (Hallituksen esitys HE 29 2018 vp). URL: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/2018/20180029>.

Laakso S. Julkisen hallinnon oikeudellinen sääntely // Governance – hallintaa uusin muotoiluin / I. Karppi (toim.). Tampere, 2013.

Mäenpää O. Hallintolaki ja hyvän hallinnon takeet. Keuruu, 2016.

Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. Helsinki, 2018.

Mäenpää O. Oikeudenkäynti hallintoasioissa: Hallintoprosessioikeuden perusteet. Helsinki, 2019.

Orlov V. G. Osnovy nadlezhashchego pravleniya // Reformy i pravo. 2018. № 1.

¹ Подробнее см.: Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. S. 585–598.

² Административная жалоба, которая подана по делу, разрешенному более двух лет назад, может быть рассмотрена только при наличии особых причин (§ 53b Административного закона).

³ В число таких мер входит порицание подконтрольного органа (§ 53c Административного закона).

⁴ Подробнее см.: Mäenpää O. Hallintoprosessioikeus. S. 691–726.

⁵ Подробнее см.: Ibid. S. 290–292.

ПРЕКЛЮЗИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ: ЗНАЧЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РИСКИ

Веде Юлия Владимировна

Аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: veda281094@mail.ru

В статье рассматриваются общие положения, сущность и значение института преклюзии в законодательстве ФРГ. Утверждается, что возвращение судом представленных с опозданием доказательств в соответствии с § 296, 296a Гражданского процессуального уложения ФРГ представляет собой выражение принципа ускорения судебного разбирательства и выступает проявлением принципов справедливости и эффективной правовой защиты. Раскрыт ряд вопросов, касающихся применения преклюзии.

Ключевые слова: преклюзия, принцип ускорения судебного разбирательства, принцип эффективной правовой защиты, разумный срок судопроизводства

PRECLUSION IN THE GERMAN CIVIL PROCESS: A MEANING, PROSPECTS, AND RISKS

Vede Yuliya

Post-graduate student, Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: veda281094@mail.ru

In the article, the general provisions, essence and significance of the preclusion institution in German legislation are considered. The author asserts that the return of late evidence by the court, in accordance with § 296, 296a of the German Code of Civil Procedure, is an expression of the principle of trial acceleration and is a manifestation of the principles of justice and effective legal protection. The article answers some questions about the application of preclusion.

Key words: preclusion, principle of trial acceleration, principle of effective legal protection, reasonable time of proceedings

Проблема несвоевременного рассмотрения судебных споров является актуальной для большинства мировых правовых порядков. Среди мер процессуальной экономии, которые призваны непрерывно бороться с повышенной нагрузкой как судей, так и самого законодателя, норма о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, закрепленная в § 198 Закона о судостроительстве ФРГ¹, имеет особое значение при реализации принципа ускорения судопроизводства. Выражением обозначенного принципа является возможность отклонения судом несвоевременно совершенных процессуальных действий сторон, предусмотренная § 296 и 296a Гражданского процессуального уложения ФРГ (далее – Уложение)².

Целью любого судебного разбирательства выступает вынесение судебного акта, правильно разрешающего материальный спор, но в то же время, исходя из общих начал и принципов, закрепленных законодателем, данная цель должна быть достигнута в разумный срок. Результат реализации принципа ускорения судопроизводства на первый взгляд зависит от особенностей конкретного дела, сложности, а также возможности допущения ошибок в ходе его рассмотрения. Между тем одним из основных институтов немецкого гражданского процессуального права, позволяющих противодействовать затягиванию судебного разбирательства, является институт преклюзии.

¹ Gerichtsverfassungsgesetz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gvg/BJNR005130950.html>.

² Zivilprozessordnung. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/index.html>.

Преклюзия дословно означает «исключение»¹. Словарь юридических терминов определяет преклюзию как «лишение права на совершение действия при определенных фактических обстоятельствах»². В немецкой процессуальной доктрине преклюзия трактуется как невозможность совершения стороной юридически значимых процессуальных действий в ходе рассмотрения дела по истечении установленного законом либо судом процессуального срока³. Иными словами, применение преклюзии влечет за собой невозможность представлять в материалы дела новые доказательства по истечении установленного срока.

Больше половины конституционных жалоб, рассматриваемых ранее Федеральным конституционным судом ФРГ (*BVerfG*), касались нарушения установленного законом порядка ведения судебного процесса. Значительное количество жалоб подается на принятые судами последней инстанции акты, в которых основными аргументами выступают доводы о вынесении незаконных судебных постановлений в связи с отклонением несвоевременно (запоздало) представленных в материалы дела доказательств (возражений, пояснений и т. д.) сторонами⁴. Количество жалоб по вопросу применения преклюзии, рассматриваемых Федеральным конституционным судом ФРГ, в настоящее время существенно снизилось. Между тем остается актуальной проблема соотношения принципа ускорения судебного процесса с принципом эффективной правовой защиты и правом быть выслушанным в суде⁵.

Вопросы, связанные с определением места института преклюзии в немецком гражданском процессе, условиями, порядком и последствиями его применения судом, подробно рассмотрены в работе П. Н. Макарова⁶, ввиду чего в настоящей статье они затрагиваются исключительно в целях демонстрации значения и рисков применения преклюзивных санкций судом, а также разграничения видов преклюзии.

Законодатель отвечает за обеспечение баланса между вынесением судебного акта, правильно разрешающего материальный спор, и соблюдением принципа правовой определенности в разумные сроки⁷. Он также определяет, когда и какие принципы превалируют перед другими. Именно такой подход обеспечивает скорейшее судебное разбирательство, что в свою очередь служит реализации принципа эффективной правовой защиты. Возможность возникновения конфликта применения преклюзии с правом быть выслушанным в суде, закрепленным в ст. 103 (1) Основного закона ФРГ⁸, в связи с неоднократными обращениями с жалобами в Федеральный конституционный суд ФРГ была исключена законодателем.

Так, процессуальные действия, совершенные по истечении установленного законом или судом срока, не принимаются (отклоняются) судом лишь в том случае, если несвоевременность их совершения обусловлена непосредственно действиями (бездействием) совершившей их стороны. При этом в любом случае суд должен выполнить свои обязанности по рассмотрению спора таким образом, чтобы это привело к его разрешению в кратчайшие сроки⁹. Для этого суд должен дать необходимые указания по представлению доказательств настолько заблаговременно, насколько это возможно.

Между тем разъяснение возможности применения преклюзии и ее последствий представителю стороны, участвующей в разбирательстве, само по себе не является обязанностью суда¹⁰. Судебная практика показывает, что профессиональные предста-

¹ Hansjörg O. Die Präklusion: ein Beitrag zum Prozeßrecht. Berlin, 1970. S. 15.

² Creifelds. Rechtswörterbuch. München, 2019. S. 802.

³ Hansjörg O. Op. cit. S. 17.

⁴ Waldner W. Präklusion im Zivilprozeß und rechtliches Gehör // Neue Juristische Wochenschrift. 1984. Heft 51. S. 2925.

⁵ Schulze S., Ostheim N. Litigation-PR im Zivilverfahren // Zeitschrift für Rechtspolitik. 2019. Heft 8. S. 233. URL: <https://beckonline.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fzeits%2Fzrp%2F2019%2Fcont%2Fzrp.2019.233.1.htm&p-os=15&hlwords=on>.

⁶ Макаров П. Н. Концентрация процессуального материала при разрешении гражданских споров в судах Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8.

⁷ Waldner W. Op. cit. S. 2925.

⁸ Das Grundgesetz. URL: <https://www.bundestag.de/grundgesetz>.

⁹ Waldner W. Op. cit. S. 2925.

¹⁰ Baudewin C., Wegner A. K. Die Präklusion im Zivilprozess – Bedeutung, Chancen, Risiken // Neue Juristische Wochenschrift. 2014. Heft 67. S. 1479.

вители (адвокаты) знают (должны знать!) последствия несоблюдения процессуального срока¹. Преклюзия может быть применена и в рамках дела, в котором стороны (сторона) участвуют лично, не прибегая к помощи профессионального представителя. Разъяснение суда о возможности применения преклюзии и ее последствиях можно усматривать в объявлении срока судебного разбирательства, а также в самом судебном решении, что уже является достаточным основанием для отклонения несвоевременно совершенных процессуальных действий. При соблюдении указанных условий право быть выслушанным судом считается соблюденным. Кроме того, применение судом преклюзии при наличии к тому оснований и в установленном порядке обеспечивает вынесение законного судебного акта, разрешающего материальный спор, в кратчайшие сроки, что в свою очередь является реализацией принципа правовой эффективности и обеспечивает соблюдение баланса между ним и принципом правовой определенности².

В § 282 Уложения установлена обязанность каждой из сторон в ходе устного разбирательства представлять факты, на которых она основывает свои требования и возражения, в частности представлять доказательства, аргументы и контраргументы, отзыв на исковое заявление и возражения на отзыв на исковое заявление, настолько заблаговременно, насколько это возможно и необходимо для своевременного рассмотрения дела по существу. В противном случае закрепленный § 282 Уложения набор инструментов, которыми вправе воспользоваться в ходе судебного разбирательства сторона, может быть исключен судом из ее арсенала.

Предметом преклюзии являются «средства нападения» и «средства защиты» сторон, понимаемые как фактические обстоятельства, на которых стороны основывают свою позицию по делу или опровергают позицию противоположной стороны³. В их число входят все процессуальные средства сторон, применяемые ими для обоснования требований искового заявления или для судебной защиты от иска, фактические или юридические заявления, предусмотренные § 282 Уложения, в том числе различного вида утверждения (аргументы), контраргументы, отзыв на иск, возражения на отзыв на иск, доказательства, контрдоказательства. Однако к ним не относятся само исковое заявление и апелляционная жалоба на решение суда⁴.

Согласно § 296 Уложения суд может отклонить несвоевременно совершенные процессуальные действия. В случае пропуска стороной или ее представителем установленного срока суд должен отклонить совершенное за рамками такого срока процессуальное действие в обязательном порядке в соответствии с абз. 1 § 296 Уложения. Кроме того, абз. 2 § 296 Уложения предоставляет суду право отклонить процессуальное действие по своему усмотрению. Абзац 3 § 296 Уложения регламентирует право суда применить преклюзию в случае обращения ответчика с жалобой относительно допустимости иска. Таким образом, Уложение предусматривает три случая, в которых может быть применена преклюзия: в обязательном порядке в соответствии с абз. 1 и 3 § 296 Уложения (императивная, или обязательная, преклюзия) и по усмотрению суда в соответствии с абз. 2 § 296 Уложения (факультативная преклюзия).

Положения абз. 1 § 296 Уложения применяются в том случае, если процессуальные действия, которые стороны должны были выполнить в установленный законом либо судьей срок, были совершены по истечении этого срока. Для сроков, которые могут быть установлены судьей, законом предусмотрен ряд обязательных требований:

а) срок должен быть установлен уполномоченным на это судьей и зафиксирован в судебном акте, который должен быть официально вручен стороне, участвующей в деле, либо объявлен устно;

б) период между объявлением соответствующего срока и датой, к которой должно быть совершено действие, должен быть разумным и объективно позволяющим в указанный срок совершить данное действие.

Положения абз. 2 § 296 Уложения применяются в том случае, если процессуальные действия совершаются сторонами в нарушение общих обязанностей по ведению су-

¹ Baudewin C., Wegner A. K. Op. cit. S. 1479.

² Schulze S., Ostheim N. Op. cit. S. 233.

³ Baudewin C., Wegner A. K. Op. cit. S. 1479.

⁴ Hansjörg O. Op. cit.

дебного процесса. Например, если в ходе предварительного судебного заседания сторона заявит о новых свидетелях или доказательствах по делу, о которых в соответствии с § 132 Уложения должна была заявить в письменной форме не позднее чем за неделю до устного разбирательства. В таком случае сторона действует на свой страх и риск и решение вопроса об удовлетворении соответствующего ходатайства либо его отклонении зависит исключительно от усмотрения суда. Практика показывает, что если стороной обеспечена явка свидетеля в данное судебное заседание в отсутствие письменного заявления при условии, что допрос свидетеля не повлечет за собой задержку рассмотрения дела, либо стороной представлено необходимое доказательство, которое возможно исследовать в данном заседании, велики шансы, что судья допустит проведение допроса либо примет к рассмотрению вновь представленное доказательство.

Таким образом, абз. 2 § 296 Уложения предоставляет суду возможность по собственному усмотрению с учетом сложности рассматриваемого дела, наличия (отсутствия) доказательств в материалах дела, конкретных жизненных обстоятельств и ряда иных факторов решить вопрос о применении преклюзии в случае установления факта несоблюдения процессуальной обязанности сторонами.

В ходе решения вопроса о применении преклюзии судом обязательно исследуются обстоятельства, при которых стороной был допущен пропуск установленного срока. Суд должен установить факт наличия вины стороны или ее представителя в невыполнении требования о совершении процессуального действия в установленный срок. При этом необходимо обратить внимание на форму вины. Для применения абз. 1 или 3 § 296 Уложения достаточно установления факта пропуска срока (простая ошибка стороны), в то время как для применения положений абз. 2 § 296 Уложения нужно выявить грубую небрежность в поведении стороны либо ее представителя¹.

В первом случае для применения преклюзии достаточно установить, что пропуск срока был вызван исключительно тем, что сторона при ведении процесса не проявила должной предусмотрительности, которая ожидалась от нее в конкретной процессуальной ситуации. Факт наличия вины стороны презюмируется. При отсутствии вины сторона должна доказать наличие объективных обстоятельств, создавших препятствия для выполнения процессуальной обязанности в срок. При этом в случае, если интересы стороны представляет адвокат, невыполнение процессуальной обязанности по умолчанию относится к его вине в соответствии с положениями § 85 Уложения и процесс доказывания отсутствия вины усложняется.

Грубая небрежность имеет место в том случае, когда сторона или ее представитель нарушают общие процессуальные принципы и порядок, игнорируя очевидные для любого добросовестного лица, участвующего в судебном разбирательстве, обстоятельства. По общему правилу сторона не должна совершать умышленные действия, влекущие за собой отложение слушания (посредством, например, несообщения своевременно о наличии свидетеля), из тактических соображений. Так, непредставление в материалы дела какого-либо из доказательств в установленный срок с целью лишить другую сторону возможности учесть данные обстоятельства при подготовке позиции по делу или в надежде узнать сначала результаты сбора доказательств другой стороной, прежде чем сформировать свою позицию, является грубым нарушением общего порядка ведения процесса и влечет за собой применение преклюзии.

Законодатель рассматривает в качестве основной идеи судопроизводства максимально корректное и охватывающее все возможные обстоятельства дела ведение процесса, позволяющее в кратчайшие сроки сконцентрировать процессуальный материал для наиболее полного установления фактической стороны дела и разрешения спора. Отступление от этой основной идеи является грубой небрежностью и неизбежно влечет применение преклюзии.

Законодательство ФРГ ориентировано на создание эффективного механизма борьбы с затягиванием процесса, о чем свидетельствует, в том числе, наличие нормы о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, за-

¹ Hansjörg O. Op. cit.

крепленной в § 198 Закона о судостроительстве ФРГ. Положения § 296, 296а Уложения являются своеобразным «знаком тревоги» для лиц, участвующих в рассмотрении спора. По сути, знание этих положений – залог успеха в ведении дела. Несоблюдение простых правил § 282, 296, 296а Уложения, доступных для понимания и лицам, не имеющим юридического образования, чревато «проигрышем войны без боя». Закон помогает избежать применения преклюзии к стороне, ответственно подошедшей к ведению дела в суде, и в то же время не позволяет злоупотреблять правами другой стороне, в том числе в целях затягивания судебного процесса для создания условий, в которых вынесенное с существенной отсрочкой решение суда станет неисполнимым либо утратит актуальность. Несмотря на некоторую категоричность предписаний, содержащихся в Уложении, сторона может рассчитывать на принятие судом несвоевременно использованных ею процессуальных средств при наличии уважительных причин, которыми был обусловлен пропуск установленного срока. Законодатель ставит во главу угла обязанность сторон вести процесс добросовестно, возлагая на судью функцию по обеспечению баланса между законностью решения и своевременностью его получения сторонами.

Список литературы

Макаров П. Н. Концентрация процессуального материала при разрешении гражданских споров в судах Германии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Baudewin C., Wegner A. K. Die Präklusion im Zivilprozess – Bedeutung, Chancen, Risiken // Neue Juristische Wochenschrift. 2014. Heft 67.

Creifelds. Rechtswörterbuch. München, 2019.

Hansjörg O. Die Präklusion: ein Beitrag zum Prozeßrecht. Berlin, 1970.

Schulze S., Ostheim N. Litigation-PR im Zivilverfahren // Zeitschrift für Rechtspolitik. 2019. Heft 8. URL: <https://beckonline.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fzeits%2Fzrp%2F2019%2Fcont%2Fzrp.2019.233.1.htm&pos=15&hlwords=on>.

Waldner W. Präklusion im Zivilprozeß und rechtliches Gehör // Neue Juristische Wochenschrift. 1984. Heft 51.

References

Baudewin C., Wegner A. K. Die Präklusion im Zivilprozess – Bedeutung, Chancen, Risiken // Neue Juristische Wochenschrift. 2014. Heft 67.

Creifelds. Rechtswörterbuch. München, 2019.

Hansjörg O. Die Präklusion: ein Beitrag zum Prozeßrecht. Berlin, 1970.

Makarov P. N. Kontsentratsiya protsessual'nogo materiala pri razreshenii grazhdanskikh sporov v sudakh Germanii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2014.

Schulze S., Ostheim N. Litigation-PR im Zivilverfahren // Zeitschrift für Rechtspolitik. 2019. Heft 8. URL: <https://beckonline.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fzeits%2Fzrp%2F2019%2Fcont%2Fzrp.2019.233.1.htm&pos=15&hlwords=on>.

Waldner W. Präklusion im Zivilprozeß und rechtliches Gehör // Neue Juristische Wochenschrift. 1984. Heft 51.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ

Смушкин Александр Борисович

Доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: Skif32@yandex.ru

Рассматриваются возможности использования при расследовании преступлений информации, извлекаемой из мобильных устройств. Предлагаются тактические рекомендации по осмотру мобильного устройства на стадиях статического и динамического осмотра.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, мобильная криминалистика, исследование мобильных устройств, электронная информация

A CRIMINAL STUDY OF MOBILE DEVICES

Smushkin Aleksander

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences,
e-mail: Skif32@yandex.ru

The article is devoted to the possibilities of using information extracted from various mobile devices for the sake of crime investigation. The author proposes some tactical recommendations for inspecting a mobile device at the stages of static and dynamic inspection.

Key words: digital forensics, mobile device forensics, research on mobile devices, digital information

Достаточно часто на месте задержания подозреваемых или при них обнаруживаются мобильные телефоны, иные мобильные устройства или их части. Мобильные устройства могут как использоваться по прямому назначению, так и являться элементами других устройств, которые применяются для совершения преступления (например, взрывных устройств).

Современные гаджеты (смартфоны, smartчасы, навигаторы, радар-детекторы, электронные книги) нередко сопоставимы с мощными компьютерами. Компьютеризированные блоки используются в различных устройствах и механизмах (компьютеризированные системы автомобилей, автопилоты и «черные ящики» летательных аппаратов и т. д.), и специалисты могут восстановить по цифровым следам маршруты передвижения и некоторые действия подозреваемых на протяжении большого отрезка времени. Информация, извлекаемая из или с помощью данных устройств, а также фиксируемая устройствами, крайне разнообразна (от виртуальных следов до цифровых аудио- и видеозаписей, цифровых фотографий и т. д.).

Чтобы отвечать современным требованиям, криминалистика должна активно разрабатывать вопросы осмотра, исследования мобильных устройств, изучения и анализа содержащейся в них информации. Фактически уже можно говорить о развитии подотрасли цифровой криминалистики, которую условно можно назвать «мобильной криминалистикой» (*mobile device forensics*). Многие авторы ведут речь о формировании частной теории, направленной на изучение мобильных устройств¹.

¹ См., например: Максимович А. Б. Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018; Его же. Содержание и структура криминалистического учения о средствах сотовой связи // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 179–185; Грибунов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 137–142; Архипова Н. А. Организационно-

В. Жуланов и Е. Ищенко подчеркивают, что «особенности функционирования мобильной сотовой связи предоставляют следственным органам дополнительные возможности по раскрытию и расследованию преступлений, при организации и совершении которых она использовалась... Наиболее криминалистически значимой представляется персональная биллинговая и коммуникационная информация»¹.

Рассматривая практические аспекты мобильной криминалистики, В. А. Мещеряков и А. Н. Яковлев отмечают, что, определив «пространственную конфигурацию сегмента инфраструктуры оператора мобильной связи, обеспечивавшего функционирование обнаруженного на месте происшествия мобильного телефона», «зафиксировав время преступного события (или временной интервал), возможные траектории движения его участников, определив перечень базовых станций, обслуживающих участки каждой из траекторий, мы сможем достаточно четко сформулировать задачу поиска в информационной базе оператора сотовой связи тех номеров IMEI мобильных телефонов, которые в требуемое время обслуживались на проверяемых участках местности»².

Обратимся к вопросам проведения осмотра мобильных устройств, обнаруженных на месте происшествия.

В ходе статической стадии осмотра мобильного устройства подлежат изучению его размер, модель, цвет, устанавливается наличие на нем чехла или иных аксессуаров, предохраняющих аппарат от повреждения, рисунков на них, следов и повреждений.

На динамической стадии в первую очередь определяется возможность включения телефона (реакция на кнопку питания, иные кнопки, датчик отпечатка пальца и др.). Следующий шаг – выявление факта установки защиты и ограничения доступа к смартфону посторонних лиц (пароль, цифровой код, графический ключ, доступ по отпечатку пальца, доступ после сканирования лица пользователя или сетчатки его глаза). При отсутствии пароля или иных мер защиты производится подробный осмотр хранящейся на телефоне информации.

В. А. Мещеряков и А. Н. Яковлев указывают, что «если обнаруженный на месте происшествия мобильный телефон выключен и уровень зарядки батареи позволяет выполнить простейшие действия, то необходимо установить только его IMEI-код»³. IMEI-код, состоящий из 15 цифр, уточняется путем введения короткой команды *#06# либо изучения пункта «Об устройстве» в настройках телефона. Этот код присваивается на заводе-изготовителе и указывается в документах при продаже устройства; его крайне сложно изменить вне заводских условий. После определения и фиксации в протоколе IMEI-кода приводятся сведения о самом телефоне: версия прошивки, информация о сети.

Трудно согласиться с мнением В. А. Мещерякова и А. Н. Яковлева о том, что «все остальные операции следует проводить уже после завершения осмотра места происшествия в рамках иных следственных действий»⁴. Разумнее предположить необходимость изучения информации, хранящейся на самом телефоне, без подключения к беспроводным сетям. Изучение же информации, расположенной на серверах, доступ к которым осуществлялся с данного телефона, является как раз предметом иных следственных действий и оперативных мероприятий.

Подлежит изучению также список последних звонков и SMS, перечень адресатов. Криминалистическое значение могут иметь наличие определенных контактов, частота общения, продолжительность звонков на конкретные номера, время звонков. Сле-

тактические аспекты раскрытия и расследования преступлений в ситуациях использования средств мобильной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011; *Старичков М. В.* Устройства мобильной связи как источники криминалистической информации // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 234–236; *Третьякова Е. И.* Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3. С. 49–51.

¹ Жуланов В., Ищенко Е. Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе // Законность. 2007. № 4. С. 26.

² Мещеряков В. А., Яковлев А. Н. «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 281.

³ Мещеряков В. А., Яковлев А. Н. Указ. соч. С. 280.

⁴ Там же.

дует обращать внимание на место сохранения контактов: память сим-карты, память телефона, облачные сервисы.

Большое значение для расследования имеет информация сим-карты. На ней хранятся сведения о международном мобильном идентификаторе абонента; список номеров, на которые он звонил; данные о номерах, выделенных в особые группы (быстро набора, избранные или иные), а также последних набранных номерах; информация о последнем местоположении устройства (имеется в виду местоположение относительно обслуживающих станций); информация о провайдере; информация о предпочитаемых языках; информация о системе и др.¹

Имеющееся у криминалистов программное оснащение позволяет провести анализ звонков, поступавших на осматриваемый смартфон и с него, с учетом информации, хранящейся на всех установленных сим-картах. Специалисты могут построить графическую схему системы контактов. Таким образом могут быть установлены структура преступной группы, источники получения информации и руководящих указаний. При дальнейшем обнаружении других телефонов возможна агрегация полученных данных и построение расширенных схем.

Далее изучается содержание полученных SMS, сохранившейся переписки в мессенджерах или открытых электронных писем, а также аудиозаписей телефонных разговоров, хранящихся в памяти устройства. Представляется, что просмотр (прослушивание) этих записей относится к элементам осмотра и не требует судебного санкционирования.

В большинстве современных смартфонов имеется приложение «Галерея», где собраны фотоснимки и видеозаписи; причем однажды открытые фотоснимки и видеозаписи, отправленные через мессенджер, также сохраняются в этом приложении. Содержание «Галереи» может иметь существенное значение для целей расследования преступлений. Часто представители незаконных вооруженных формирований активно используют фото- и видеофиксацию своих действий, издевательств над жертвами и т. д. Кроме непосредственного содержания фотоснимков (наличия на них определенных лиц, местности, зданий и сооружений, иных элементов обстановки), криминалистическое значение может иметь дополнительная информация, отмеченная на кадре: дата и время съемки, геотеги². В свойствах файла фотографии также имеется информация о времени и дате съемки, а во многих случаях – о дополнительных параметрах съемки: диафрагма, выдержка, уровень светочувствительности (ISO), применение вспышки, фильтров и т. д.

Еще одна составляющая информационного содержания современных смартфонов – датчики геопозиционирования. Работа данных датчиков используется во многих программах. Кроме указанных выше геотегов на фотографиях, в большинстве современных смартфонов имеются карты и навигаторы. В ходе изучения данных программ могут быть определены последние поисковые запросы адресов, проложенные маршруты, промежуточные точки маршрутов; кроме того, пользователем могут быть установлены ключевые точки (дом, работа и иные). Отчасти подобные данные помогут установить маршрут выдвижения подозреваемых, подхода к объекту и т. д.

Большой объем информации может быть получен при изучении приложений «Планировщик» и «Заметки». В «Планировщике», как правило, отмечены значимые для пользователя события (дни рождения знакомых и родственников, определенные даты), а также планы на день. «Заметки», как и обычные бумажные записные книжки, могут содержать любые записи – от телефонных номеров до распределения ролей в группе, ключей к коду, используемому соучастниками, списка необходимых закупок и т. д.

Тщательному изучению подлежат и все установленные на смартфон браузеры. В них, даже если телефон отключен от сетей, сохраняется информация о последних открытых страницах, поисковых запросах, закладках.

¹ Casadei F., Savoldi A., Gubian P. Forensics and SIM cards: an overview // International Journal of Digital Evidence. 2006. Vol. 5. Iss. 1.

² Геотеггинг – функция, позволяющая пометить фотографии географическими координатами. Подробнее см: Гришанков В. Geo Tagging (геотеггинг) в смартфоне – что это такое? // AndroidLime. 2018. 18 дек. URL: <https://androidlime.ru/geo-tagging-smartphone-function> (дата обращения: 22.04.2020).

Согласимся с А. Н. Яковлевым в том, что «вне границ технической ответственности оператора связи, а именно на серверах правообладателей коммуникационных сервисов типа ООО „Мэйл.Ру“ и на компьютерном средстве пользователя – отправителя информации, она представляет собой данные, пересылаемые деперсонализированными пользователями сети Интернет в рамках взаимной договоренности об использовании коммуникационных сервисов. Стороны, использующие коммуникационный сервис, договариваются с его правообладателем об отсутствии какой-либо ответственности за пересылку последним данных. Правообладатель коммуникационного сервиса преднамеренно создает технические и правовые условия, исключающие ситуацию, когда пересылаемые данные на его стороне или стороне пользователя попадают под тайну связи...»¹. Соответственно, когда письма электронной почты и иных обезличенных сервисов находятся «на компьютерных средствах пользователей, они могут быть получены лицом, проводящим расследование, в порядке ст. 86 УПК РФ в ходе следственных действий, а также истребованием от правообладателя коммуникационного сервиса»².

В памяти смартфона могут содержаться текстовые, видео-, аудио- или другие файлы, «скачанные» пользователем, или аудиофайлы, записанные пользователем на диктофон. Содержимое папок, в которых хранится информация, должно быть изучено через приложение «Проводник» смартфона или с помощью специальных программных комплексов. В первую очередь изучению подлежат директории «Download», «Music», «Documents» или аналогичные.

В ходе осмотра телефона подозреваемого могут быть обнаружены установленные на нем специализированные программы, например для расчета баллистических траекторий снаряда или объема и точки закладывания в здании взрывных устройств, для перехвата и управления системами контроля и управления доступом или наблюдения и т. д.

Более сложные исследования проводятся экспертами с использованием логического, физического, файлового анализа, в том числе с помощью специализированного программного обеспечения «Мобильный криминалист»³, позволяющего даже разблокировать смартфоны, защищенные паролем.

Указанные обстоятельства определяют важность дальнейших теоретических разработок и составления практических рекомендаций по обращению с мобильными устройствами для наиболее полного и эффективного расследования преступлений.

Список литературы

Архипова Н. А. Организационно-тактические аспекты раскрытия и расследования преступлений в ситуациях использования средств мобильной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

Грибунов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4.

Гришанков В. Geo Tagging (геотеггинг) в смартфоне – что это такое? // AndroidLime. 2018. 18 дек. URL: <https://androidlime.ru/geo-tagging-smartphone-function> (дата обращения: 22.04.2020).

Жуланов В., Ищенко Е. Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе // Законность. 2007. № 4.

Максимович А. Б. Содержание и структура криминалистического учения о средствах сотовой связи // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11.

Максимович А. Б. Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Мещеряков В. А., Яковлев А. Н. «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. 2015. № 5.

Старичков М. В. Устройства мобильной связи как источники криминалистической информации // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск, 2015.

¹ Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 45.

² Там же. С. 47.

³ Программно-аппаратный комплекс «Мобильный Криминалист». URL: <https://www.oxygensoftware.ru/ru/company/target/police> (дата обращения: 22.01.2020).

Третьякова Е. И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3.

Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемой из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4.

Casadei F., Savoldi A., Gubian P. Forensics and SIM cards: an overview // International Journal of Digital Evidence. 2006. Vol. 5. Iss. 1.

References

Arkhipova N. A. Organizatsionno-takticheskie aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii v situatsiyakh ispol'zovaniya sredstv mobil'noi svyazi: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2011.

Casadei F., Savoldi A., Gubian P. Forensics and SIM cards: an overview // International Journal of Digital Evidence. 2006. Vol. 5. Iss. 1.

Gribunov O. P. Sredstva sotovoi svyazi kak istochnik kriminalisticheskoi informatsii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4.

Grishankov V. Geo Tagging (geotagging) v smartfone – chto eto takoe? // AndroidLime. 2018. 18 dek. URL: <https://androidlime.ru/geo-tagging-smartphone-function> (data obrashcheniya: 22.04.2020).

Maksimovich A. B. Soderzhanie i struktura kriminalisticheskogo ucheniya o sredstvakh sotovoi svyazi // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2016. № 11.

Maksimovich A. B. Sredstva sotovoi svyazi kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018.

Meshcheryakov V. A., Yakovlev A. N. «Elektronnaya» sostavlyayushchaya osmotra mesta proisshestviya // Biblioteka kriminalista. 2015. № 5.

Starichkov M. V. Ustroystva mobil'noi svyazi kak istochniki kriminalisticheskoi informatsii // Kriminalisticheskie chteniya na Baikale – 2015: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. D. A. Stepanenko. Irkutsk, 2015.

Tret'yakova E. I. Mobil'nyi telefon kak istochnik kriminalisticheskoi informatsii // Vestnik Ural'skogo finansovo-yuridicheskogo instituta. 2018. № 3.

Yakovlev A. N. Pravovoi status tsifrovoy informatsii, izvlekaemoi iz komp'yuternykh i mobil'nykh ustroystv: «elektronnaya pochta» // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 4.

Zhulanov V., Ishchenko E. Analiz informatsii iz elektronnykh baz dannykh v sledstvennoi gruppe // Zakonnost'. 2007. № 4.

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ

Ергашев Евгений Рашидович

Заведующий кафедрой прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
доктор юридических наук, профессор, e-mail: ergashever@mail.ru

Панкова Анна Александровна

Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: a.nepomnyashchikh@mail.ru

В статье анализируются актуальные вопросы, касающиеся правового статуса прокурора, участвующего в арбитражном процессе, а также вытекающих из правового положения прокурора полномочий, в том числе по инициированию дел в арбитражных судах и по вступлению в дела, рассматриваемые арбитражными судами. Особое внимание обращается на права и обязанности прокурора, подавшего иск в арбитражный суд. Делается акцент на отсутствии нормативного определения понятий «публичный интерес», «неопределенный круг лиц». Обосновывается тезис о расширении перечня дел, которые прокурор вправе инициировать. При оценке содержания статей, регулирующих правовое положение прокурора в арбитражном процессе, ставятся вопросы о необходимости дополнения нормы о возможности прокурора давать заключения по делам, в которых он участвует, о форме такого заключения и его содержании. Авторы приходят к выводу об отсутствии единообразных и непротиворечивых подходов к решению данных вопросов, указывают на несовершенство регулирующего их законодательства. Предложены пути оптимизации процессуального законодательства в целях повышения эффективности защиты прав участников арбитражного процесса.

Ключевые слова: прокурор, арбитражный суд, арбитражный процесс, полномочия прокурора, публичный интерес, обеспечение законности

PROBLEMS OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE CONSIDERATION OF CASES BY ARBITRATION COURTS

Ergashev Evgenii

Head of the chair, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, professor,
e-mail: ergashever@mail.ru

Pankova Anna

Master student, Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: a.nepomnyashchikh@mail.ru

The article examines the current problems of the legal status of the prosecutor participating in the arbitration process, as well as the powers arising from the legal status of the prosecutor, including initiating cases in arbitration courts and entering into cases considered by arbitration courts. Particular attention is paid to the rights and obligations of the prosecutor who filed a lawsuit in arbitration. The authors focus on the lack of a normative definition of the concepts of «public interest» and «indefinite number of persons». The thesis about the expansion of the list of cases that the prosecutor may initiate is substantiated. The authors examine the content of articles regulating the legal status of the prosecutor in arbitration process, and raise the questions about the need to supplement the norm on the possibility of the prosecutor to give opinions on cases in which he participates, about the form of such an opinion and its content. They come to the conclusion that there are no uniform and consist-

ent approaches to solving these problems, and point out the imperfection of the legislation regulating these issues. In this regard, they propose some ways to streamline the procedural legislation in order to make the protection of the rights of participants in arbitration process more effective.

Key words: prosecutor, arbitration court, arbitration process, prosecutor's powers, public interest, ensuring the rule of law

Участие прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами является одним из важных инструментов защиты интересов государства. Так, с 2015 по 2017 г. арбитражными судами было рассмотрено 35,8 тыс. дел по искам прокуроров¹. Вместе с тем в настоящее время в теории и практике не сложились единые подходы к решению проблемы определения той процессуальной формы участия прокурора в арбитражном судопроизводстве, которая стала бы эффективным средством защиты государственных и общественных интересов.

В соответствии со ст. 40 Арбитражного процессуального кодекса РФ прокурор является лицом, участвующим в деле. Между тем в литературе высказывались суждения об отнесении прокурора не к лицам, участвующим в деле, а к иным участникам процесса (ст. 54 АПК РФ). Так, с точки зрения М. А. Викут, лица, участвующие в деле, – это субъекты спорного материального правоотношения, а прокурор не относится к таким субъектам². Однако приведенное суждение не выдерживает критики, так как к лицам, участвующим в деле, также относятся государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане, обращающиеся в суд в защиту других лиц (ст. 53 АПК РФ).

К. С. Юдельсон в середине прошлого века утверждал, что прокурор, инициируя дело в суде, не является стороной в процессе. Он считал, что прокурор занимает особое место, участвует в процессе как представитель государства³. В. Н. Аргунов, Г. Л. Осокина полагают, что прокурор в арбитражном (и гражданском) процессе выступает в качестве стороны, т. е. является истцом в процессуальном смысле⁴. М. А. Викут, М. Х. Хуыз придерживаются противоположного мнения, отмечая, что прокурора ни в коем случае нельзя считать истцом⁵.

Исходя из смысла ст. 40, 52 АПК РФ, прокурор обладает особым статусом и полномочиями, следовательно, является самостоятельной процессуальной фигурой. При этом прокурор выступает в процессе от своего имени, но в чужих интересах, тогда как представитель – от чужого имени в чужих интересах.

Статья 52 АПК устанавливает, что прокурорские работники обращаются в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц и вступают в процесс в целях обеспечения законности. Нередко ни сами прокуроры, ни суды не различают оснований и особенностей порядка участия прокурора в рассмотрении дел судами. Например, в судебной практике встречаются случаи, когда прокурор обращается в суд в порядке, предусмотренном ст. 52 АПК РФ, с заявлением о признании постановления административного органа о привлечении лица к административной ответственности незаконным⁶. По мнению С. А. Халатова, это неверно и прокурору в таком случае следует обращаться в суд в порядке, предусмотренном гл. 25 АПК РФ⁷.

¹ Состоялась коллегия Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об организации работы по обеспечению участия прокуроров в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе» // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. 2017. 15 дек. URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1303740> (дата обращения: 24.10.2018).

² Викут М. А. Обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданском деле, как одно из условий эффективности правосудия // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С. 132–136.

³ Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 122–123.

⁴ Аргунов В. Н. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1991. С. 24; Осокина Г. Л. Иск прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980. С. 6.

⁵ Викут М. А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов, 1968. С. 3–5; Хуыз М. Х. Понятие сторон в гражданском процессе // Советское государство и право. 1981. № 11. С. 116.

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 20 января 2016 г. № 304-АД15-17629 по делу № А81-1485/2015.

⁷ Халатов С. А. К вопросу о роли прокурора в рассмотрении судами гражданских дел: теория и судебная практика // Закон. 2017. № 3. С. 69–81.

В АПК РФ не установлена возможность отвода или самоотвода прокурора в арбитражном процессе. Однако на практике вполне могут возникнуть обстоятельства, исключающие незаинтересованность прокурора в исходе дела. В связи с этим представляется обоснованным предусмотреть в гл. 3 АПК РФ нормы, регулирующие институт отвода (самоотвода) прокурора.

В ч. 4 ст. 52 АПК РФ содержится положение о том, что прокурор, обратившийся в арбитражный суд, пользуется процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца. Оценивая это положение, Е. А. Трещева отмечает, что ни одно лицо не может пользоваться правами и нести обязанности другого субъекта, так как они неотчуждаемы¹. Однако представляется, что формулировка ч. 4 ст. 52 АПК РФ вполне допустима. Полагаем, что проще сформулировать права и обязанности прокурора через права и обязанности истца, так как они практически совпадают, нежели перечислять их.

Еще одна проблема связана с положениями подп. 1 п. 1 ст. 333.37 Налогового кодекса РФ, в соответствии с которыми прокурор освобожден от уплаты государственной пошлины. Однако, в отличие от Гражданского процессуального кодекса РФ (ст. 89), в ст. 52 АПК РФ не предусмотрена данная льгота (норма), что является законодательным пробелом, который необходимо устранить, дополнив ч. 3 ст. 52 АПК РФ формулировкой «за исключением обязанности по уплате судебных расходов».

Дискуссионным является также вопрос о том, может ли прокурор в арбитражном процессе заключать мировое соглашение. Статья 52 АПК РФ не регламентирует этот вопрос. В абз. 4 п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» сказано, что дело, производство по которому возбуждено на основании заявления прокурора, может быть окончено заключением мирового соглашения при условии участия в нем всех заинтересованных лиц, в том числе прокурора. Однако непонятно, что следует понимать под участием в заключении мирового соглашения – одобрение прокурором мирового соглашения либо отсутствие возражения прокурора против него?

По своей сути мировое соглашение представляет собой взаимные уступки сторон. Права на заключение мирового соглашения у прокурора не должно быть, ведь он не наделен материальным правом и, следовательно, не может его уступить. Из чего следует необходимость внести соответствующие изменения в ст. 52 АПК РФ и в постановление Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15.

АПК РФ не предусматривает таких средств прокурорского реагирования, как апелляционное и кассационное представление. Согласно положениям АПК РФ в случае несогласия с решением арбитражного суда прокурор, как и другие участники судебного спора, обладающие правом обжалования, может подать апелляционную или кассационную жалобу. Представление как средство прокурорского реагирования предусмотрено при пересмотре судебных актов в порядке надзора (ч. 2 ст. 308.1 АПК РФ). Правом принесения представлений в суд наделены только Генеральный прокурор РФ и его заместители.

В литературе высказано суждение о том, что термин «обжалование» не следует применять к деятельности прокурора в арбитражном процессе, поскольку это снижает статус прокурора². Представляется обоснованным предусмотреть в АПК РФ право прокурора на подачу апелляционного и кассационного представления и нормативно закрепить указанные средства прокурорского реагирования, заменив ими соответствующие жалобы прокурора.

Процессуальное законодательство не использует термин «протест» применительно к деятельности прокурора в суде. В настоящее время он заменен термином «представление». Термин «протест» не согласуется с концепцией судебной реформы и ограничением полномочий прокуратуры в судах. Под протестом понимается решительное возражение чему-либо; представление же означает письменное заявление о чем-либо. Это слово звучит более уважительно по отношению к суду, а сле-

¹ Трещева Е. А. Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // Lex Russica. 2015. № 10. С. 57–63.

² Шобухин В. Ю. Полномочия прокурора: актуальные проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. № 11. С. 35–38.

довательно, более приемлемо¹. В связи с этим требуется внести изменения в ст. 36 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), заменив термин «протест» термином «представление» прокурора.

Одной из проблем участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами является отсутствие у него полномочий по защите прав и законных интересов неопределенного круга лиц в арбитражном процессе. Статья 53 АПК РФ предусматривает возможность защиты публичных интересов государственными органами, органами местного самоуправления и иными органами. Прокурору же АПК РФ подобного права прямо не предоставляет.

Термины «публичные интересы» и «неопределенный круг лиц» сегодня не имеют легального определения. Так, Ю. А. Тихомиров публичный интерес трактует как признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития². По словам В. Ф. Яковлева, «под публичным интересом понимаются не столько интересы государства, сколько совокупные интересы граждан данного государства. Государство же должно выступать в качестве выразителя публичных интересов и представлять интересы общества в целом»³. По мнению А. В. Кряжкова, публичный интерес – это интерес общества, признанный государством и урегулированный (обеспеченный) правом⁴. Е. М. Артамонова рассматривает интерес неопределенного круга лиц в качестве разновидности публичных интересов, называя его «неперсонифицированным интересом»⁵. Т. Ю. Карева, разделяя позицию о тождественности этих понятий, считает, что защита публичного интереса может достигаться путем предъявления заявлений в защиту законных интересов неопределенного круга лиц⁶. Н. С. Батаева полагает, что иски в защиту прав и интересов неопределенного круга лиц имеют целью прежде всего защиту общественных интересов⁷.

На наш взгляд, публичный интерес можно определить как неперсонифицированный интерес общества и государства, признанный государством и охраняемый правом, представляющий собой конституционно-значимую ценность. В широкое понятие «публичный интерес» входят понятия «государственный интерес» (интересы РФ, субъектов РФ), «муниципальный интерес» (интересы муниципальных образований), а также «общественный интерес» (интересы социальных групп и неопределенного круга лиц).

Судебная практика по данному вопросу также неоднозначна. Пленум Верховного Суда РФ, стремясь внести единообразие в понимание рассматриваемого феномена, в п. 75 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснил, что под публичными интересами следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды.

В ст. 308.8 АПК РФ нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц и иных публичных интересов рассматривается в качестве основания для отмены судебных актов в порядке надзора. Аналогичная норма содержится в ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса РФ. Полагаем, что в АПК РФ и ГПК РФ понятия «интересы неопределенного круга лиц» и «публичные интересы» употребляются как тождественные и защита прав и интересов неопределенного круга лиц в исковом

¹ Ергашев Е. Р. Диспозитивность как принцип участия прокурора в рассмотрении судами дел // Российский юридический журнал. 2007. № 3. С. 64–65.

² Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. С. 55.

³ Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000. С. 167.

⁴ Кряжков А. В. Роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9.

⁵ Артамонова Е. М. Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 17.

⁶ Карева Т. Ю. Участие в гражданском процессе лиц, выступающих в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 9.

⁷ Батаева Н. С. Судебная защита прав и интересов неопределенного круга лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 9.

производстве в арбитражном и гражданском процессах может реализовываться через защиту публичных интересов.

Представляется, что правила ст. 53 АПК РФ можно распространить на прокурора по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 53 АПК РФ обращение в защиту публичных интересов возможно в случаях, предусмотренных федеральным законом. Закон о прокуратуре называет следующие случаи обращения прокурора: когда этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства, а также когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение.

Статья 53 АПК РФ подлежит расширительному толкованию, так как указывает на возможность иных органов обратиться с исками или заявлениями в арбитражный суд в защиту публичных интересов. Ничто не мешает отнести прокуратуру к указанным иным органам.

Считаем целесообразным закрепить в ст. 52 АПК РФ право прокурора на обращение в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

В настоящее время в ст. 52 АПК РФ содержится простое перечисление исков, которое не охватывает все способы защиты публичных интересов. Список указанных в ст. 52 АПК РФ юридических лиц неактуален, в нем названы только государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные учреждения. Но в 2014 г. появились публично-правовые компании. Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ (ред. от 1 июля 2018 г.) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» публично-правовые компании являются унитарными некоммерческими организациями, созданными Российской Федерацией, т. е. в них нет участников, уставного капитала (фонда) для участия членов и они формируются за счет имущественного вноса Российской Федерации. В дополнение возникли государственные корпорации «Росатом», «Роскосмос», «Роснано» и др., которые, во-первых, согласно соответствующим законам не имеют уставного капитала, а во-вторых, формируются за счет имущественных взносов Российской Федерации.

Исходя из этого ни публично-правовые компании, ни государственные корпорации нельзя отнести к «юридическим лицам, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия РФ, субъектов РФ, муниципальных образований», так как по смыслу этого положения к таковым относятся только те юридические лица, в уставном капитале (фонде) которых публично-правовые образования участвуют частично, а не полностью.

Также непонятно, почему изначально в ст. 52 АПК РФ не были включены муниципальные учреждения. Указанные учреждения заключают сделки, и эти сделки могут нарушать интересы муниципальных образований.

Следовательно, необходимо привести положения АПК РФ в соответствие с гражданским законодательством, включив публично-правовые компании, государственные корпорации, муниципальные учреждения в перечень юридических лиц, упоминаемых в ч. 1 ст. 52 АПК РФ.

Можно отметить проблему недостатка полномочий прокурора, обращающегося в арбитражный суд с исками о признании недействительными сделок и о применении последствий недействительности ничтожной сделки. В литературе подчеркивается необходимость дополнения существующего перечня дел еще двумя взаимосвязанными категориями: о признании недействительным зарегистрированного права собственности и о признании права собственности на спорное имущество¹. Данная позиция представляется верной, так как при заявлении таких требований будет исследован порядок приобретения ответчиком спорного имущества независимо от времени совершения сделок, а также обеспечена исполнимость вынесенного по делу решения. Следовательно, для более эффективной защиты права собственности на государственное и муниципальное имущество необходимо предоставить проку-

¹ Гадиятова М. В., Слышкин И. Г. Проблемы эффективности участия прокурора в арбитражном процессе // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 176–181.

рору право на обращение с исками о признании недействительным зарегистрированного права и о признании права собственности.

Основания участия прокурора в арбитражном судопроизводстве предусмотрены не только процессуальным законодательством, но и нормами материального права. В частности, право прокурора обратиться в суд с иском о ликвидации юридического лица установлено ст. 1253 ГК РФ, право прокурора обратиться с иском в суд закреплено также ст. 2, 14 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» и ст. 13 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 52 АПК РФ абзацем следующего содержания: «Прокурор вправе обратиться в арбитражный суд и в иных случаях, предусмотренных федеральными законами».

Согласно ч. 5 ст. 52 АПК РФ прокурор вправе вступить в дело на любой стадии арбитражного процесса. Из буквального толкования словосочетания «на любой стадии» можно сделать вывод о том, что прокурор может вступить в дело в самом конце судебного заседания, например после перехода к судебным прениям. При этом в постановлении Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что данное словосочетание было введено с целью указания, в том числе, на возможность вступления прокурора в дело при его рассмотрении судом апелляционной или кассационной инстанции, на возможность инициирования прокурором пересмотра судебных актов.

Проблемным аспектом является неурегулированность механизма вступления прокурора в арбитражный процесс. Исходя из буквального толкования ч. 5 ст. 52 АПК РФ, прокурор может вступить в дело только по собственной инициативе. В п. 2 информационного письма Генпрокуратуры РФ от 22 августа 2002 г. № 38-15-02 разъяснено, что решение о вступлении в дело должен принимать прокурор субъекта Федерации или его заместитель как по собственной инициативе, так и по ходатайству лиц, участвующих в деле; также имеется возможность вступления прокурора в арбитражный процесс по инициативе суда. В связи с этим представляется правильным предусмотреть в АПК РФ извещение прокурора о находящемся в производстве арбитражного суда деле, по которому прокурор вправе вступить в процесс. При принятии прокурором решения о вступлении в процесс суд обязан вынести об этом определение, как в случае с третьими лицами, заявляющими и не заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора.

В соответствии с ч. 5 ст. 52 АПК РФ целью вступления прокурора в арбитражный процесс является обеспечение законности. Но что имел в виду законодатель в данном случае? Л. Н. Изотова полагает, что вступление в дело прокурора в целях обеспечения законности на практике может привести к нарушению принципов состязательности и равноправия сторон¹. В п. 4.7 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об этом сказано более категорично: при такой постановке вопроса прокурор конкурирует с судом, поскольку задачей именно последнего является обеспечение законности процесса и принимаемых судебных актов.

Решение данной проблемы возможно путем законодательного закрепления за прокурором права на дачу заключения при сохранении цели обеспечения законности. Сейчас же получается, что цель обеспечения законности достигается только авторитетом органов прокуратуры.

Немаловажным остается вопрос о форме и содержании заключения прокурора, требующий урегулирования как в положениях закона, так и в ведомственных актах Генеральной прокуратуры. В литературе высказано суждение об обязательной письменной форме заключения прокурора². С одной стороны, для составления заключения в письменной форме прокурору необходимо время, следовательно, возникает необходимость отложения судебного разбирательства, что в свою очередь затягива-

¹ Изотова Л. Н. Участие прокурора в арбитражном процессе // ЭЖ-Юрист. 2013. № 40. С. 3.

² Бывальцева С. Г. Заключение прокурора в гражданском процессе // Законность. 2010. № 5. С. 56–60.

ет процесс¹. С другой стороны, дача заключения в письменной форме повысит качество самого заключения, сделает его более квалифицированным, так как в обратном случае могут быть упущены существенные моменты, заключение может быть неточно отражено в протоколе. Кроме того, обязанность давать заключение в письменной форме побудит прокуроров более ответственно готовиться к судебному заседанию².

Тем не менее представляется оправданным предоставление прокурору усмотрения в выборе формы заключения в зависимости от сложности дела. При этом представление в суд заключения в письменной форме приобщается к материалам дела и не освобождает прокурора от устного изложения положений своего заключения. Устное же заключение прокурора заносится в протокол судебного заседания и подписывается прокурором.

Что касается содержания заключения, то следует исходить из того, что прокурор в первую очередь действует в тех же целях, что и суд. Поэтому в своем заключении прокурор должен разрешить те же вопросы, что и суд в своем решении (ст. 168 АПК РФ).

Подводя итог, необходимо отметить, что ряд актуальных проблем участия прокурора в рассмотрении арбитражными судами дел требует решения на законодательном уровне, а также путем принятия соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ и Генеральной прокуратурой РФ с учетом крайне противоречивой судебной практики и ранее данных разъяснений.

Список литературы

Аргунов В. Н. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1991.

Артамонова Е. М. Защита прокурором прав и законных интересов неопределенного круга лиц в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Батаева Н. С. Судебная защита прав и интересов неопределенного круга лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

Бывальцева С. Г. Заключение прокурора в гражданском процессе // Законность. 2010. № 5.

Викут М. А. Обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданском деле, как одно из условий эффективности правосудия // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001.

Викут М. А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов, 1968.

Гадиятова М. В., Слышкин И. Г. Проблемы эффективности участия прокурора в арбитражном процессе // Российский юридический журнал. 2013. № 4.

Григорьев А. Н., Исаенкова О. В. Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3.

Ергашев Е. Р. Диспозитивность как принцип участия прокурора в рассмотрении судами дел // Российский юридический журнал. 2007. № 3.

Ергашев Е. Р. О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3.

Изотова Л. Н. Участие прокурора в арбитражном процессе // ЭЖ-Юрист. 2013. № 40.

Карева Т. Ю. Участие в гражданском процессе лиц, выступающих в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

Кряжков А. В. Роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

Осокина Г. Л. Иск прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980.

Состоялась коллегия Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об организации работы по обеспечению участия прокуроров в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе» // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. 2017. 15 дек. URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1303740> (дата обращения: 24.10.2018).

Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995.

Трещева Е. А. Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // Lex Russica. 2015. № 10.

¹ Григорьев А. Н., Исаенкова О. В. Участие прокурора в исковом производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 6–11.

² Ергашев Е. Р. О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 101.

Халатов С. А. К вопросу о роли прокурора в рассмотрении судами гражданских дел: теория и судебная практика // Закон. 2017. № 3.

Хутиз М. Х. Понятие сторон в гражданском процессе // Советское государство и право. 1981. № 11.

Шобухин В. Ю. Полномочия прокурора: актуальные проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. № 11.

Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.

Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000.

References

Argunov V. N. Uchastie prokurora v grazhdanskom protsesse. M., 1991.

Artamonova E. M. Zashchita prokurorom prav i zakonnykh interesov neopredelennogo kruga lits v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004.

Bataeva N. S. Sudebnaya zashchita prav i interesov neopredelennogo kruga lits: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1999.

Byval'tseva S. G. Zaklyuchenie prokurora v grazhdanskom protsesse // Zakonnost'. 2010. № 5.

Ergashev E. R. Dispozitivnost' kak printsip uchastiya prokurora v rassmotrenii sudami del // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2007. № 3.

Ergashev E. R. O problemakh pravovoi reglamentatsii i primeneniya pravovykh sredstv prokurora, uchastvuyushchego v rassmotrenii sudami grazhdanskikh del // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2017. № 3.

Gadiyatova M. V., Slyshkin I. G. Problemy effektivnosti uchastiya prokurora v arbitrazhnom protsesse // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2013. № 4.

Grigor'ev A. N., Isaenkova O. V. Uchastie prokurora v iskovom proizvodstve // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. 2008. № 3.

Izotova L. N. Uchastie prokurora v arbitrazhnom protsesse // EZh-Yurist. 2013. № 40.

Kareva T. Yu. Uchastie v grazhdanskom protsesse lits, vystupayushchikh v zashchitu prav, svobod i zakonnykh interesov drugih lits: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2005.

Khalatov S. A. K voprosu o roli prokurora v rassmotrenii sudami grazhdanskikh del: teoriya i sudebnaya praktika // Zakon. 2017. № 3.

Khutyz M. Kh. Ponyatie storon v grazhdanskom protsesse // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1981. № 11.

Kryazhkov A. V. Rol' prokurora v zashchite publichnykh interesov v arbitrazhnom sude: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000.

Osokina G. L. Isk prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 1980.

Shobukhin V. Yu. Polnomochiya prokurora: aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya // Sovremennoe pravo. 2013. № 11.

Sostoyalas' kollegiya General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii «Ob organizatsii raboty po obespecheniyu uchastiya prokurorov v grazhdanskom, administrativnom sudoproizvodstve i arbitrazhnom protsesse» // General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait. 2017. 15 dek. URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1303740> (data obrashcheniya: 24.10.2018).

Tikhomirov Yu. A. Publichnoe pravo. M., 1995.

Treshcheva E. A. Status prokurora v arbitrazhnom protsesse nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Lex Russica. 2015. № 10.

Vikut M. A. Obespechenie sudami prav lits, uchastvuyushchikh v grazhdanskom dele, kak odno iz uslovii effektivnosti pravosudiya // Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v arbitrazhnom i grazhdanskom sudoproizvodstve. M., 2001.

Vikut M. A. Storony – osnovnye litsa iskovogo proizvodstva. Saratov, 1968.

Yakovlev V. F. Rossiya: ekonomika, grazhdanskoe pravo (voprosy teorii i praktiki). M., 2000.

Yudel'son K. S. Problema dokazyvaniya v sovetskom grazhdanskom protsesse. M., 1951.

УПРАВЛЯЮЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И УСЛОВИЯ ЕЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Штыков Виктор Павлович

Доцент кафедры гражданского права и процесса
Дальневосточного федерального университета (Владивосток),
кандидат юридических наук,
e-mail: evolution66666@yandex.ru

В работе рассматриваются особенности правового положения управляющей организации как единоличного исполнительного органа юридического лица. Отмечаются положительные моменты, связанные с руководством юридическим лицом управляющей организацией. Исследуются различные виды юридических лиц, в отношении которых законодательством допускается участие управляющей организации в качестве единоличного исполнительного органа. Делается вывод о том, что управляющая организация является юридическим лицом, выступающим в качестве единоличного исполнительного органа, деятельность которого направлена на систематическое получение прибыли в связи с оказанием услуг по управлению юридическим лицом. Выделяются различные организации, которые могут выступать в качестве управляющей организации юридического лица. Анализируются условия гражданско-правовой ответственности управляющей организации. Разграничиваются условия имущественной ответственности лица, уполномоченного выступать в качестве единоличного исполнительного органа: вина и недобросовестность и неразумность действий. Обосновывается, что недобросовестность и неразумность действий лица, уполномоченного выступать в качестве единоличного исполнительного органа, следует относить не к виновному поведению, а к противоправности.

Ключевые слова: управляющая организация, юридическое лицо, имущественная ответственность

THE MANAGING ORGANIZATION OF A LEGAL ENTITY AND THE TERMS OF ITS PROPERTY LIABILITY

Shtykov Viktor

Associate professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok), candidate of legal sciences,
e-mail: evolution66666@yandex.ru

The article considers the features of a legal status of the managing organization as a sole executive body of a legal entity. It indicates some positive aspects related to the management of a legal entity by the managing organization. The author investigates various types of legal entities, in which, according to law, the managing organization could participate as a sole executive body. It is concluded that the managing organization is a legal entity serving as a sole executive body, which acts to gain a systematic profit from the provision of management services for a legal entity. There are various organizations that can act as the managing organization of a legal entity. The terms of civil liability of the managing organization are analyzed. The author distinguishes between guilt and dishonesty and unreasonable actions as the terms of the property liability of an entity authorized to act as a sole executive body. It is substantiated that dishonesty and unreasonable actions of an entity authorized to act as a sole executive body are an attribute not of guilty behaviour but unlawfulness.

Key words: managing organization, legal entity, property liability

В соответствии с п. 3 ст. 65.3 части первой Гражданского кодекса РФ в качестве единоличного исполнительного органа корпорации может выступать как физическое лицо, так и юридическое. Таким юридическим лицом, согласно абз. 3 п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 4 ноября 2019 г.) «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО), может выступать коммерческая организация (управляющая организация). Похожее правило предусмотрено в ст. 42 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 4 ноября 2019 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО), в силу которой общество вправе передать по договору осуществление полномочий единоличного исполнительного органа управляющему.

ФЗ об ООО прямо не предусматривает возможность заключения договора с управляющей организацией, как это сделано в ФЗ об АО. Более того, ФЗ об ООО, скорее, указывает на необходимость заключения договора именно с физическим лицом. Вместе с тем законодательством РФ предусмотрена свобода договора, т. е. свобода заключения договора и с физическим лицом, и с юридическим. Кроме того, в п. 2 ст. 40 ФЗ об ООО закреплено, что в качестве единоличного исполнительного органа общества может выступать только физическое лицо, за исключением случая, предусмотренного ст. 42 данного Закона. Из системного толкования ст. 40 и 42 ФЗ об ООО, общих положений ГК РФ следует, что в качестве единоличного исполнительного органа в обществах с ограниченной ответственностью может выступать и управляющая организация. Допускает возможность передачи полномочий единоличного исполнительного органа юридическому лицу и судебная практика¹. До принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» правило, позволяющее управляющей организации осуществлять полномочия исполнительного органа акционерного общества, также содержалось в ст. 103 ГК РФ, однако впоследствии данная статья утратила силу.

И. Е. Белоусова пишет, что «привлечение управляющих организаций к управлению обществами преследует в первую очередь достижение цели более эффективного руководства по сравнению с единоличным руководителем»². Также преимуществом управляющей организации перед управляющим физическим лицом является то, что управляющая организация может одновременно руководить несколькими корпорациями, что свидетельствует о большом опыте и наличии у такой организации профессиональных навыков в управлении юридическими лицами.

ГК РФ предусматривает возможность по управлению организацией юридическим лицом только в отношении корпораций – как коммерческих, так и некоммерческих. Данный вывод следует из п. 3 ст. 65 ГК РФ. В отношении государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также некоммерческих унитарных организаций упоминание в ГК РФ (в гл. 4 «Юридические лица» разд. 1 «Основные положения») о возможности управления ими юридическим лицом отсутствует. При этом согласно ст. 21 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» в качестве единоличного исполнительного органа унитарного предприятия выступает руководитель (директор, генеральный директор). В соответствии с п. 5 ст. 8 этого Закона порядок заключения контракта с руководителем унитарного предприятия устанавливается Правительством РФ, уполномоченными органами государственной власти субъектов РФ или органами местного самоуправления. В Положении о проведении конкурса на замещение должности руководителя федерального государственного унитарного предприятия, утвержденном постановлением Правительства РФ от 16 марта 2000 г. № 234 «О порядке заключения трудовых договоров и аттестации руководителей фе-

¹ См., например: определения Верховного Суда РФ от 29 сентября 2017 г. № 304-ЭС17-13489 по делу № А27-11939/2016; от 1 февраля 2018 г. № 301-ЭС17-16245 по делу № А31-12051/2015.

² Белоусова И. Е. Правовое регулирование механизма передачи полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица управляющей организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-mekhanizma-peredachi-polnomochii-edinolichnogo-ispolnitelnogo-organa-#ixzz3WL1I30rZ>.

деральных государственных унитарных предприятий», указывается, что к участию в конкурсе допускаются физические лица.

Кроме того, согласно абз. 6 п. 3 ст. 9 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» с руководителем унитарного предприятия заключается трудовой договор. Правовое регулирование труда руководителя организации закреплено в гл. 43 Трудового кодекса РФ. В силу ч. 1 ст. 273 ТК РФ руководителем организации является физическое лицо. Вместе с тем, как следует из ч. 2 ст. 273 ТК РФ, положения гл. 43 ТК РФ не распространяются на случаи, когда управление организацией осуществляется по договору с другой организацией (управляющей организацией) или индивидуальным предпринимателем (управляющим). Тот факт, что нормы гл. 43 ТК РФ не регулируют отношения с управляющими организациями, объясняется тем, что с ними заключается гражданско-правовой договор.

Из изложенного следует, что руководителем унитарного предприятия может выступать только физическое лицо.

Представляется, что управляющая организация не может выступать в качестве единоличного исполнительного органа и в учреждениях, так как в п. 4 ст. 123.21 ГК РФ указывается, что учредитель учреждения назначает его руководителя. По нашему мнению, как и в случае с государственными и муниципальными унитарными предприятиями, руководителем учреждения является физическое лицо в соответствии со ст. 273 ТК РФ. Если бы законодатель хотел предоставить возможность управления учреждением юридическому лицу, то он бы использовал термин «единоличный исполнительный орган», как это делается, например, в п. 2 ст. 123.10, п. 3 ст. 65.3 ГК РФ и др.

Иная ситуация складывается в отношении фонда. Формулировка п. 2 ст. 123.19 ГК РФ о том, что «высший коллегиальный орган фонда избирает единоличный исполнительный орган фонда (председателя, генерального директора и т. д.)», схожа с диспозицией п. 3 ст. 65.3 ГК РФ. В то же время в п. 3 ст. 65.3 ГК РФ прямо указывается, что в качестве единоличного исполнительного органа может выступать и юридическое лицо. В нормах, посвященных фонду, такое указание отсутствует. Вместе с тем в п. 1 ст. 123.20-2 ГК РФ закреплено, что единоличным исполнительным органом наследственного фонда может являться как физическое, так и юридическое лицо. Наследственный фонд, исходя из нормы п. 5 ст. 123.17 ГК РФ, – это специальный вид фонда. Такой позиции, в частности, придерживается П. В. Крашенинников¹.

Таким образом, гражданским законодательством РФ предусмотрена возможность привлекать в качестве единоличного исполнительного органа фонда, являющегося некоммерческой унитарной организацией, юридическое лицо.

Более того, как следует из проанализированных случаев, законодатель разграничивает термины «единоличный исполнительный орган» (в качестве которого могут выступать и физические, и юридические лица) и «руководитель» (которым может быть только физическое лицо).

В п. 3 ст. 123.25 ГК РФ указано, что учредители (учредитель) автономной некоммерческой организации назначают единоличный исполнительный орган, и, по нашему мнению, в таком качестве может выступать как юридическое, так и физическое лицо.

В положениях ГК РФ о религиозной организации, как и в нормах Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», отсутствует упоминание о единоличном исполнительном органе. По всей видимости, вопросы о порядке управления в религиозной организации остаются на усмотрение самой организации и прописываются в ее уставе.

Сказанное позволяет заключить, что юридическое лицо может выступать в качестве единоличного исполнительного органа как в корпорациях, так и в унитарных организациях, но только если это не противоречит действующему законодательству РФ.

В законе отсутствует указание на возможность унитарного предприятия управлять юридическим лицом. Кроме того, в ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» нет правила, допускающего участие государственных и муниципальных унитарных предприятий в управлении юридическими лицами. В связи

¹ Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

с этим полагаем, что унитарное предприятие не может выступать в качестве единоличного исполнительного органа организаций.

Интересным представляется и противоречие норм, установленных в подп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ и ст. 69 ФЗ об АО, подп. 2 п. 2.1 ст. 32 ФЗ об ООО. ГК РФ к исключительной компетенции общего собрания относит принятие решения о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества другому хозяйственному обществу (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему). В то же время в указанных выше правилах ФЗ об АО и ФЗ об ООО закреплена возможность передачи полномочий единоличного исполнительного органа общества коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю. По нашему мнению, данная проблема должна решаться в пользу правила, установленного в ФЗ об АО и ФЗ об ООО, в связи с тем что отсутствуют какие-либо основания для законодательного ограничения возможности коммерческих организаций выступать в качестве единоличного исполнительного органа в хозяйственных обществах.

Из изложенного следует, что управляющей организацией является юридическое лицо, выступающее в качестве единоличного исполнительного органа, деятельность которого направлена на систематическое получение прибыли в связи с оказанием услуг по управлению организацией. При этом оплата услуг управляющей организации может быть и не связана с доходом самого управляемого юридического лица. Если управляемое юридическое лицо не получает дохода от своей деятельности, вознаграждение управляющей организации за оказанные услуги все равно выплачивается.

Вместе с тем, как отмечает Е. С. Бельчева, количество споров между участниками хозяйственных обществ и управляющими организациями возрастает с каждым днем¹, что делает актуальным вопрос об ответственности управляющей организации.

До внесения в ГК РФ изменений от 5 мая 2014 г. ответственность управляющей организации была предусмотрена только перед обществом и регулировалась п. 2 ст. 71 ФЗ об АО, согласно которому управляющая организация или управляющий несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), если иные основания ответственности не установлены федеральными законами. Данное правило было принято в целях развития положения, предусмотренного п. 3 ст. 53 ГК РФ, где сказано, что в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно.

Кроме того, как отмечается в судебной практике, общее собрание акционеров не вправе рассматривать вопросы, не отнесенные к его компетенции, и принимать по ним решения. Любые такие решения и все совершенные на их основании действия не будут иметь юридической силы. В связи с этим общее собрание акционеров не вправе принимать решение по вопросу об ответственности управляющей организации².

Таким образом, иных мер ответственности, кроме закрепленных ФЗ об АО или ФЗ об ООО, для управляющей организации не предусмотрено и, более того, такие меры не могут быть установлены общим собранием акционеров.

1 сентября 2014 г. вступили в силу изменения в гл. 4 части первой ГК РФ. Была введена ст. 53.1 ГК РФ, которая в п. 1 устанавливает: «Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени (пункт 3 статьи 53), обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу».

Лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность,

¹ Бельчева Е. С. Особенности ответственности управляющей организации в хозяйственном обществе // Нижегородский адвокат. 2014. № 1. URL: <http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/46343-osobennosti-otvetstvennosti-upravlyayushchej-organizatsii-v-khozyajstvennom-obshchestve>.

² См., например: постановление ФАС Центрального округа от 24 января 2006 г. № А68-200/ГП-16-05.

если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску».

Данное правило в юридической литературе является одним из примеров «проникновения за корпоративный занавес», «снятия корпоративных покровов», или «поднятия корпоративной вуали»¹, и положительно оценивается в научной юридической литературе². По смыслу приведенной нормы управляющая организация может быть привлечена к ответственности за убытки, причиненные по ее вине юридическому лицу.

Вместе с тем в абз. 1 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ в качестве условия ответственности названа вина лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица. В абз. 2 в качестве условия ответственности указано недобросовестное и неразумное поведение такого лица при управлении корпорацией. При этом отдельные ученые недобросовестность и неразумность относят к формам вины как к одному из условий гражданско-правовой ответственности лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица³. По нашему мнению, это некорректно.

Традиционно к условиям гражданско-правовой ответственности причисляют противоправность, вред, причинно-следственную связь и вину. В цивилистической науке сложилось два подхода к пониманию вины – субъективный и объективный. Согласно первому вина трактуется как отношение лица, совершившего правонарушение, к своему деянию и наступившим последствиям⁴. В рамках второго вина выражается в непринятии правонарушителем всех необходимых мер для надлежащего исполнения обязательства⁵. Именно объективный подход получил легальное закрепление в ст. 401 ГК РФ. При этом ГК РФ предусматривает только две формы вины – умысел и неосторожность.

К противоправности относится любое нарушение субъективных гражданских прав⁶. В то же время вина и противоправность не являются тождественными понятиями. Правонарушение может наступить и при отсутствии вины (например, в случае причинения вреда источником повышенной опасности).

В абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ недобросовестность и неразумность упоминаются применительно к действию (бездействию) и соответственно относятся к противоправности, а не к вине. Вина рассматривается как самостоятельное условие в абз. 1 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ. В ином случае получилось бы, что законодатель установил в этом положении презумпцию вины, а в следующем абзаце презумпцию добросовестности, что способствовало бы дисбалансу в правовом регулировании ответственности лица, уполномоченного выступать в качестве единоличного исполнительного органа.

Таким образом, вина и недобросовестное и неразумное поведение являются самостоятельными условиями имущественной ответственности управляющей организации, которая выступает в качестве единоличного исполнительного органа юридического лица. При этом недобросовестное и неразумное поведение относится к такому условию гражданско-правовой ответственности, как противоправность.

¹ Шевченко Г. Н. Проблема «снятия корпоративных покровов» в Проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 1–2. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=797.

² Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. URL: <http://shitkina-law.ru/publikatsii/snyatie-korp-vuali.html>.

³ См., например: Текутьев Д. И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М., 2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Быканов Д. Д. Привлечение к субсидиарной ответственности в банкротстве // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Г. Г. Астахов, О. А. Беляева, Е. Ю. Борзило и др.; отв. ред. В. Ф. Яковлев. М., 2019. Вып. 25. СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955; Синцов Г. В. К вопросу о значении вины при нарушении обязательств в гражданском праве // Юрист. 2015. № 22. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: учеб. пособие. М., 2016. С. 287, 288; Шевченко Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. 2017. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См., например: Гражданское право: учеб.: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

Список литературы

Белоусова И. Е. Правовое регулирование механизма передачи полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица управляющей организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-mekhanizma-peredachi-polnomochii-edinolichnogo-ispolnitelnogo-organa-#ixzz3WL1I30rZ>.

Белычева Е. С. Особенности ответственности управляющей организации в хозяйственном обществе // Нижегородский адвокат. 2014. № 1. URL: <http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/46343-osobennosti-otvetstvennosti-upravlyayushchej-organizatsii-v-khozyajstvennom-obshchestve>.

Быканов Д. Д. Привлечение к субсидиарной ответственности в банкротстве // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Г. Г. Астахов, О. А. Беляева, Е. Ю. Борзило и др.; отв. ред. В. Ф. Яковлев. М., 2019. Вып. 25. СПС «КонсультантПлюс».

Гражданское право: учеб.: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Матвеев Г. К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955.

Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: учеб. пособие. М., 2016.

Синцов Г. В. К вопросу о значении вины при нарушении обязательств в гражданском праве // Юрист. 2015. № 22. СПС «КонсультантПлюс».

Текутьев Д. И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М., 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Шевченко Г. Н. Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. 2017. № 3. СПС «КонсультантПлюс».

Шевченко Г. Н. Проблема «снятия корпоративных покровов» в Проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Бизнес, менеджмент и право. 2017. № 1-2. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=797.

Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. URL: <http://shitkina-law.ru/publikatsii/snyatie-korp-vuali.html>.

References

Belousova I. E. Pravovoe regulirovanie mekhanizma peredachi polnomochii edinolichnogo ispolnitel'nogo organa yuridicheskogo litsa upravlyayushchei organizatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-mekhanizma-peredachi-polnomochii-edinolichnogo-ispolnitelnogo-organa-#ixzz3WL1I30rZ>.

Belycheva E. S. Osobennosti otvetstvennosti upravlyayushchei organizatsii v khozyaistvennom obshchestve // Nizhegorodskii advokat. 2014. № 1. URL: <http://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/46343-osobennosti-otvetstvennosti-upravlyayushchej-organizatsii-v-khozyajstvennom-obshchestve>.

Bykanov D. D. Privlechenie k subsidiarnoi otvetstvennosti v bankrotstve // Kommentarii praktiki rassmotreniya ekonomicheskikh sporov (sudebno-arbitrazhnoi praktiki) / G. G. Astakhov, O. A. Belyaeva, E. Yu. Borzilo i dr.; отв. ред. V. F. Yakovlev. M., 2019. Vyp. 25. SPS «Konsul'tantPlyus».

Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 2 t. / S. S. Alekseev, O. G. Alekseeva, K. P. Belyaev i dr.; pod red. B. M. Gongalo. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2018. T. 1 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Krashennnikov P. V. Nasledstvennoe pravo (vklyuchaya nasledstvennyye fondy, nasledstvennyye dogovory i sovmestnyye zaveshchaniya). 4-e izd., pererab. i dop. M., 2019 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Matveev G. K. Vina v sovetskom grazhdanskom prave. Kiev, 1955.

Sarbash S. V. Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv: ucheb. posobie. M., 2016.

Sintsov G. V. K voprosu o znachenii viny pri narushenii obyazatel'stv v grazhdanskom prave // Yurist. 2015. № 22. SPS «Konsul'tantPlyus».

Shevchenko G. N. Problema «snyatiya korporativnykh pokrovov» v Proekte izmenenii Grazhdanskogo kodeksa RF // Biznes, menedzhment i pravo. 2017. № 1-2. URL: http://bmpravo.ru/show_stat.php?stat=797.

Shevchenko G. N. Vina kak uslovie grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti v rossiiskom grazhdanskom prave // Sovremennoe pravo. 2017. № 3. SPS «Konsul'tantPlyus».

Shitkina I. S. «Snyatie korporativnoi vuali» v rossiiskom prave: pravovoe regulirovanie i praktika primeneniya // Khozyaistvo i pravo. 2013. № 2. URL: <http://shitkina-law.ru/publikatsii/snyatie-korp-vuali.html>.

Tekut'ev D. I. Pravovoi mekhanizm povysheniya effektivnosti deyatel'nosti chlenov organov upravleniya korporatsii. M., 2017 // SPS «Konsul'tantPlyus».

О ПОНЯТИИ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Бабич Арсений Андреевич

Главный юрисконсульт ПАО «Газпром» (Санкт-Петербург), e-mail: arseny-babich@yandex.ru

Автор предпринимает попытку определить суть государственно-частного партнерства (ГПЧ) в области охраны окружающей среды и рассмотреть перспективные направления его использования, поскольку действующая модель правового регулирования не предполагает применение института ГЧП для реализации любых экологических проектов. Полученные выводы, на взгляд автора, могут внести вклад в формирование научно обоснованного подхода к совершенствованию законодательства в области охраны окружающей среды в части использования ГПЧ для решения экологических проблем.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, государственно-частное партнерство, окружающая среда, правовая природа, экология

TO THE CONCEPT AND PROMISING AREAS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Babich Arsenii

Chief legal counsel, PJSC Gazprom (St. Petersburg), e-mail: arseny-babich@yandex.ru

The author attempts to determine the essence of public-private partnership (PPP) in the field of environmental protection and considers promising areas of its use, since the current model of legal regulation does not imply the use of PPP institute for the implementation of any environmental projects. In the author's opinion, the results obtained can contribute to the formation of a scientifically based approach to improving the legislation in the field of environmental protection in terms of using PPP to solve environmental problems.

Key words: environmental protection, public-private partnership, environment, legal nature

Охрана окружающей среды в мире и в России в частности является важной задачей. Государство не только видит существующие проблемы в этой сфере, но и делает шаги по их решению путем увеличения расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на охрану окружающей среды. И доля таких расходов с каждым годом возрастает. Так, если рассматривать последние периоды, то в 2015 г. затраты составляли около 0,24 % от общих расходов. В 2016 г. эта цифра увеличилась до 0,27 %, в 2017 г. – до 0,36 %, в 2018 г. – до 0,43 %, а в 2019 г. – до рекордных 0,66 %¹. Для сравнения в 2007 г. затраты на охрану окружающей среды составили 0,23 % от общих расходов, в 2008 г. эта цифра уменьшилась до 0,22 %, в 2009 г. – до 0,18 %, а в 2010 г. – до 0,16 %. В период с 2011 по 2013 г. затраты на охрану окружающей среды составляли 0,19 %, а с 2014 г. стали увеличиваться, достигнув 0,25 %².

Тем не менее расходование бюджетных средств на охрану окружающей среды не столь значительно, чтобы эффективно и сравнительно быстро решать существующие

¹ Ежегодная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации // Минфин России: офиц. сайт. URL: <https://www.minfin.ru/ru/statistics/conbud/> (дата обращения: 19.12.2019).

² Там же.

проблемы. Именно поэтому в вопросе решения экологических проблем следует использовать правовые механизмы, которые разработаны для решения схожих вопросов, и одним из таких механизмов выступает институт государственно-частного партнерства (далее также – ГПЧ).

Обращение к институту ГПЧ является трендом последнего времени, о чем свидетельствует развитие соответствующего законодательства, а также большое количество публикаций не только ученых-юристов, но и представителей других областей знаний, среди которых – экономисты¹ и даже врачи². Данный институт в общем виде представляет собой механизм (инструмент) привлечения в экономику страны частных инвестиций для реализации социально значимых проектов, развития инфраструктуры. Частные партнеры в свою очередь видят в этом возможный источник дохода. Общество также выигрывает от такого сотрудничества, поскольку получает соответствующее благо.

Общими признаками, которые применимы ко всем направлениям государственно-частного партнерства, будь то партнерство в области охраны окружающей среды, образовательной, медицинской или спортивной сферах, являются привлечение инвестиций, соглашение между частным и публичным партнером, учитывающее разделение рисков по проекту. Вместе с тем реализация любого проекта ГПЧ направлена в итоге на решение конкретной задачи в определенной сфере. Например, строительство объекта здравоохранения и передача его в управление частному партнеру позволяют решить проблему нехватки медицинских учреждений и повысить качество предоставляемых медицинских услуг населению. Частные инвестиции здесь выступают вспомогательным элементом для государства.

ГПЧ в области охраны окружающей среды направлено на решение связанных с охраной окружающей среды задач, таких как снижение количества выбросов загрязняющих веществ в атмосферу; снижение количества сбросов загрязняющих веществ в водные объекты; очистка сточных вод; обработка, утилизация, обезвреживание, размещение отходов; ликвидация накопленного экологического ущерба; увеличение биоразнообразия; экологическое просвещение; развитие альтернативной энергетики и т. д. Решение задач в области охраны окружающей среды может повлечь за собой параллельное решение иных задач в других областях, и наоборот. Яркий пример – ГПЧ в отношении объектов, связанных с твердыми коммунальными отходами (подп. 13 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», далее – Закон о ГЧП). При реализации таких проектов публичный субъект решает, с одной стороны, задачу создания комфортных условий проживания граждан на соответствующих территориях, а с другой – задачу по охране окружающей среды в части недопущения попадания в компоненты природной среды веществ и организмов, которые могут привести к их загрязнению.

Поэтому один и тот же проект ГПЧ может относиться к разным сферам, так как направлен на решение разных задач; однако если он решает ту или иную задачу в области охраны окружающей среды, то, полагаясь, его можно относить к экологическим ГЧП-проектам при условии, что цель такого проекта состоит в достижении экологически полезного результата (например, в снижении количества отходов, направляемых на размещение; улучшении качества атмосферного воздуха; приведении земельных участков в пригодное состояние и пр.). Исходя из этого ГПЧ в области охраны окружающей среды представляет собой такое взаимодействие публичных и частных субъектов, которое прямо или косвенно направлено на решение задач в области охраны окружающей среды с целью достижения экологически полезного результата.

¹ Пластинина Е. А. Концессионные соглашения как форма государственно-частного партнерства // Прогнозказ.рф. 2017. № 5. С. 50–69. URL: <https://xn--80aahqcqybgko.xn--p1ai/141/39322/13/16302/38926/39089/39242/41942.html> (дата обращения: 19.12.2019).

² Куракин А. В., Полукаров А. В., Смирнова В. В., Милиевская Е. Б. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения // Административное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 234–247.

Однако сегодня использование ГПЧ в области охраны окружающей среды затруднительно, что связано и с эффективностью существующего правового регулирования, и с экономической стороной таких проектов. Одной из проблем, в частности, является ограниченность объектов (проектов), которые могут быть реализованы на основе ГПЧ.

Пункт 1 ст. 7 Закона о ГПЧ содержит закрытый перечень объектов ГЧП, из которых только несколько можно причислить к объектам, имеющим отношение к охране окружающей среды. Это объекты, связанные с обращением с твердыми коммунальными отходами (подп. 13); производством, передачей и распределением электрической энергии (в части использования возобновляемых источников энергии) (подп. 8); мелиоративными системами (подп. 15); экотуризмом (подп. 12), производством аквакультуры (подп. 16)¹.

Кроме того, подп. «в» п. 17 Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г., предусмотрено обеспечение широкого применения государственно-частного партнерства при государственном финансировании (софинансировании) мероприятий по оздоровлению экологически неблагополучных территорий, ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической и иной деятельностью. Вместе с тем в Законе о ГЧП отсутствуют соответствующие объекты и / или механизмы реализации указанных положений.

Рассмотрим некоторые области охраны окружающей среды, в которых возможно использование механизма ГПЧ.

1. Обращение с отходами производства и потребления. Масштабы образования отходов при эксплуатации предприятий колоссальны. Согласно данным ежегодного доклада об охране окружающей среды в Российской Федерации, количество использованных и обезвреженных отходов производства и потребления в целом по стране возросло с 1396 млн т в 2006 г. до 2685 млн т в 2015 г., т. е. увеличение произошло почти в два раза. При этом уровень использования (обезвреживания) отходов производства и потребления по отношению к объему их образования повысился с 40 до 53 %². В 2016 г. этот рост продолжился: соответствующая величина составила 3244 млн т. При этом уровень использования (обезвреживания) отходов производства и потребления по отношению к объему их образования возрос с 40 % в 2006 г. до 53 % в 2015 г. и 60 % в 2016 г., т. е. превысил уровень использования и обезвреживания в Евросоюзе (52 % в 2015 г.)³. В целом можно отметить положительную динамику использования и обезвреживания отходов.

Для управления материальными потоками отходов требуется создание определенной инфраструктуры, состоящей из объектов сбора, накопления, обработки, обезвреживания, транспортирования и утилизации отходов производства и потребления. Формирование такой инфраструктуры является, на наш взгляд, общегосударственной задачей, поскольку в ст. 42 Конституции РФ закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду, а в ст. 58 – обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду. Понимая общепользную цель, государство и частные субъекты могут объединять ресурсы для ее достижения.

В Закон о ГЧП направление в области обращения с отходами включено в усеченном виде. Возможна реализация проектов только в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, тогда как другие объекты, предназначенные для обработки, утилизации, обезвреживания, захоронения иных отходов, остались не охвачены, хотя необходимость использования механизма ГПЧ для финансирования строительства таких объектов очевидна.

¹ Подробнее см.: Бабич А. А. Законодательство о государственно-частном партнерстве в области охраны окружающей среды // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10А. С. 147–158. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.017.

² Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М., 2016. С. 232. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/411/dokl2015.pdf> (дата обращения: 30.12.2018).

³ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М., 2017. С. 287. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/medialibrary/414/Госдоклад%202016.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

Основы использования данного института в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами были заложены в 2013 г., когда была утверждена комплексная стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами на территории Российской Федерации¹. Исходя из положений стратегии, ГПЧ рассматривается только как механизм привлечения денежных средств.

В иных документах стратегического характера в области обращения с отходами институту ГПЧ также отводится роль одного из источников получения денежных средств для реализации тех или иных программ. В частности, в 2018 г. Правительством РФ была утверждена Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года (далее – Стратегия), в которой определено, что дополнительными источниками финансового обеспечения мероприятий по реализации указанной Стратегии могут являться, среди прочего, средства частных инвесторов, в том числе в рамках государственно-частного партнерства².

Таким образом, если до 2018 г. использование ГПЧ ограничивалось только объектами твердых коммунальных отходов, то после 2018 г. можно предположить использование ГПЧ для всей отрасли обработки, утилизации и обезвреживания отходов.

В контексте Стратегии 2018 г. отрасль промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов представляет собой совокупность экономически, технически и организационно взаимосвязанных хозяйствующих субъектов одной или нескольких отраслей экономики, осуществляющих деятельность по вовлечению отходов в хозяйственный оборот, созданию и развитию инновационных технологий ресурсосбережения, обработки, утилизации и обезвреживания отходов, внедрению специального промышленного оборудования, техники, установок по экологически безопасному обращению с отходами. Данная отрасль не ограничивается только объектами переработки, утилизации или объектами обезвреживания отходов, а носит системный характер, поскольку в ней задействованы субъекты из разных отраслей экономики: науки, машиностроения, станкостроения, сферы оказания услуг, транспорта и т. д. Такой подход позволит широко использовать институт ГПЧ в сфере обращения с отходами на всех стадиях их «жизненного цикла».

Использование ГПЧ в сфере обращения с отходами, как это определено в Стратегии, может быть начато, однако, не ранее, чем соответствующие объекты ГПЧ будут закреплены в законодательстве.

2. Ликвидация накопленного экологического ущерба. На протяжении долгого времени, в период масштабного развития и функционирования промышленности в России, осуществлялось стихийное и нерегламентированное размещение опасных отходов без учета их воздействия на окружающую среду и здоровье человека. Последствием такого негативного воздействия на окружающую среду является накопленный экологический ущерб.

Согласно данным Министерства природных ресурсов РФ, по результатам инвентаризации, завершенной в 2013 г., на территории России с советских времен осталось по меньшей мере 340 «горячих точек» с накопленными промышленными загрязнениями. Большинство территорий при этом заселены, на них проживают около 17 млн человек, которые соответственно находятся в зоне влияния таких объектов. Общая площадь загрязненных земель оценивается более чем в 77,6 тыс. га³.

До недавнего времени вопрос ликвидации накопленного экологического ущерба не был законодательно урегулирован. Некоторые ученые констатировали фактически полное отсутствие нормативной правовой базы в области возмещения прошлого (накопленного) экологического вреда⁴. Иные специалисты при этом отмечали, что

¹ Приказ Минприроды России от 14 августа 2013 г. № 298.

² Распоряжение Правительства РФ от 25 января 2018 г. № 84-р «Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года».

³ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М., 2017. С. 489, 559. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/medialibrary/414/Госдоклад%202016.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

⁴ Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex Russica. 2016. № 8. С. 130–140.

определить виновных и возложить на них бремя ликвидации такого вреда практически невозможно¹. Вместе с тем, начиная с 2009 г., можно отследить, как государством признавалась существующая проблема. Это нашло выражение в закреплении необходимости ликвидации накопленного экологического ущерба в документах стратегического характера².

В 2012 г. был издан приказ Росприроднадзора «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению инвентаризации объектов накопленного экологического ущерба», который утратил силу в 2014 г. в связи с завершением работ по проведению инвентаризации объектов накопленного экологического ущерба³. Между тем Министерством природных ресурсов РФ с 2012 г. выполняются работы по ликвидации накопленного в период прошлой хозяйственной деятельности экологического ущерба на выявленных загрязненных территориях⁴.

Начиная с 2009 г., прослеживалась тенденция к признанию государством ответственности за накопленный экологический ущерб. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что нет никаких правовых оснований для перекладывания ее на бизнес. Во многих случаях объекты накопленного экологического ущерба являются бесхозными и образовались во времена СССР, когда не было разделения предприятий на частные и государственные – они все принадлежали государству. С момента приватизации предприятий, от деятельности которых накопился экологический ущерб, совершенно достаточное количество сделок по дроблению и перепродаже имущества этих предприятий. В результате в большинстве случаев текущий собственник активов ранее приватизированного предприятия является добросовестным. Более того, в момент приобретения он не принимал на себя обязательств по рекультивации территории, которая не входила в предмет сделки. Конечно, можно согласиться с учеными, которые полагают несправедливым возложение обязанности по ликвидации накопленного экологического ущерба только на государство с учетом характера проведенной в 1990-е гг. приватизации⁵, однако учитывая изложенные аргументы, следует признать такой подход государства оправданным.

В 2016 г. были внесены изменения в Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», где законодателем бремя ответственности за ликвидацию накопленного экологического вреда было возложено на государство. Кроме того, было дано легальное определение понятиям «накопленный вред окружающей среде» и «объекты накопленного вреда окружающей среде», а также установлен порядок выявления, оценки, учета и организации работ по ликвидации накопленного экологического вреда⁶. С одной стороны, законодательство содержит механизм по ликвидации накопленного экологического вреда, но с другой – этот механизм не является совершенным – учеными-юристами отмечается ряд его недостатков⁷ – и не учитывает возможности института ГПЧ.

В упомянутых Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года предусмотрено обеспечение широкого применения ГПЧ для решения проблемы накопленного экологического

¹ Проблема накопленного экологического ущерба требует решения на законодательном уровне // Торгово-промышленная палата Российской Федерации: офиц. сайт. 2016. 29 июня. URL: <http://tpprf.ru/interaction/committee/komust/news/142894/> (дата обращения: 17.09.2019).

² См., например: распоряжение Правительства РФ от 27 августа 2009 г. № 1235-р «Об утверждении Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года»; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года, утв. Правительством РФ 31 января 2013 г.; постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Охрана окружающей среды“ на 2012–2020 годы».

³ Приказ Росприроднадзора от 8 октября 2014 г. № 619 «Об отмене приказа Росприроднадзора от 25 апреля 2012 г. № 193».

⁴ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». С. 559.

⁵ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / Л. П. Берназ, И. Н. Жочкина, Н. В. Кичигин и др.; отв. ред. Н. И. Хлуденева. М., 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный).

ущерба. Однако законодатель, принимая Закон о ГЧП и поправки к Федеральному закону «Об охране окружающей среды», соответствующие положения не учел.

Разработать приемлемую модель правового регулирования государственно-частного партнерства в области ликвидации накопленного экологического ущерба профильным органам исполнительной власти не удалось. В начале 2013 г. председатель Правительства РФ дал Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации поручение разработать программу ликвидации накопленного экологического ущерба, что последним и было сделано¹, однако в виде отдельного документа федеральная целевая программа утверждена не была.

В пояснительной записке к проекту этой программы указывалось, что проекты, направленные на ликвидацию накопленного экологического ущерба, реализуются на основе государственно-частного партнерства при условии, что объект прошлого экологического ущерба расположен на территории (или рядом с территорией) действующего субъекта хозяйственной деятельности, но конкретный виновник нанесения экологического ущерба не может быть установлен или не может быть привлечен к ответственности в связи со значительным сроком давности нанесения данного экологического ущерба².

Вместе с тем законодательством на собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков возложены обязанности по защите земель от загрязнения химическими веществами, в том числе радиоактивными, иными веществами и микроорганизмами, загрязнения отходами производства и потребления и другого негативного воздействия (подп. 2 п. 1 ст. 13 Земельного кодекса РФ). Указанные лица могут быть освобождены от бремени исполнения данных обязанностей только в случае утраты самого титула владения. Во всех иных случаях они обязаны такие мероприятия проводить. Неисполнение упомянутой обязанности влечет применение к таким субъектам санкций со стороны государства.

В связи с этим возникает следующий вопрос: почему государство должно финансировать мероприятия по ликвидации накопленного экологического ущерба на земельных участках, принадлежащих хозяйствующим субъектам, если существует механизм понуждения последних за свой счет такой ущерб ликвидировать? Кроме того, ликвидировать накопленный экологический ущерб на близлежащей к предприятию территории силами такого предприятия (программа предполагала финансирование по схеме «предприятие (70 %) – государство (30 %)»³) без каких-либо дополнительных привилегий для него со стороны публичного субъекта – задача практически невыполнимая. Предложенная модель, скорее, предполагает не партнерство, а благотворительность со стороны бизнеса.

Некоторые ученые ставят под сомнение саму возможность правового регулирования вопросов ГЧП применительно к ликвидации накопленного экологического ущерба. Так, И. А. Игнатьева отмечает, что тема государственно-частного партнерства не развита в ФЗ «Об охране окружающей среды», поскольку «связанные с применением государственно-частного партнерства вопросы в каждом конкретном случае требуют индивидуальных подходов, которые могут существенно варьироваться, в то время как регулирование, осуществляемое нормами права, всегда предполагает общий характер их применения к регулируемым общественным отношениям (отсутствии персонификации, направленности на многократное использование)»⁴. Данный вывод заслуживает внимания и, по нашему мнению, в обязательном порядке должен быть учтен при разработке модели правового регулирования ГЧП в области охраны окружающей среды. Однако отказываться от самой идеи использования механизма ГЧП при решении экологических проблем не стоит.

¹ Накопленному экоущербу пишут программу. Ее приоритеты Минприроды определил на ощупь // Коммерсантъ. 2013. 13 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2200193> (дата обращения: 16.09.2019).

² Приведено по: Пинаев В. Е., Чернышев Д. А. Ликвидация накопленного экологического ущерба – организационные и правовые аспекты: моногр. М., 2017. С. 99. URL: <http://izd-mn.com/PDF/07MNNPM17.pdf> (дата обращения: 16.09.2019).

³ Пинаев В. Е., Чернышев Д. А. Указ. соч. С. 70.

⁴ Игнатьева И. А. Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 164–177.

Специалисты рекомендуют передавать территорию, на которой находится объект накопленного экологического ущерба, с условием его ликвидации и предоставления экономических преимуществ частному партнеру или привлекать на конкурсной основе частных партнеров для выполнения за счет последних работ по ликвидации накопленного экологического ущерба, а взамен предоставлять частному партнеру экономические выгоды¹. Данная модель видится спорной по нескольким причинам. Во-первых, предоставление земельного участка, на котором находится объект накопленного экологического ущерба, не всегда будет интересно частному партнеру с экономической точки зрения, особенно если такой участок располагается в неудобном районе, например на значительном расстоянии от населенных пунктов. Во-вторых, авторы такого предложения не определяют экономические выгоды, предоставляемые частному партнеру, и правовые основания их предоставления.

3. *Иные направления использования института ГПЧ в сфере охраны окружающей среды.* Очевидно, что при существующей модели правового регулирования использовать институт государственно-частного партнерства в целях охраны окружающей среды в полной мере нельзя. Причины этого мы указали ранее. Вместе с тем полагаем необходимым обозначить те сферы, в которых использование ГПЧ было бы полезным для его сторон.

В 40 субъектах Российской Федерации более 54 % городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха². И государство, и бизнес заинтересованы в том, чтобы снизить эти показатели. Для государства данная задача является эколого-социальной, для многих субъектов хозяйственной деятельности – экономической, поскольку уменьшая количество выбрасываемых загрязняющих веществ, предприятие снижает размер платы за негативное воздействие на окружающую среду и, кроме того, может избежать соответствующего штрафа.

Все источники загрязнения атмосферного воздуха, согласно Федеральному закону от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», можно разделить на стационарные и передвижные. Задача, которая стоит перед обществом, – минимизировать негативное воздействие от таких источников.

Бремя по минимизации выбросов от передвижных источников в большей степени лежит на государстве. Согласно данным аналитического агентства «Автостат», по состоянию на 1 января 2018 г. парк автомобильной техники на территории Российской Федерации составил 50,6 млн единиц, почти 84 % приходится на легковые автомобили³. При этом автотранспорт является основным загрязнителем атмосферного воздуха в городах⁴, а вред от таких выбросов изучен и доказан как на мировом, так и на государственном уровне⁵. Профильное министерство Российской Федерации, а также ученые видят решение сложившейся проблемы в смене топлива. Предлагается вместо бензина и дизельного топлива использовать газомоторное топливо либо задействовать автотранспорт, работающий от электроэнергии. Следовательно, в сфере развития газомоторного топлива, а также электромобилей возможно использование инструментов ГПЧ.

Другим объектом ГПЧ могут выступать системы очистки вод, поскольку проблема сброса загрязняющих веществ в водные объекты является для России актуальной. Согласно Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года⁶ 19,2 куб. км сточных вод, сбрасываемых ежегодно, подлежит очистке. При этом только 11 % очищаются до установленных нормативов, остальные сбрасываются недо-

¹ Кабацкая Л. Н. Право юридических лиц на ликвидацию накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2018. № 2. С. 11–15.

² Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

³ В России числится более 50 млн автотранспортных средств // Автостат: аналит. агентство. 2018. 15 февр. URL: <https://www.autostat.ru/news/33159/> (дата обращения: 26.06.2019).

⁴ В России растет количество выбросов от автотранспорта («Известия») // Автостат: аналит. агентство. 2018. 31 мая. URL: <https://www.autostat.ru/articles/34458/> (дата обращения: 26.06.2019).

⁵ См., например: Бобылев С. Н., Ревич Б. А. Экологизация экономики и здоровье населения // Экологическое право. 2018. № 5. С. 48–53.

⁶ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 27 августа 2009 г. № 1235-р.

статочны очищенными или загрязненными без очистки. На долю предприятий ЖКХ приходится 60 % стоков, а на долю промышленности – 25 %. В указанной Стратегии отмечается, что подобный уровень антропогенной нагрузки выступает одной из основных причин деградации рек, водохранилищ, озерных систем, накопления в донных отложениях, водной растительности и водных организмах загрязняющих веществ, в том числе токсичных, и ухудшения качества вод поверхностных водных объектов, используемых в качестве источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения и являющихся средой обитания водных биологических ресурсов.

Таким образом, снижение антропогенной нагрузки на водные объекты является общегосударственной задачей. И в этой сфере роль государства чрезвычайно важна. Именно поэтому очистка сточных вод может быть той областью, где бизнес и государство будут финансировать соответствующие проекты совместно. На всех предприятиях целесообразно установить или модернизировать очистные сооружения, благодаря чему снизится антропогенная нагрузка на водные объекты, а субъекты хозяйственной деятельности не будут подвергаться штрафам за отсутствие или неэффективность очистных сооружений. Участие государства и бизнеса в обеспечении предприятий очистными сооружениями может также стать стимулом для развития соответствующего сектора российской экономики по разработке и производству очистных сооружений, что в условиях программы по импортозамещению весьма актуально.

Механизмы ГПЧ можно использовать также в целях сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов. Основными причинами перехода животных, растений и грибов в категорию редких и находящихся под угрозой исчезновения являются деградация и сокращение мест обитания в результате масштабного хозяйственного освоения территорий и прямое преследование со стороны человека, обусловленное какой-либо ценностью самого животного (например, ценная шкура, мясо, дериваты и др.). Серьезную угрозу для многих видов животных, растений и грибов представляют глобальные климатические изменения, последствия воздействия которых до конца не изучены.

В целях сохранения редких и находящихся под угрозой представителей флоры, фауны и грибов в Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года¹ закреплён ряд мероприятий; при этом финансовое обеспечение их выполнения предусмотрено, в том числе, за счёт внебюджетных источников в рамках ГПЧ. Среди мероприятий, которые были бы интересны частным партнерам с экономической точки зрения, можно выделить такие, как разведение питомников, рыбо-разводных центров, ботанических садов и дендрариев. Борьба с браконьерством также требует значительных финансовых ресурсов, и часть этих средств может быть получена от частных партнеров при развитии последними экотуризма на особо охраняемых природных территориях.

Список литературы

Бабиц А. А. Законодательство о государственно-частном партнерстве в области охраны окружающей среды // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 10А. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.017.

Бобылев С. Н., Ревич Б. А. Экологизация экономики и здоровье населения // Экологическое право. 2018. № 5.

В России растет количество выбросов от автотранспорта («Известия») // Автостат: аналит. агентство. 2018. 31 мая. URL: <https://www.autostat.ru/articles/34458/> (дата обращения: 26.06.2019).

В России числится более 50 млн автотранспортных средств // Автостат: аналит. агентство. 2018. 15 февр. URL: <https://www.autostat.ru/news/33159/> (дата обращения: 26.06.2019).

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». М., 2016. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/411/dokl2015.pdf> (дата обращения: 30.12.2018).

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году». М., 2017. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/medialibrary/414/Госдоклад%202016.pdf> (дата обращения: 25.07.2019).

Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex Russica. 2016. № 8.

¹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. № 212-р.

Игнатьева И. А. Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Российский юридический журнал. 2017. № 2.

Кабацкая Л. Н. Право юридических лиц на ликвидацию накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2018. № 2.

Куракин А. В., Полукаров А. В., Смирнова В. В., Милюевская Е. Б. Правовое регулирование государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения // Административное и муниципальное право. 2016. № 3.

Накопленному экоущербу пишут программу. Ее приоритеты Минприроды определил на ошупь // Коммерсантъ. 2013. 13 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2200193> (дата обращения: 16.09.2019).

Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / Л. П. Берназ, И. Н. Жочкина, Н. В. Кичигин и др.; отв. ред. Н. И. Хлуденева. М., 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Пинаев В. Е., Чернышев Д. А. Ликвидация накопленного экологического ущерба – организационные и правовые аспекты: моногр. М., 2017. URL: <http://izd-mn.com/PDF/07MNNPM17.pdf> (дата обращения: 16.09.2019).

Пластинина Е. А. Концессионные соглашения как форма государственно-частного партнерства // Прогосзаказ.рф. 2017. № 5. URL: <https://xn--80aahqcqybgko.xn--p1ai/141/39322/13/16302/38926/39089/39242/41942.html> (дата обращения: 19.12.2019).

Проблема накопленного экологического ущерба требует решения на законодательном уровне // Торгово-промышленная палата Российской Федерации: офиц. сайт. 2016. 29 июня. URL: <http://tpprf.ru/interaction/committee/komust/news/142894/> (дата обращения: 17.09.2019).

References

Babich A. A. Zakonodatel'stvo o gosudarstvenno-chastnom partnerstve v oblasti okhrany okruzhayushchei sredy // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 10A. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.017.

Bobylev S. N., Revich B. A. Ekologizatsiya ekonomiki i zdorov'e naseleniya // Ekologicheskoe pravo. 2018. № 5.

Gosudarstvennyi doklad «O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu». М., 2016. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/411/dokl2015.pdf> (data obrashcheniya: 30.12.2018).

Gosudarstvennyi doklad «O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2016 godu». М., 2017. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/medialibrary/414/Gosdoklad%202016.pdf> (data obrashcheniya: 25.07.2019).

Ignat'eva I. A. Pravovoe obespechenie likvidatsii nakoplennogo vreda okruzhayushchei srede // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2017. № 2.

Kabatskaya L. N. Pravo yuridicheskikh lits na likvidatsiyu nakoplennogo vreda okruzhayushchei srede // Ekologicheskoe pravo. 2018. № 2.

Kurakin A. V., Polukarov A. V., Smirnova V. V., Milievskaya E. B. Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere zdravookhraneniya // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2016. № 3.

Nakoplenному ekoushcherbu pishut programmu. Ee priority Minprirody opredelil na oshchup' // Kommersant". 2013. 13 maya. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2200193> (data obrashcheniya: 16.09.2019).

Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» (postateinyi) / L. P. Bernaz, I. N. Zhochkina, N. V. Kichigin i dr.; отв. red. N. I. Khludeneva. М., 2018 // СПС «Konsul'tantPlyus».

Pinaev V. E., Chernyshev D. A. Likvidatsiya nakoplennogo ekologicheskogo ushcherba – organizatsionnye i pravovye aspekty: monogr. М., 2017. URL: <http://izd-mn.com/PDF/07MNNPM17.pdf> (data obrashcheniya: 16.09.2019).

Plastinina E. A. Kontsessionnye soglasheniya kak forma gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Progoszakaz.rf. 2017. № 5. URL: <https://xn--80aahqcqybgko.xn--p1ai/141/39322/13/16302/38926/39089/39242/41942.html> (data obrashcheniya: 19.12.2019).

Problema nakoplennogo ekologicheskogo ushcherba trebuet resheniya na zakonodatel'nom urovne // Torgovo-promyshlennaya palata Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait. 2016. 29 iyunya. URL: <http://tpprf.ru/interaction/committee/komust/news/142894/> (data obrashcheniya: 17.09.2019).

V Rossii chislitsya bolee 50 mln avtotransportnykh sredstv // Avtostat: analit. agentstvo. 2018. 15 fevr. URL: <https://www.autostat.ru/news/33159/> (data obrashcheniya: 26.06.2019).

V Rossii rastet kolichestvo vybrosov ot avtotransporta («Izvestiya») // Avtostat: analit. agentstvo. 2018. 31 maya. URL: <https://www.autostat.ru/articles/34458/> (data obrashcheniya: 26.06.2019).

Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: zakonodatel'nye novely // Lex Russica. 2016. № 8.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Мурзин Дмитрий Витальевич

Доцент кафедры гражданского права Уральского государственного
юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: agaety@mail.ru

В статье проводится сравнение западной модели организации научной деятельности (с университетом как центром фундаментальных научных исследований) и российской модели, в которой исторически сложились два сектора научной деятельности (высшие учебные заведения и институты Академии наук). Предлагается заимствовать из западной модели не структуру, а передовые принципы организации научной деятельности, в первую очередь принципы сетевой науки. Анализируются положения российского законодательства о научно-образовательных центрах мирового уровня (НОЦ). Юридическая модель отношений по поводу создания и деятельности таких центров не имеет аналогов в российском законодательстве. С позиций классификации форм регламентации научной деятельности (экономические, финансовые, юридические) дается определение НОЦ. Делается вывод о том, что НОЦ – это форма организации научной деятельности на принципах сетевой науки с учетом исторических особенностей российской научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: наука, сетевая наука, организация научной деятельности, научно-образовательные центры мирового уровня, модель правового регулирования, объединения без образования юридического лица

LEGAL ISSUES OF RESEARCH ORGANIZATION IN MODERN RUSSIA**

Murzin Dmitrii

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: agaety@mail.ru

The author compares the Western model of research organization (a university as a center of basic scientific research) and the Russian model of research organization in which two sectors (universities and institutes of the Academy of Sciences) were historically developed. It is proposed to borrow from the Western model not the structure but the advanced principles of the organization of scientific activities, first of all the principles of network science. The article analyses the provisions of Russian legislation concerning world-class scientific and educational centers. The legal model of relations regarding the establishment and operation of such centers has no analogues in Russian legislation. The definition of a world-class scientific and educational center is given according to the classification of forms of research regulation (economic, financial, legal ones). It is concluded that a world-class scientific and educational center is a form of organizing scientific activities based on the principles of network science, taking into account the historical features of Russian research activities.

Key words: science, network science, research organization, world-class scientific and educational centers, model of legal regulation, associations without the formation of a legal entity

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15016.

** This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 18-29-15016.

Научная деятельность – это творческая деятельность, регулирование которой (в части охраны результатов интеллектуальной деятельности) осуществляется в рамках гражданского права¹. По мнению О. А. Красавчикова, существуют организационные условия творческого труда, включающие «известную гамму общественных отношений, посредством которых создатель нового имеет возможность отдать себя целиком и полностью творческой деятельности»². Тем самым отношения по организации научной деятельности имеют комплексный характер и отличаются от отношений по управлению научной деятельностью, которые охватываются преимущественно сферой административного права. О. А. Красавчиков делил организацию творческого труда на категории и указывал, что каждой категории «присущи специфические правовые формы проявления (выражения): индивидуальной – личная творческая автономия работника в рамках его гражданской правосубъектности; групповой – договорно-правовая; коллективной – юридическая личность соответствующего социального образования». Соответственно, ученый выделял три основные формы организации творческого труда: индивидуальную, групповую и коллективную, регламентирование которых осуществляется в рамках гражданского права³. Казалось бы, что подобные правовые формы организации научной деятельности являются общими для всех времен и формаций. Однако в современном мире модель организации научной деятельности оказалась более многогранной.

Современная российская система организации научной деятельности сохраняет фундамент советских времен. Отличительной чертой организации научной деятельности в советский период являлась нацеленность на создание специальных научных учреждений, в которых осуществляются планирование и организация научных исследований⁴. Сформировалась система с двумя основными элементами: учреждения академической науки и учреждения вузовской науки (иногда в качестве третьего элемента добавляли «заводскую науку»). Существование такой двухэлементной системы вызывало интерес у зарубежных наблюдателей. Так, Р. Давид по поводу правовой науки отметил, что в СССР «приходится проводить различие, и весьма существенное, между авторами, ведущими преподавание в высших учебных заведениях, и теми, кто посвятил себя исследовательской работе. Задачей преподавателей права не является его критика, они должны лишь облегчить его понимание и применение – путем разъяснения воли законодателя. Они должны также, подобно судьям, стремиться к тому, чтобы помочь успешному осуществлению государственной политики, разъясняя разумный и справедливый характер советского права. Работы, подготовляемые этими авторами, не отличаются оригинальностью. Иная задача у тех, кто занимается научно-исследовательской деятельностью. Эти лица не преподают в высших учебных заведениях: они не профессора, а научные сотрудники общесоюзных или республиканских институтов... В основе организации работы в этих институтах лежит план, но сам этот план составляется в значительной мере по предложениям секторов и их сотрудников... Результатом такого рода организации исследования являются произведения отличного качества»⁵.

Наверно, уже в 1967 г. (первое издание книги Р. Давида на русском языке) пренебрежительный отзыв о трудах преподавателей высшей школы с недоумением читали на юридических факультетах МГУ, ЛГУ, в Свердловском юридическом институте и т. д. Описанная французским исследователем ситуация в советской науке была свойственна, скорее, для 1940–1950-х гг.⁶ В последующий период советская вузовская наука встала вровень с академической.

¹ Мурзин Д. В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 167–175.

² Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М., 2005. Т. 2 (Сер.: Классика российской цивилистики). С. 467.

³ Там же. С. 469–471.

⁴ Там же. С. 467.

⁵ Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967. С. 227–229.

⁶ В СССР только в 1944 г. были приняты меры по усилению качества вузовской науки (причем первоначально это касалось именно подготовки учебной литературы) и налаживанию связи с практикой (Москаленко Г. Научно-исследовательская работа юридических институтов // Социалистическая закон-

Впрочем, весь советский период различия между академической и вузовской наукой поддерживались целенаправленно по предметному признаку. У академической и вузовской науки были свои четко определенные функции, но уже в 1960-х гг. в советской литературе считалось общепризнанным, что «академические институты должны осуществлять также прикладные научные работы, а отраслевые институты – заниматься, кроме того, теоретическими исследованиями. Правильное сочетание обоих видов исследовательской деятельности является одним из важнейших факторов научно-технического прогресса и ставится в ряд центральных методологических проблем развития»¹.

Сегодня признается, что западная и современная российская модели организации научной деятельности различаются в первую очередь по своей институциональной структуре. «В западной модели организации управления научно-исследовательской деятельностью большинство проводимых фундаментальных исследований осуществляется на базе вузов, а прикладных – на базе коммерческих организаций или фирм». Существующая в Российской Федерации модель подвергается критике: «Главенствующая роль по-прежнему принадлежит академической составляющей научной сферы. Разделение функций между академическими структурами (проведение исследований) и вузами (обучение) приводит к состоянию, что современная высшая школа не имеет достаточного опыта, методического и ресурсного обеспечения для осуществления фундаментальных и прикладных исследований высокого уровня»². Предлагается воспользоваться западной моделью и перенести центр тяжести научно-исследовательской работы в университеты. Думается, однако, что проблемы организации современной российской науки кроются совсем не в традиционном наличии академических научно-исследовательских институтов. Неверной является сама посылка о том, что при советской модели вузы занимались только обучением. Научная деятельность вузов характеризовалась следующими особенностями:

- подготовка вузовских учебников и различного рода учебно-методической литературы как ядро планов научно-исследовательских работ;

- превалирование в связях с практикой хозяйственной формы научных исследований;

- преобладание общетеоретических исследований перед прикладными³.

Как отмечают историки науки, в позднем СССР академическая наука была обязана поддерживать развитие фундаментальных исследований по важнейшим направлениям общественных, естественных и технических наук. Вузовская наука наряду с обеспечением высокого качества подготовки специалистов для народного хозяйства и проведением совместно с академической наукой фундаментальных исследований должна была развивать поисковые и прикладные исследования и проводить опытно-конструкторские работы для решения отраслевых и межотраслевых научно-технических проблем (в том числе по заказам объединений и предприятий)⁴. Таким образом, именно вузовская наука советского периода выступала эталоном универсальности, охватывая весь спектр направлений. Еще С. С. Алексеев предупреждал, что если результаты теоретических научных исследований не реализуются в жизни, то наука «уходит в себя» (в первую очередь это относится, конечно, к общественным наукам) и в ней проявляются отрицательные черты и крайности, такие как схоласти-

ность. 1944. № 3–4. С. 8–9; Михеев И. М. К итогам совещания по координации научной деятельности в области экономики и права // Советское государство и право. 1950. № 6. С. 87). Но, достаточно быстро достигнув определенного уровня квалификации, вузовская наука перешла к углубленному саморазвитию.

¹ Ринг М. П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., 1967. С. 5.

² Аксенова Н. А. Модели организации управления научно-исследовательской деятельностью вуза // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 3. С. 168–171.

³ Козлов Ю. М. Задачи юридических вузов в организации научных исследований в свете решений XXVI съезда КПСС // Тезисы докладов всесоюзного научно-координационного совещания «XXVI съезд КПСС и задачи дальнейшего развития юридической науки» 19–21 октября 1981 г. М., 1981. С. 5–8.

⁴ Свиштунов А. А. Государственное управление в области отечественной науки (1950–1990-е гг.) // История государства и права. 2015. № 21. СПС «КонсультантПлюс».

ка, спекулятивные построения, игра в понятия¹. Для недопущения подобных крайностей необходимой была связь с практикой – и эта функция также была возложена на вузовскую науку.

Сравнивая советскую и западную модели организации научной деятельности, надо понимать, что главное различие кроется не в том, какие ученые – вузовские или академические – берут на себя развитие науки, а в том, кто диктует направления исследований. Если отбросить идеологическую составляющую, то выясняется, что Р. Давида удивила самостоятельность советских ученых в формировании плана исследований – это было проявлением свободы творчества, которой в те годы противопоставлялась работа под диктатом заказчика. Но из-за любования советской академической наукой Р. Давид упустил из виду альтернативную систему стимулирования научных поисков, которая была свойственна как раз вузовской науке.

Советские авторы подчеркивали, что «различия между фундаментальными и прикладными науками сказываются на методах их планирования, на организационных формах руководства ими, на размерах ассигнований и т. д.»; при этом отмечалось, что «научные работы в области фундаментальных наук финансируются за счет средств госбюджета; договоры на их выполнение не заключаются»². Ориентация вузов на прикладные науки привела к тому, что в советский период именно они взяли на себя работу по заказам предприятий реального сектора экономики – так называемую хоздоговорную работу на основании конкретного договора за конкретное вознаграждение. Именно вузы в советский период осуществляли часть научно-исследовательской работы, основанной на принципах гражданского права³.

Кстати, в связи с существованием различных форм финансирования научных исследований уже в советской модели многообразие этих форм не стало сюрпризом при переходе России к рыночной экономике. Необходимость привлечения всех источников финансирования (включая бюджетные) не оспаривается и в западной модели организации научной деятельности⁴. В современных моделях источники финансирования напрямую влияют на выбор направления научных исследований: по собственной инициативе исследователя (за счет работодателя, где источником финансирования выступает бюджет) или по заказу третьих лиц. Удельный вес бюджетного и внебюджетного финансирования определяет специфику модели организации научной деятельности в разных странах.

Бессмысленно требовать, чтобы в современной российской науке университеты по западному образцу перевели на себя все фундаментальные научные исследования. Разделение науки на академическую и вузовскую – это исторически сложившаяся особенность российской науки. Центром современной структуры организации российской науки действительно должны стать вузы, но не потому, что они являются аналогом западных частных университетов, а потому, что они сохранили и преумножили широту научного поиска, что позволяет им и сегодня занимать не единственное, но центральное место в организации как фундаментальных, так и прикладных научных исследований.

Разумеется, в современных условиях невозможно полностью оставаться в рамках советской модели организации науки. Необходимо учитывать западный опыт, не замыкаясь на внешней западной (тоже исторически сложившейся) структуре, в которой отсутствуют академические институты. Из зарубежного опыта надо, как представляется, заимствовать не институциональную структуру организации деятельности, а принципы организации научного процесса, такие как «принудительная мобиль-

¹ Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 157–158.

² Ринг М. П. Указ. соч. С. 5.

³ Разумеется, в практике хоздоговорной работы видели и минусы для развития вузовской науки. Например, указывалось, что проблематика хоздоговорных исследований «часто является узкой, чисто прикладной, не увязанной с основными направлениями научно-исследовательской работы вузов» (Козлов Ю. М. Указ. соч. С. 8).

⁴ О государственных субсидиях в числе «альтернативных способов покрытия фиксированных затрат изобретателя» см., например: Познер Р. А. Интеллектуальная собственность: экономико-правовой подход / пер. с англ. М. М. Лукиной // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2012. Вып. 6. С. 169.

ность, международная открытость, глубокая интеграция с образованием и высокий уровень конкуренции»¹. Основная задача, которую преследуют иностранные правовые порядки, – исключение ситуации, при которой ученый не может вести активную публичную научную деятельность, поиск баланса между уместной и необходимой с точки зрения коммерческого интереса степенью закрытости научных разработок, способных быть обращенными в патенты, и личными потребностями ученых, а также общества в целом².

По мере развития общества меняется как статус результатов научной деятельности, так и институциональная структура ее организации. Так, еще 50 лет назад было замечено, что «научно-техническая революция, как ни парадоксально это на первый взгляд, подрывает систему массового производства: она требует главным образом производства сравнительно небольших серий узкоспециализированных изделий, сменяемых через гораздо более короткое время». Соответственно, производство, ориентированное на выпуск массовых серий определенных видов изделий в течение длительного периода, «не отвечает потребностям, вызванным к жизни научно-технической революцией, потребностям во все более специализированных видах изделий, обновляемых или заменяемых к моменту их морального устаревания»³. Современные российские исследователи заявляют о том же: реиндустриализация (новая индустриализация на основе новейшего технологического уклада) предполагает изменение типа производства: клиентоориентированное производство с эффектом разнообразия (*economy of scope*) на основе инновационных, в первую очередь конвергентных, технологий приходит на смену массовому производству однотипной продукции с эффектом масштаба (*economy of scale*)⁴.

Какие выводы делались из этой посылки? В СССР предлагалось резко повысить требования к уровню изобретательского творчества, чтобы революционные изобретения не растворялись «в общей массе регистрируемых мелких, хотя и новых решений»⁵. Тем самым признавалось, что упор на количественные показатели – гонка за патентами – вступает в противоречие с требованиями постиндустриального общества. Советская система рационализаторских предложений в развитом виде была призвана отграничить массовый эволюционный путь совершенствования техники (через регистрацию рацпредложений) от революционного качественного скачка, связанного с изменением основного технического принципа (через регистрацию изобретений). Но, видимо, справиться с валом «сорных» изобретений не получилось. Роль количественных характеристик (поданных заявок, полученных патентов) как критерия успешной научной деятельности даже возросла.

Рецепты современных исследователей направлены на изменение организации научной деятельности (предпосылкой чему служат не только технологические, но и социальные преобразования, развитие коммуникационных систем, изменение формы построения научного поиска, удорожание материально-технической базы науки). Предлагается заменить иерархическую модель организации научной деятельности (где господствует монодисциплинарный характер научных исследований, проводимых в рамках постоянного научного коллектива, включенного в состав структурного подразделения) сетевой моделью, основными принципами которой являются междисциплинарная интеграция и интеллектуальное сотрудничество. Выделяют следующие особенности сетевой модели организации научной деятельности: временный характер сети; высокая мобильность научных коллективов; использование «слабых связей» в сети; ориентированность сетевых структур на результат; поддержание актуальности сети посредством периодической оценки полезности ее участников;

¹ Бетеров И. О выборе между моделями организации науки // Троицкий вариант. 2014. 25 марта. С. 4. URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=18135>.

² Bergquist K., Fink C., Raffo J. Identifying and ranking the world's largest science and technology clusters // The Global Innovation Index 2018 / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva, 2018. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018-chapter14.pdf.

³ Рассохин В. П. Об изменении главной задачи изобретательского права в эпоху научно-технической революции // Тезисы докладов на второй конференции ЦИПК 25–26 декабря 1973 г. М., 1973. С. 7.

⁴ Парфенова С. Л. Сетевая модель организации научной деятельности // Управление наукой и наукометрия. 2014. № 16. С. 79.

⁵ Рассохин В. П. Указ. соч. С. 8.

существование сети за счет совместного финансирования государства и частных компаний; организационное единство сети за счет выработки единых принципов и правил¹.

В целом в литературе делается вывод о том, что «конкретная форма организации российской науки должна опираться в первую очередь не на вертикальные, а на сетевые принципы организации, на снижение ведомственных барьеров между образованием, фундаментальной и прикладной наукой, максимальное вовлечение в международный обмен знаниями и опытом»². Дополнительно следует отметить наилучшую приспособленность сетевых структур к работе на стыке различных научных отраслей (за счет вовлечения в эти структуры специалистов разных направлений и профилей).

Большинство черт сетевой науки можно обнаружить в конструкции временных научных коллективов, образование которых планировалось в СССР с целью «создания и освоения в производстве в кратчайшие сроки принципиально новых, превышающих мировой уровень техники, технологии и материалов межотраслевого применения (включая использование изобретений, имеющих важное народнохозяйственное значение)»³. Отмечалось, что «в работе временных коллективов широко применяется программно-целевая форма организации научно-технической деятельности, основанная на концентрации ресурсов, необходимых для ускоренного решения перспективных научно-технических проблем межотраслевого характера (в том числе выполнения основных заданий научно-технических программ), значительного улучшения использования имеющегося научно-технического потенциала, усиления интеграции науки и производства»⁴.

В новейшем российском законодательстве упоминаются категории, имеющие отношение к сетевой науке. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (далее – Стратегия), наряду с прочими мерами по созданию «условий для проведения исследований и разработок, соответствующих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности и лучшим российским практикам», указывается «развитие сетевых форм организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе исследовательских, инженерно-производственных консорциумов, кластерных форм развития высокотехнологического бизнеса» (подп. «е» п. 32).

Ранее поиски новых форм организации научной деятельности в современной России привели к созданию таких структур, как технополисы, высокотехнологические центры, научные городки, технопарки (территориальные образования научного или высокотехнологического профиля, проявляющие экономическую активность посредством создания и коммерциализации новых знаний, технологий, продуктов)⁵; образованию территорий, на которых установлен специальный режим осуществления инновационной деятельности (технично-внедренческие экономические зоны с инновационной инфраструктурой – в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»; инновационные экономические зоны с особым правовым режимом – в соответствии с Федеральным законом от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре „Сколково“» и другими федеральными законами; территории опережающего социально-экономического развития – в соответствии с Федеральным законом от 29 де-

¹ Парфенова С. Л. Указ. соч. С. 85. О временных научных коллективах как основе сетевой организации научных исследований по конкретному заказу предприятий реального сектора экономики см. также: Осадчук Е. В. Модель взаимодействия научных организаций с предпринимательским сектором // Управление наукой и наукометрия. 2014. № 2. С. 139–156.

² Бетеров И. Указ. соч. С. 4.

³ Пункт 2 Положения о временном коллективе для проведения работ по решению перспективных научно-технических проблем межотраслевого характера, созданию и освоению в производстве новой техники, технологии и материалов, утвержденного постановлением Государственного комитета СССР по науке и технике от 17 февраля 1984 г. № 56 (Сборник основных нормативных актов Государственного комитета СССР по науке и технике (1962–1987 гг.) (по состоянию на 1 января 1988 года). М., 1988. Т. 1. С. 53–60).

⁴ Там же.

⁵ Технопарки в инфраструктуре инновационного развития: моногр. / под ред. Л. К. Терещенко. М., 2014.

кабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»¹.

Результатом поиска модели организации научной деятельности на принципах сетевой науки является конструкция НОЦ – научно-образовательного центра мирового уровня, который функционирует в рамках федерального проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации» национального проекта «Наука». Научно-образовательный центр мирового уровня создается (в том числе на территориях опережающего социально-экономического развития) на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики, в целях обеспечения исследований и разработок мирового уровня, получения новых конкурентоспособных технологий и продуктов и их коммерциализации, подготовки кадров для решения крупных научно-технологических задач в интересах развития отраслей науки и технологий по приоритетам НТР².

В цели создания и организационной форме НОЦ можно усмотреть определенное сходство с целями и организационной формой НПО – научно-производственных объединений, которые получили широкое распространение в СССР с конца 1960-х гг.³ Планировалось, что НПО будут преодолевать организационную разобщенность научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, предприятий и других организаций, участвующих в различных фазах цикла «исследование – производство». Состав НПО не был строго закреплён, чаще всего участниками НПО являлись «отраслевой научно-исследовательский институт, серийный завод, конструкторское и проектное бюро, опытно-экспериментальный завод, строительно-монтажные и пуско-наладочные организации, центры по подготовке и переподготовке кадров, центры по научно-техническому обслуживанию предприятий и организаций подотрасли, вычислительные, проектно-информационные, нормативно-исследовательские, копировально-множительные и другие подразделения»⁴. Участие вузов в деятельности НПО не планировалось, сами объединения показали недостаточную эффективность (возможно, это было следствием неэффективности всей экономической политики последних десятилетий социалистических форм хозяйствования).

В зарубежной практике ближайшим аналогом НОЦ являются французские региональные центры инноваций и передачи технологий (*centres regionaux d'innovation et de transfer de technologie*), которые обеспечивают связь между научными и образовательными учреждениями, исследовательскими центрами и лабораториями, с одной стороны, и предпринимательскими структурами – с другой⁵.

Для России НОЦ – новое явление⁶. Детальная регламентация деятельности НОЦ установлена Правилами предоставления грантов в форме субсидий из федерально-

¹ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: моногр. / отв. ред. Е. П. Губин. М., 2019.

² См.: раздел 6 «Дополнительная информация» и раздел «Термины и определения национального проекта „Наука“» паспорта национального проекта «Наука», утвержденного президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

³ Свистунов А. А. Указ. соч.

⁴ Джавадов Г. А. Научно-производственные объединения – форма интеграции науки, техники, производства // Советское государство и право. 1975. № 1. С. 36.

⁵ Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Ранее термин «научно-образовательный центр (НОЦ)» использовался законодателем в значении не формы интеграции и кооперации субъектов образования, науки и реального сектора, а структурного подразделения (часть структурного подразделения или совокупность структурных подразделений) научной, научно-производственной организации или высшего учебного заведения, осуществляющего проведение исследований по общему научному направлению, подготовку кадров высшей научной квалификации (постановление Правительства РФ от 28 июля 2008 г. № 568 «О федеральной целевой программе „Научные и научно-педагогические кадры инновационной России“ на 2009–2013 годы»). Соответственно, в литературе присутствует определенная дезориентация, когда научно-образовательные центры рассматриваются исключительно с позиций классификации форм образования. См., например: Образовательное законодательство России. Новая веха развития: моногр. / под ред. Н. В. Путило, Н. С. Волковой. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

го бюджета на оказание государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики, утвержденными постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2019 г. № 537 (далее – Правила предоставления грантов № 537).

В соответствии с п. 2 Правил предоставления грантов № 537 НОЦ – это объединение без образования юридического лица федеральных государственных образовательных организаций высшего образования и (или) научных организаций с организациями, действующими в реальном секторе экономики. НОЦ создается для получения гранта (в пределах бюджетных ассигнований) на основании конкурсного отбора. Соответственно, в отношениях, связанных с созданием и деятельностью НОЦ, велика роль государства (хотя существуют и иные, в том числе внебюджетные, источники финансового обеспечения программы деятельности центра). НОЦ создается по инициативе субъекта Российской Федерации (публичное образование не является учредителем или участником НОЦ, но только «инициатором создания центра», «поддерживающим» этот центр). Если НОЦ действует на территории нескольких субъектов РФ, то определенными управленческими правами и обязанностями в отношении центра наделяются все эти субъекты.

Среди участников НОЦ по факту выделяется ведущая федеральная государственная образовательная организация высшего образования и (или) научная организация, которая вместе с субъектом РФ – инициатором создания НОЦ разрабатывает программу деятельности центра и представляет ее на конкурс на получение гранта. Получателем гранта может быть участник НОЦ, являющийся некоммерческой организацией (а это, как правило, вуз или научная организация).

В НОЦ входят такие органы, как наблюдательный совет и управляющий совет. Наблюдательный совет НОЦ – коллегиальный совещательный орган управления центром, образованный по решению высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, на территориях которых осуществляют деятельность участники центра, для осуществления общего руководства деятельностью центра и определения программы его деятельности. В наблюдательный совет входят представители федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также представители от трех групп участников НОЦ: организаций реального сектора экономики, образовательных организаций высшего образования и научных организаций. К компетенции наблюдательного совета НОЦ относится прежде всего утверждение программы деятельности НОЦ, мониторинг реализации этой программы, утверждение положения об управляющем совете НОЦ (п. 6 Правил предоставления грантов № 537).

Управляющий совет НОЦ – это коллегиальный орган управления центром, образованный наблюдательным советом центра из числа представителей всех участников центра для организационного руководства и координации его деятельности по реализации программы деятельности центра. По сути, управляющий совет – это общее собрание участников НОЦ. Но высшим органом управления этот совет назвать нельзя. К компетенции управляющего совета НОЦ относится прежде всего принятие документов по вопросам реализации программы деятельности центра и обеспечение взаимодействия участников центра между собой (п. 7 Правил предоставления грантов № 537).

Обзор основных положений о научно-образовательных центрах мирового уровня показывает, что модель таких центров не имеет аналогов среди юридических конструкций, опосредующих деятельность образований в российском гражданском праве. НОЦ не являются юридическими лицами. Это своеобразные консорциумы, которые не подпадают под понятие простых товариществ, созданных для осуществления совместной деятельности на основе многостороннего договора (гл. 55 Гражданского кодекса РФ). Сложные формы участия государства в отношениях с НОЦ не входят в число легальных форм государственно-частного партнерства¹. Тем самым

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

в социально-экономической реальности возникло новое квазисубъектное образование со сложным составом участников, не вписывающееся ни в одну известную классической цивилистике правовую модель.

Организация научной деятельности – это регламентация выбора предмета научных исследований (фундаментальных, поисковых, прикладных), которая осуществляется через экономические, финансовые и юридические формы.

Экономические формы регламентации научной деятельности охватывают собственное планирование предмета научных исследований научными работниками и стороннее воздействие на выбор предмета научных исследований – прямое (задание учредителя научной или научно-образовательной организации) или косвенное (финансирование направлений научных исследований).

В число современных источников финансирования деятельности по выбору предмета научных исследований (финансовые формы регламентации научной деятельности) входят бюджеты всех уровней; гранты по конкурсу (государственные и частные); вознаграждение по гражданско-правовым договорам (выполнение научно-исследовательских работ по заказам частных лиц).

Можно выделить следующие юридические формы регламентации научной деятельности:

- с использованием конструкции юридического лица (определение полномочий по выбору деятельности в соответствии с моделями организационно-правовых форм юридических лиц);

- без использования конструкции юридического лица: с использованием гражданско-правовых договорных конструкций; с использованием конструкций консорциума (временного объединения самостоятельных субъектов гражданского права для осуществления конкретных экономических проектов).

С точки зрения предложенной классификации НОЦ – это форма организации научной деятельности в виде консорциума (объединения образовательных, научных организаций и организаций реального сектора экономики) без образования юридического лица, находящаяся под контролем публично-правового образования и созданная для проведения конкретных научных исследований в рамках выделенного гранта (в виде субсидий из федерального бюджета). Лидером консорциума является образовательная или научная организация – получатель гранта.

Деятельность НОЦ опирается на исторические традиции российской модели организации научной деятельности, учитывающей двухсекторность науки (вузовской и академической). В НОЦ по сравнению с советскими НПО заметно возросла роль научно-образовательных организаций. НОЦ может быть отнесен к прогрессивной форме сетевой организации научной деятельности, на что указывают временный характер объединения участников, отказ от жесткого вертикального подчинения, ориентированность объединения на результат, поддержание организационного единства объединения через деятельность предусмотренных законодательством органов НОЦ.

Законодательство закрепляет лишь самую общую схему правовых связей между субъектами, задействованными в образовании и деятельности НОЦ. Таким центрам придется самостоятельно решать организационные вопросы на принципах диспозитивности. Как представляется, основой отношений участников внутри НОЦ является гражданско-правовой договор.

Фундаментальная правовая задача будущих исследований – определение юридического статуса НОЦ через выявление механизма правового регулирования отношений, связанных с созданием и деятельностью таких центров. В рамках этой задачи должны быть решены следующие первоочередные правовые вопросы:

- выявление форм взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ при создании НОЦ и участии в работе его органов;

- определение правовой природы связей между участниками и государственными органами;

- разработка правовой модели управления НОЦ.

Список литературы

Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ж. Марку. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

Аксенова Н. А. Модели организации управления научно-исследовательской деятельностью вуза // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 3.

Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

Бетеров И. О выборе между моделями организации науки // Троицкий вариант. 2014. 25 марта. URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=18135>.

Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967.

Джавадов Г. А. Научно-производственные объединения – форма интеграции науки, техники, производства // Советское государство и право. 1975. № 1.

Козлов Ю. М. Задачи юридических вузов в организации научных исследований в свете решений XXVI съезда КПСС // Тезисы докладов всесоюзного научно-координационного совещания «XXVI съезд КПСС и задачи дальнейшего развития юридической науки» 19–21 октября 1981 г. М., 1981.

Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. М., 2005. Т. 2 (Сер.: Классика российской цивилистики).

Михеев И. М. К итогам совещания по координации научной деятельности в области экономики и права // Советское государство и право. 1950. № 6.

Москаленко Г. Научно-исследовательская работа юридических институтов // Социалистическая законность. 1944. № 3–4.

Мурзин Д. В. Проблемы правового регулирования научной деятельности как деятельности творческой // Российский юридический журнал. 2019. № 4.

Образовательное законодательство России. Новая веха развития: моногр. / под ред. Н. В. Путило, Н. С. Волковой. М., 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Осадчук Е. В. Модель взаимодействия научных организаций с предпринимательским сектором // Управление наукой и наукометрия. 2014. № 2.

Парфенова С. Л. Сетевая модель организации научной деятельности // Управление наукой и наукометрия. 2014. № 16.

Познер Р. А. Интеллектуальная собственность: экономико-правовой подход / пер. с англ. М. М. Лукиной // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2012. Вып. 6.

Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: моногр. / отв. ред. Е. П. Губин. М., 2019.

Рассохин В. П. Об изменении главной задачи изобретательского права в эпоху научно-технической революции // Тезисы докладов на второй конференции ЦИПК 25–26 декабря 1973 г. М., 1973.

Ринг М. П. Договоры на научно-исследовательские и конструкторские работы. М., 1967.

Сборник основных нормативных актов Государственного комитета СССР по науке и технике (1962–1987 гг.) (по состоянию на 1 января 1988 года). М., 1988. Т. 1.

Свиштунов А. А. Государственное управление в области отечественной науки (1950–1990-е гг.) // История государства и права. 2015. № 21. СПС «КонсультантПлюс».

Технопарки в инфраструктуре инновационного развития: моногр. / под ред. Л. К. Терещенко. М., 2014.

Bergquist K., Fink C., Raffo J. Identifying and ranking the world's largest science and technology clusters // The Global Innovation Index 2018 / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva, 2018. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018-chapter14.pdf.

References

Administrativnye protsedury i kontrol' v svete evropeiskogo opyta / pod red. T. Ya. Khabrievoi, Zh. Marku. M., 2011 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Aksenova N. A. Modeli organizatsii upravleniya nauchno-issledovatel'skoi deyatel'nost'yu vuza // Infrastrukturnye otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya. 2013. № 3.

Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999.

Bergquist K., Fink C., Raffo J. Identifying and ranking the world's largest science and technology clusters // The Global Innovation Index 2018 / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva, 2018. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018-chapter14.pdf.

Beterov I. O vybere mezhdru modelyami organizatsii nauki // Troitskii variant. 2014. 25 marta. URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=18135>.

David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (sravnitel'noe pravo). M., 1967.

Dzhavadov G. A. Nauchno-proizvodstvennye ob"edineniya – forma integratsii nauki, tekhniki, proizvodstva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1975. № 1.

Kozlov Yu. M. Zadachi yuridicheskikh vuzov v organizatsii nauchnykh issledovaniy v svete reshenii XXVI s"ezda KPSS // Tezisy докладов vsesoyuznogo nauchno-koordinatsionnogo soveshchaniya «XXVI s"ezd KPSS i zadachi dal'neishogo razvitiya yuridicheskoi nauki» 19–21 oktyabrya 1981 g. M., 1981.

Krasavchikov O. A. Tvorchestvo i grazhdanskoe pravo (ponyatie, predmet i sostav podotrasli) // Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava: izbrannyye trudy: v 2 t. M., 2005. T. 2 (Ser.: Klassika rossiiskoi tsivilistiki).

Mikheev I. M. K itogam soveshchaniya po koordinatsii nauchnoi deyatel'nosti v oblasti ekonomiki i prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1950. № 6.

Moskalenko G. Nauchno-issledovatel'skaya rabota yuridicheskikh institutov // Sotsialisticheskaya zakonnost'. 1944. № 3–4.

Murzin D. V. Problemy pravovogo regulirovaniya nauchnoi deyatel'nosti kak deyatel'nosti tvorcheskoi // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 4.

Obrazovatel'noe zakonodatel'stvo Rossii. Novaya vekha razvitiya: monogr. / pod red. N. V. Putilo, N. S. Volkovoi. M., 2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Osadchuk E. V. Model' vzaimodeistviya nauchnykh organizatsii s predprinimatel'skim sektorom // Upravlenie naukoj i naukometriya. 2014. № 2.

Parfenova S. L. Setevaya model' organizatsii nauchnoi deyatel'nosti // Upravlenie naukoj i naukometriya. 2014. № 16.

Pozner R. A. Intellektual'naya sobstvennost': ekonomiko-pravovoi podkhod / per. s angl. M. M. Lukinoy // Tsivilisticheskie zapiski: mezhvuz. sb. nauch. tr. Ekaterinburg, 2012. Vyp. 6.

Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya: monogr. / otv. red. E. P. Gubin. M., 2019.

Rassokhin V. P. Ob izmenenii glavnoi zadachi izobretatel'skogo prava v epokhu nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii // Tezisy докладов na vtoroi konferentsii TsIPK 25–26 dekabrya 1973 g. M., 1973.

Ring M. P. Dogovory na nauchno-issledovatel'skie i konstruktorskie raboty. M., 1967.

Sbornik osnovnykh normativnykh aktov Gosudarstvennogo komiteta SSSR po nauke i tekhnike (1962–1987 gg.) (po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1988 goda). M., 1988. T. 1.

Svistunov A. A. Gosudarstvennoe upravlenie v oblasti otechestvennoi nauki (1950–1990-e gg.) // Istoriya gosudarstva i prava. 2015. № 21. SPS «Konsul'tantPlyus».

Tekhnoparki v infrastrukture innovatsionnogo razvitiya: monogr. / pod red. L. K. Tereshchenko. M., 2014.

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КРУГА ЛИЦ В СЛУЧАЕ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ОТХОДОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Нехорошков Андрей Дмитриевич

Студент Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: annekhoroshkov@gmail.com

С позиции доказательственного права в статье рассмотрены вопросы участия прокурора в делах о ликвидации несанкционированных свалок. Уделяется внимание предмету доказывания по данной категории дел, процессуальному порядку их рассмотрения, а также проблемному с точки зрения пробелов в законодательстве и «разношерстной» правоприменительной практики вопросу определения надлежащего ответчика.

Ключевые слова: прокурор, иск в защиту неопределенного круга лиц, несанкционированные свалки, твердые коммунальные отходы

PROTECTION BY THE PROSECUTOR OF ECOLOGICAL RIGHTS OF AN INDEFINITE NUMBER OF PERSONS IN CASES OF UNAUTHORIZED WASTE DISPOSAL: PROCEDURAL ASPECTS

Nekhoroshkov Andrei

Student, Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: annekhoroshkov@gmail.com

The participation of the prosecutor in cases on the liquidation of unauthorized dumps is considered in the article. Special attention is paid to the subject of proof in this category of cases, the procedural order of their consideration, as well as the issue of determining the proper defendant.

Key words: prosecutor, representative action, unauthorized dumps, garbage

Право на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных экологических прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Данное право, по мнению С. А. Боголюбова, предполагает «состояние среды обитания, качество жизни, труда, отдыха, соответствующие определенным экологическим, санитарно-эпидемиологическим, гигиеническим стандартам, предполагающим пригодную для питья воду, надлежащий атмосферный воздух, кондиционные продукты питания и реакционные условия»¹.

Одной из ключевых угроз гармоничному развитию отношений «человек – природа» в России выступает загрязнение окружающей среды отходами производства и потребления. Статистика указывает на неуклонный рост количества отходов: если в 2010 г. количество ежегодно образованных отходов составляло 3735 млн т, то в 2017 г. их насчитывалось 6221 млн т; таким образом, общее количество отходов увеличилось на 66,5 %². Растет и число несанкционированных свалок, т. е. территорий, используе-

¹ Боголюбов С. А. Экологические права и обязанности граждан в государствах Европы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3.

² Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». М., 2018. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2017_/ (дата обращения: 29.10.2019).

мых, но не предназначенных для размещения на них отходов¹. Если 2013 г. их количество составляло около 72 тыс., то в 2016 г. число таких мест увеличилось до 93 тыс., т. е. на 23,4 %².

Не остаются в стороне от решения проблем загрязнения окружающей среды и органы прокуратуры. Вопрос обращения с отходами производства и потребления являлся предметом специального рассмотрения на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в марте 2019 г.³

Из всей совокупности правовых средств, применяемых прокурором в целях устранения выявленных нарушений закона и восстановления нарушенных прав, особое место занимает иск в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. В отличие от актов прокурорского реагирования, которые не имеют абсолютного характера и не могут быть принудительно исполнены, так как преследуют цель понудить поднадзорные объекты устранить допущенные нарушения, прежде всего в добровольном порядке⁴, судебные постановления, вынесенные в результате рассмотрения иска, служат поводом для возбуждения исполнительного производства⁵. Кроме того, одновременно с подачей искового заявления прокурор может заявить ходатайство о принятии обеспечительных мер, что позволяет пресечь правонарушение и последующий больший вред.

Надлежащим способом защиты прав неопределенного круга лиц в случае несанкционированного размещения отходов, согласно ст. 12 ГК РФ, являются восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право и создающих угрозу его нарушения. Частью 2 ст. 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» установлено, что вред, причиненный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, может быть возмещен посредством возложения на ответчика обязанностей по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ. Пользуясь полномочием, предусмотренным ст. 45 ГПК РФ, прокурор обращается в суд с требованием о ликвидации несанкционированного места размещения отходов и осуществлении действий, направленных на рекультивацию земельного участка⁶.

Прокурору следует прежде всего установить наличие / отсутствие объекта, на котором размещены отходы, в государственном реестре объектов размещения отходов⁷ (далее – ГРОРО). Пункт 6 ст. 12 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» закрепляет запрет на размещение отходов на тех объектах, которые не внесены в ГРОРО. Для включения объекта в данный свод необходимо соблюсти комплекс условий, предъявляемых природоохранным законодательством. В частности, устанавливается перечень территорий, на которых запрещены строительство и эксплуатация объектов размещения отходов: населенные пункты, рекреационные, лечебно-оздоровительные, курортные зоны и т. п. (ст. 12 ФЗ «Об отходах производства и потребления»). В случае наличия объекта в указанном реестре следует проверить его на соответствие требованиям к эксплуатации данного объекта, предъявляемым законодательством (например, федеральными законами «Об отходах производства и потребления», «Об охране окружающей среды», «О лицензировании отдельных видов деятельности» и т. д.).

¹ ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения. М., 2002.

² Интернет-портал НПО Гринпис. URL: <https://www.greenpeace.org> (дата обращения: 29.10.2019).

³ Заседание коллегии Генпрокуратуры России // Сайт Администрации Президента России. 2019. 19 марта. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 06.11.2019).

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 84-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой Ирины Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 24 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“».

⁵ Часть 1 ст. 12 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

⁶ В ряде случаев суды общей юрисдикции рассматривают данную категорию дел с участием публичного субъекта в порядке КАС РФ.

⁷ Приказ Минприроды России от 30 сентября 2011 г. № 792 «Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра отходов».

После выявления нарушения прокурору необходимо установить факт пассивной легитимации, а именно определить лицо, в обязанности которого входит ликвидация несанкционированного размещения отходов. На практике этот вопрос является наиболее сложным ввиду многочисленности субъектов, вовлеченных в процесс «борьбы с отходами», большого объема правовых актов и неопределенности норм, регулирующих данный вопрос.

По общему правилу обязанность по устранению вреда, причиненного окружающей среде, возлагается на причинителя этого вреда (п. 1 ст. 77 ФЗ «Об охране окружающей среды»). Однако зачастую установить собственника отходов не представляется возможным. В этом случае собственником отходов признаются органы местного самоуправления, юридические лица или индивидуальные предприниматели, ответственные за территорию, на которой такие отходы были обнаружены¹. Кроме собственника участка, ответственность могут нести землепользователи (ст. 42 Земельного кодекса РФ), а также субъекты, которые наделены соответствующими обязанностями в силу договора на оказание услуг по вывозу мусора² или в силу закона (ст. 83 Лесного кодекса РФ). Исходя из анализа судебной и прокурорской практики наиболее часто бремя содержания территорий, на которых расположена несанкционированная свалка, возлагается на органы государственной власти и органы местного самоуправления. Возможно, это связано с тем, что незаконное складирование отходов осуществляется на объектах государственной и муниципальной собственности, территории которых свободно используются неопределенным кругом лиц без специального разрешения публичной администрации или договора с ней (публичное имущество общего пользования)³, и в силу этого надлежащий и систематизированный контроль на данной территории организовать не всегда возможно.

Содержание земельного участка возложено на публичный субъект, если такой земельный участок относится к землям лесного фонда, либо землям населенного пункта, либо неразграниченным землям.

Лесные участки, расположенные на землях лесного фонда, находятся в федеральной собственности (ст. 8 Лесного кодекса РФ), однако полномочия по организации использования лесов, их охране и защите переданы органам государственной власти субъекта РФ (ст. 83 Лесного кодекса РФ). В развитие данных положений Правила санитарной безопасности в лесах, утвержденные постановлением Правительства РФ от 20 мая 2017 г. № 607, устанавливают, что в отношении лесов, расположенных на землях лесного фонда, осуществление полномочий по защите которых передано органам государственной власти субъектов в соответствии с ч. 1 ст. 83 Лесного кодекса РФ, санитарно-оздоровительные мероприятия осуществляются органами исполнительной власти субъектов РФ. Ввиду того что перечень санитарно-оздоровительных мероприятий не является исчерпывающим (подп. «д» п. 2), а п. 14 указанных Правил установлен запрет на загрязнение лесов мусором, уборка несанкционированных свалок входит в компетенцию органов государственной власти субъекта РФ (в частности, на территории Свердловской области таким органом является Министерство природных ресурсов⁴). Данная позиция нашла свое отражение и в судебной практике⁵.

¹ ГОСТ 30772-2001. Межгосударственный стандарт. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения (примеч. к п. 7.8).

² Например, согласно пп. 16–17 постановления Правительства РФ от 12 ноября 2016 г. № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641» региональный оператор в случае отсутствия реакции на уведомление в адрес собственника об обнаружении места несанкционированного размещения твердых коммунальных отходов несет обязанность по ликвидации данной свалки.

³ Подробнее о классификации публичной собственности см.: Винницкий А. В. Публичная собственность. М., 2013. С. 73.

⁴ Пункт 2.1 постановления Правительства Свердловской области от 16 сентября 2015 г. № 832 «О Министерстве природных ресурсов и экологии Свердловской области».

⁵ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 19 февраля 2019 г. по делу № 33-2183/2019; апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12 августа 2019 г. 3 33а-11320/2019; апелляционное определение Магаданского областного суда от 27 марта 2018 г. по делу № 2-328/2018.

Понятие «земли населенного пункта» употребляется в законодательстве, чтобы очертить пространственную и территориальную сферы, на которые распространяются полномочия органов местного самоуправления¹.

Если несанкционированная свалка образовалась на землях населенного пункта, которые находятся в публичной собственности (в частности, на территории общего пользования, т. е. участке, который не может быть передан в частную собственность, – п. 12 ст. 85 Земельного кодекса РФ), то ответственность за уборку возлагается на администрацию соответствующего муниципального образования (ст. 8 ФЗ «Об отходах производства и потребления»). Необходимо также учитывать, что на определение субъекта влияет вид муниципального образования и законодательство субъекта РФ, в котором за сельскими поселениями может быть закреплено полномочие по организации сбора и вывоза бытовых отходов. При отсутствии закона субъекта данное полномочие остается за муниципальными районами².

На территории городского округа полномочия по ликвидации несанкционированных свалок возложены на администрацию городского округа (ее структурные подразделения: администрацию района или территориального округа³). На территории городского округа с внутригородским делением вопросы по устранению захламленности территорий «по умолчанию» возложены на городской округ, однако законом субъекта и уставом муниципального образования данные полномочия могут быть переданы внутригородским районам (ч. 2 ст. 16.2 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Ответственность за уборку отходов на земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена, возлагается на тот публичный субъект, который обязуется осуществлять мероприятия по охране окружающей среды на участке, в чей состав входят неразграниченные земли. Например, если неразграниченный земельный участок относится к территории городского округа, то ответственным органом за уборку территории является администрация соответствующего городского округа независимо от того, передавались ли полномочия по распоряжению неразграниченными землями в порядке ч. 1.2 ст. 17 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органам государственной власти субъекта⁴.

По рассматриваемой категории дел необходимо также установить морфологический состав образованных отходов, т. е. определить его видовое разнообразие в соответствии с Федеральным классификационным каталогом отходов⁵.

В 2014 г. в законодательство было введено понятие «твердые коммунальные отходы» (далее – ТКО)⁶, к которому в соответствии с каталогом относятся все виды отходов подтипа «отходы коммунальные твердые» (в частности, отходы из жилищ), а также другие отходы типа «отходы коммунальные, подобные коммунальным на производстве, отходы при предоставлении услуг населению» (в частности, мусор и уличный смет, отходы от уборки кладбищ, колумбариев, растительные отходы при уходе за газонами и т. д.) в случае, если в наименовании подтипа отходов или группы отходов указано, что отходы относятся к ТКО.

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепив за органами местного самоуправления разрешение вопро-

¹ Крассов О. И. Земельное право: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 339.

² Пункт 18 ч. 1 и чч. 3 и 4 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

³ См., например: подп. 34 п. 6 решения Екатеринбургской городской думы от 9 июня 2009 г. № 15/6 «Об утверждении Положения „Об администрации района города Екатеринбурга“»; подп. 3.2 п. 3 постановления главы муниципального образования от 11 февраля 2010 г. № 66 «Об утверждении Положения об администрации территориального округа Администрации муниципального образования „Город Архангельск“».

⁴ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28 февраля 2019 г. по делу № 33-3009/2019.

⁵ Приказ Росприроднадзора от 22 мая 2017 г. № 242 «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов».

⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об отходах производства и потребления“, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

сов, связанных только с ТКО, исключил из их компетенции отходы некоммунального характера (например, отходы строительства зданий и сооружений), которые на сегодняшний момент являются не менее распространенными. В связи с этим возникают проблемы с определением надлежащего ответчика при образовании несанкционированной свалки на территории муниципального образования, состоящей из отходов, которые были образованы не в результате жизнедеятельности человека. Судебная практика по данному вопросу противоречива.

Одни суды общей юрисдикции полагают, что преобладание в общем объеме мусора некоммунальных отходов не может являться основанием для признания указанного складирования отходов отходами коммунального характера, приводя в качестве аргумента, в том числе, позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 13 октября 2015 г. № 26-П. Последний считает, что обязанность по ликвидации свалок ТКО не может быть возложена на администрации поселений безусловно; необходимо также учитывать характер предоставленных полномочий в сфере обращения с отходами, в том числе применительно к расположенным на территории городского округа земельным участкам различной формы собственности (п. 4.2). Исходя из приведенной позиции Конституционного Суда РФ, у органов местного самоуправления отсутствует обязанность по ликвидации подобных свалок¹.

Другие суды утверждают, что, несмотря на наличие в общем объеме несанкционированной свалки отходов некоммунального характера, у органов местного самоуправления существует обязанность по ликвидации данных объектов в силу того, что они призваны решать, в том числе, вопросы, связанные с охраной окружающей природной среды, благоустройством и озеленением соответствующей территории². Кроме того, суды ссылаются на позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в том же постановлении. Конституционный Суд считает, что если виновное в причинении вреда лицо не установлено, то устранение захламленности земельного участка должно разрешаться на основе определения правообладателя вне зависимости от вида отходов, которые размещены незаконно. Таким образом, качественный состав свалки, образованной на территории населенного пункта, не влияет на обязанность по очистке территории от загрязнений.

На наш взгляд, органы местного самоуправления обязаны обеспечивать ликвидацию несанкционированных свалок как коммунальных, так и некоммунальных отходов, образовавшихся на территории муниципального образования, в силу следующего:

ст. 13 ФЗ «Об отходах производства и потребления» устанавливает правило регулярной очистки территории муниципального образования от отходов;

ст. 13 ЗК РФ обязывает собственника, землепользователя осуществлять мероприятия по защите земель от захламления отходами производства и потребления (которые согласно ст. 1 ФЗ «Об отходах производства и потребления» включают в себя все то, что подлежит удалению, т. е. понимаются гораздо шире, чем ТКО);

ст. 15–16 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» возлагает на муниципальные районы, муниципальные / городские округа обязанность по организации мероприятий по охране окружающей среды, т. е. восстановлению окружающей среды посредством нивелирования негативного воздействия человека.

Неоднозначным для данной категории дел является вопрос о процессуальном порядке подачи заявления публичному субъекту с требованием о ликвидации несанкционированной свалки. Одни суды рассматривают данную категорию дел в порядке ГПК РФ³, другие – в порядке КАС РФ⁴. Для разграничения двух процессуальных по-

¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25 июля 2018 г. по делу № 33-11829/2018.

² Решение Вологодского городского суда Вологодской области от 29 августа 2017 г. по делу № 2-8575/2017; решение Артемовского городского суда Свердловской области от 12 февраля 2019 г. № 2-75/2019; апелляционное определение Свердловского областного суда от 28 февраля 2019 г. по делу № 33-3009/2019.

³ Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 11 ноября 2018 г. № 2-2913/2018; решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 4 марта 2019 г. по делу № 2-682/2019.

⁴ Решение Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 4 марта 2019 г. по делу № 2А-332/2019; апелляционное определение Архангельского областного суда от 10 июля 2019 г. по делу № 33а-3883/2019.

рядков рассмотрения дела необходимо обратиться к содержанию спорного материального правоотношения.

Полагаем, что выбор процессуального порядка обращения за судебной защитой зависит от юридического основания поданного заявления. Если истец обосновывает свое требование нормами, устанавливающими обязанности собственника / землепользователя по недопущению негативного воздействия на земли и почвы (ст. 41, 42 ЗК РФ), то речь идет о споре, возникающем из земельных правоотношений, который полномочны разрешать суды общей юрисдикции в порядке ГПК РФ. Предметом иска будет требование о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права.

Если обязанность субъекта вытекает из полномочий, закрепленных нормами публичного права (например, обязанность органов местного самоуправления в пределах территории городского округа в соответствии со ст. 16 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» обеспечивать охрану окружающей природной среды, в том числе на неразграниченной территории), то обращаться за защитой нарушенного права необходимо в порядке административного судопроизводства с требованием об оспаривании бездействия органов публичной власти и возложении на них обязанности восстановить положение, которое существовало до нарушения.

Выбор ненадлежащего процессуального порядка в данном случае не влечет негативных правовых последствий для истца. Если суд в ходе подготовки дела к судебному разбирательству придет к выводу, что оно подлежит рассмотрению в ином виде судопроизводства, то он выносит определение о переходе к рассмотрению дела в ином процессуальном порядке (ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ, ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ). Однако следует учитывать, что при рассмотрении данного заявления в порядке КАС РФ порядок распределения бремени доказывания смещается в сторону публичного субъекта, который обязан доказать законность своего бездействия, а именно то, что данная обязанность возложена на иных лиц. Административному истцу необходимо доказать, что бездействие субъекта противоречит действующему законодательству, и подтвердить, что этим бездействием нарушается право на благоприятную окружающую среду неопределенного круга лиц.

Проанализировав отдельные процессуальные аспекты защиты прокурором права на благоприятную окружающую среду неопределенного круга лиц в части ликвидации несанкционированных свалок, можно сделать вывод о некоторых проблемах в правовом регулировании указанного вопроса, что подтверждается неоднозначной судебной практикой. Считаем необходимым сформулировать окончательную позицию по вопросу о возможности ликвидации несанкционированных свалок как коммунального, так и некоммунального характера на территории муниципальных образований в обзорах практики применения судами субъектов Российской Федерации Федерального закона «Об отходах производства и потребления». Кроме того, «пошаговая инструкция» поведения прокурора в данной ситуации должна быть отражена в сборниках методических материалов по организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об обращении с отходами производства и потребления.

Список литературы

Боголюбов С. А. Экологические права и обязанности граждан в государствах Европы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3.

Винницкий А. В. Публичная собственность. М., 2013.

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». М., 2018. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2017_/ (дата обращения: 29.10.2019).

Заседание коллегии Генпрокуратуры России // Сайт Администрации Президента России. 2019. 19 марта. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения 06.11.2019).

Краппов О. И. Земельное право: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

References

Bogolyubov S. A. Ekologicheskie prava i obyazannosti grazhdan v gosudarstvakh Evropy // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 3.

Gosudarstvennyi doklad «O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2017 godu». M., 2018. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2017_/ (data obrashcheniya: 29.10.2019).

Krassov O. I. Zemel'noe pravo: ucheb. 5-e izd., pererab. i dop. M., 2017.

Vinnitskii A. V. Publichnaya sobstvennost'. M., 2013.

Zasedanie kollegii Genprokuratury Rossii // Sait Administratsii Prezidenta Rossii. 2019. 19 marta. URL: <http://kremlin.ru> (data obrashcheniya 06.11.2019).

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 20.05.20.
Уч.-изд. л. 10,57. Объем 1,94 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит